

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА СО РАН
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ В XXI ВЕКЕ**

МАТЕРИАЛЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ СИБИРИ В ОБЛАСТИ ГУМАНИТАРНЫХ
И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Новосибирск
2005

ББК 87
УДК 303.01

Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований в XXI веке. Материалы региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2005. 185с.

ISBN 5-94356-277-X

В сборнике публикуются доклады участников региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований в XXI веке».

Книга рассчитана на специалистов в области социальных исследований, философии и теоретических проблем права, а также всех интересующихся проблемами и перспективами социальных и гуманитарных исследований.

Труды изданы при финансовой поддержке Совета научной молодежи ННЦ СО РАН.

*Сборник издан по решению
Ученого совета
Института философии и права СО РАН*

*Рецензент
д-р филос. наук, проф В. В. Целищев*

*Ответственные редакторы
канд. филос. наук А. М. Аблажей
канд. филос. наук Н. В. Головкин*

ISBN 5-94356-277-X

© Коллектив авторов, 2005
© ИФПР СО РАН, 2005
© Новосибирский государственный
университет, 2005

Содержание

Раздел I Социальные исследования.....	9
<i>Аблажей А.М.</i> Воспроизводство науки: теоретические подходы к исследованию	9
<i>Жданова М.Г.</i> Социальные критерии эффективности интеграции академической науки и высшего образования (на примере ННЦ).....	14
<i>Зятикова Е.Ю.</i> Мотивация научной деятельности молодых ученых.....	17
<i>Федянина М.В.</i> Изучение социального заказа как аспект социологического сопровождения образовательного учреждения	19
<i>Леонтьева Э.О.</i> Институт теневого репетиторства в современных российских вузах	21
<i>Литвинов С.В.</i> Проблемы развития этнорегиональных образовательных систем современной России	24
<i>Ерохина Е.А.</i> Формирование этнических представлений у школьников Новосибирска	27
<i>Иванова С.А.</i> Свадебная обрядность в жизни женщины (на примере этносов юга Сибири).....	31
<i>Зазулина М.Р.</i> Теоретические модели и практика становления местного самоуправления в современной России	35

Раздел II Философские исследования 41

Философия, логика и методология научного знания..... 41

Головко Н.В. К вопросу о реалистской интерпретации
теории относительности..... 41

Хлебалин А.В. О предпосылках экспликации нормативности
логического следования 45

Латина Т.В. Социальный конструктивизм в естественных
и социальных науках 49

Литовка И.И. Древнеавилонская «алгебра»: исторический факт
или миф? 52

Худяков Д.С. Космизм и синергетика: общие черты и отличия 55

Казанская Д.Н., Стрелкова Д.А. Философские проблемы семиотики
и кибернетики 59

История философии в новом интеллектуальном контексте. 62

Вольф М.Н. Развитие представлений о начале и сущем
в ионийской философии..... 62

Кузнецова А.С. Представление о гармонии
в философии Эмпедокла 66

Тарнапольская Г.М. Апофатический символизм
Дионисия Ареопагита..... 68

<i>Бутаков П.А.</i> Представление о природе бога в религиозном иррационализме	71
<i>Осокина А.Н.</i> Этика как проблемное поле исследований философии Кьеркегора	76
<i>Бабак М.В.</i> Критическая теория: проблема существования	77
<i>Рахимгулова С.Б.</i> Философские аспекты герменевтики Ф. Шлейермахера.....	81
<i>Грозина Н.А.</i> Динамическое взаимодействие субъекта и власти в философии М. Фуко.....	84
<i>Социально-философские исследования.....</i>	87
<i>Чистанов М.Н.</i> К постановке проблемы социальной онтологии..	87
<i>Трубицин О.К.</i> Глобализация экономической жизни как движущая сила формирования единой мировой культуры.....	92
<i>Рыженков Е.В.</i> Идеология как социальный феномен: к выработке адекватного определения	94
<i>Карпович С.В.</i> Идеологема как социальный конструкт в структуре экономического знания	97
<i>Оглезнев В.В.</i> Глобализм, как идеология двойных стандартов.....	98
<i>Сапожников Е.И.</i> Общество потребления как гуманистическая проблема	100
<i>Гришанов А.Н.</i> Риск субъекта в темпоральном измерении.....	102

Этика, философские вопросы культуры и образования 106

Вертгейм Ю.Б. Философия массовой культуры:
опыт интерпретации 106

Баторова Э.А. Коллективное измерение моральной
ответственности 108

Микиденко Н.Л. Символ как код культурной информации 111

Лукьянова Н.А. Миф как коммуникативная система 113

Шаофэй С. Упрощение языка как деструктивный фактор
китайского менталитета 115

Кирилова А.В. Взаимосвязь соборного единства и творчества
в культуре России 117

Усова М.Т. Онтология трансляции ценностей музыкальной
культуры в ментальность молодежи России 120

Петров В.В. Специфика многоуровневого подхода в системе
общего образования 123

Актуальные проблемы современной философии 126

Бойко В.А. Рациональность, моральная ответственность
и конституирование субъекта познавательной активности.... 126

Соловьев О.Б. Топология социокультурного пространства
понимания..... 131

Наволоцкая Е.А. Современная социокультурная ситуация
и проблема субъективности 135

<i>Гадицкий Р.В.</i> Феноменология мысли	137
<i>Леонтьев Ю.А.</i> Постмодерн, пост-постмодерн, что дальше?.....	139
<i>Аникина А.Б.</i> Постмодернизм в исторических исследованиях	141
<i>Немцов М.Ю.</i> Понятие «философский текст» в контексте историко-философских исследований.....	144
<i>Дымчиков Э.Ч.</i> Принцип мнимости с позиции методологии естественного реализма.....	147

Раздел III Теоретические проблемы права 150

<i>Дидикин А.Б.</i> Наука и отрасль конституционного права: проблемы взаимодействия	150
<i>Лабузов Д.А.</i> Конституционная ответственность – теоретические проблемы становления.....	153
<i>Стафиевская Е.В.</i> Метод восхождения от абстрактного к конкретному в праве.....	156
<i>Дидикина Ю.Б.</i> Правовая природа опционного договора	158
<i>Непомнящая А.Ю.</i> Патент – авторское свидетельство: историко-правовой анализ	162
<i>Зыков С.В.</i> Проблема эффективности правосудия по спорам, вытекающим из авторско-правовых отношений	164
<i>Самохвалов А.Г.</i> Нравственные начала защиты гражданских прав в деятельности адвокатуры	169

<i>Ветошкина С.А.</i> Особенности наследования прав, связанных с участием наследователя в обществах с ограниченной ответственности.....	170
<i>Ткаченко Е.В.</i> Основание возникновения обязательного правоотношения по предоставлению инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования.....	173
<i>Кириченко К.А.</i> Товарный знак в механизме идентификации производителя	176
<i>Беляева О.В.</i> П Фирменное наименование: проблемы защиты и возмещения вреда от неправомерного использования	179
<i>Мухамедова Н.Ф.</i> Принцип свободы договора в гражданском праве республики Казахстан и его ограничение	182

Раздел I

Социальные исследования

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАУКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ*

А. М. Аблажей

Институт философии и права СО РАН

Очевидно, что в современной России наука как социальный институт и российское научное сообщество как его важнейший элемент находятся в совершенно иной социоэкономической и социокультурной ситуации, чем прежде. В силу этого проблема воспроизводства науки приобретает комплексный характер и сегодня следует говорить не только о факторах и количественных показателях сугубо кадрового воспроизводства или дисциплинарного деления российской науки, но и о специфике воспроизводства ее социального контекста, в том числе положении в социальной иерархии, месте на шкале социальных приоритетов и т.д. Очевидно также, что следует подвергнуть тщательному анализу причины и механизмы изменения базовых ценностей, на фоне которых протекают процессы адаптации научного сообщества России к происходящим переменам, выяснить, существуют ли в реальности подобного рода изменения и если да, то какова динамика процесса, его движущие силы, вектор происходящих изменений, последствия и т.д. В данном случае термин использование термина «воспроизводство» позволяет провести сравнительный анализ прошлого и настоящего российской науки, оценить всю сложность и неравномерность данного процесса. Е.В. Семенов, анализируя ситуацию в отечественной науке, говорит о том, что «если говорить о воспроизводстве национальной научной системы в ее человеческой составляющей, то у нас она не воспроизводится. По крайней мере, она не воспроизводится в масштабе простого воспроизводства» [6, С.7]

Говоря о воспроизводстве науки как социального института, который оказывает весомое влияние на стереотипы поведения и профессиональные цен-

* Доклад подготовлен при поддержке РГНФ (проект № 04-03-00462а «Воспроизводственные механизмы российской науки: современное состояние и перспективы развития»)

ности своих членов, необходимо понять, насколько адекватны реальности идеи ряда науковедов, которые отрицают его определяющее влияние на поведение членов научного сообщества. Так, Д.А. Александров, описывая феномен научных школ с точки зрения теории социальных сетей, пишет: «Не наука как социальный институт формирует ученого, предлагая (приписывая) ему роли, но ученый в своей повседневной деятельности создает то, что мы называем наукой. Наука в господствовавшей долгое время традиции рассматривается как социальный институт с заданными параметрами, с определенными нормами, которым следуют ученые, вся социальная деятельность которых направлена на успешное функционирование института науки» [2, С.7]. С моей точки зрения, такие заявления звучат слишком категорично. Во всяком случае, если взять данные социологических исследований научного сообщества России, прежде всего Новосибирского научного центра и региональных научных центров Сибири, проводимых начиная с 1996 г. группой ученых Института философии и права СО РАН, в той их части, которые касаются научной молодежи, то становится совершенно понятно, что молодые ученые, как правило, ведут себя так, как предписывают правила научного сообщества. В этой связи встает вопрос о том, насколько жизненно понятие «советской» науки, т.е. насколько точно оно отражало суть той научной системы, которая существовала в СССР до начала 1990-х гг., какого рода трансформации, главным образом с точки зрения человека науки оно претерпело с того времени, насколько живучи не только сам термин, но и содержание, в него вкладываемое.

Поставленный таким образом вопрос не имеет очевидного ответа. Во всяком случае, то, что многие (даже большинство) ученых, особенно в небольших локальных научно-образовательных центрах (Кызыл, Абакан, Горно-Алтайск) выступают против коммерциализации науки, говорит о том, что наука как социальный институт обладает собственной логикой развития, не всегда совпадающей с теми трансформациями, которые переживает общество в целом. Те же закономерности срабатывают и на примере зарубежной науки. Канадский исследователь Р. Кэмпбелл пишет, что адекватное понимание процессов подготовки нового поколения ученых невозможно без учета того факта, что важнейшую роль здесь играет усвоение ценностей науки с целью воспроизводства специфической культуры научного сообщества. [8, С.897] В этой связи важное значение приобретает выстраивание типологии научных и научно-образовательных центров в России и проведение сравнительного анализа проблемы их воспроизводства. В самом общем виде схему такой типологии можно представить в следующем виде: 1) крупный научный центр, имеющий мощную образовательную компоненту (Новосибирский научный центр); 2) научный центр регионального значения, в комплексе с рядом вузов (Томск, Красноярск, Омск); 3) научно-образовательный центр, работающий прежде всего на нужды конкретной территории, в первую очередь в области

подготовки кадров и сохранения национального культурного наследия, в том числе интеллектуальной элиты (Горно-Алтайск, Абакан, Кызыл).

Рассмотрение проблемы воспроизводства науки в России следует осуществлять в контексте тех процессов, которые характерны для науки в мире в целом, в частности, имея в виду то обстоятельство, что отношение общества к науке и людям науки не воспроизводится в прежнем виде и наука, наряду с образованием, все полнее включается в рыночные правила игры. По мнению А.П. Огурцова, «... наука переживает не лучшие времена. К сожалению, наука перестает быть вектором, который стягивает все области культуры... Наука перестает быть ядром культуры...». [5, С.5]

Важное значение приобретает проблема социального выбора – почему наука уходит с первых ролей в ряду социальных приоритетов. Возможно, правы те исследователи, которые утверждают: наука просто не может предложить чего-то принципиально нового, за что общество (в глобальном смысле) готово было бы платить. [4] Когда вообще наступает этот этап: еще вчера общество готово было платить как угодно много за науку, не особо вникая в то, за что оно платит огромные суммы, а сегодня нет. Необходимо учитывать, что это специфика не только постсоветского общества, но большинства стран, и в данных условиях научное сообщество уже не воспроизводит прежнюю риторику и аргументацию для собственной самозащиты и внедрения выгодной ему идеологии (в этой связи очень любопытны доклады президентов Американской Академии Конгрессу). Может быть, дело в слишком большом отрыве науки от повседневных практик, и это находит свое отражение в том, что общество готово платить науке только тогда, когда она будет работать на удовлетворение повседневных нужд этого общества. Не исключено также, что суть дела - в сильном усреднении (нивелировании) интеллектуального уровня современного общества, отсюда – перед наукой уже нет прежнего пиетета, т.е. нельзя говорить о воспроизводстве отношения к науке на уровне массового сознания.

Другой важнейший аспект проблемы воспроизводства науки как социального института, и российской науки в том числе: феномен национальной науки и глобализация. М. Франклин, изучая проблемы глобализации науки на примере Европы, пришел к выводу, что уже «...можно говорить о существовании подлинного сообщества науки в Европе, переступающего дисциплинарные и национальные границы. И страны, и дисциплины связаны между собой различными формами сотрудничества и образования. Ученые большинства дисциплин имеют тесные контакты со своими коллегами в шести или более европейских стран... Благодаря высокой степени сотрудничества европейские ученые прекрасно осведомлены о работе своих коллег в других странах и их достижениях...Взаимодействие, сотрудничество в целом и международное сотрудничество в частности играют важную роль в освобождении научного потенциала от ограничений институционального и национального характера. [7, С.48,62] Все более активное участие в данном процессе

начинает принимать и Россия. На государственном уровне сложилось четкое представление о том, что такое глобальная наука и какое место в этом процессе занимает (и должна занимать в ближайшем будущем) Россия.

В соответствии с этим пониманием разрабатывается и стратегия вхождения России в пространство глобальной науки, нашедшая отражение в «Концепции государственной политики Российской Федерации в области международного научно-технического сотрудничества», появившейся в 2000 г. В «Концепции...» констатируется, что «...современные геополитические и гео-экономические процессы... характеризуются тенденциями глобализации и интеграции мировой экономики, широким использованием информационных технологий, формированием нового типа экономики XXI века - "экономики знаний", или инновационной экономики, интернационализацией исследований, разработок и наукоемкого производства, обострением глобальной конкуренции на мировых рынках инвестиций, наукоемких товаров и услуг». Исходя из подобного понимания, в качестве стратегической ставится задача «выработки в рамках отношений со странами - членами "восьмерки" и Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР) стратегии регулирования глобальных интеграционных процессов в области науки, технологий и инноваций. Нарращивание сотрудничества с ведущими в научно-технологическом отношении государствами (США, ФРГ, Япония, Франция, Великобритания и др.) с целью получения новых знаний по актуальным проблемам фундаментальных и прикладных наук, укрепления позиций отечественных научных школ в мировой системе разделения труда в области науки, участия в решении глобальных проблем современности и осуществления проектов меганауки, применения зарубежного опыта для реформирования российской науки». В целом на ближайшую перспективу в качестве основных задач государства в области международного научно-технического сотрудничества поставлены следующие: «сохранение и развитие научного и инновационного потенциала...; создание экономических условий востребованности науки; регулирование процесса миграции научных кадров; развитие территорий с высоким научно-техническим потенциалом; участие российской науки в решении глобальных проблем человечества». [3]

Как показали наши исследования, сегодня можно говорить об *особенностях* российской науки в контексте глобализационных процессов. Моделируя ситуацию, что могла бы означать глобализация науки, мы получили следующий набор признаков: психологическая готовность и соответствующий уровень квалификации, необходимые для того, чтобы стать членом интернационального исследовательского коллектива; наличие личного капитала в виде опыта работы за рубежом и знания особенностей функционирования сферы зарубежной академической и прикладной науки, прежде всего умение находить источники финансирования; востребованность имеющихся и перспективных результатов со стороны зарубежных коллег, и т.д. Проведенные нами по данным параметрам исследования научного сообщества ННЦ позволили

найти убедительные доказательства того, что вхождения отечественной науки в мировое научное сообщество достаточно высоки, резко возросла и психологическая готовность к работе за границей. Увеличился спрос на российских ученых за рубежом, в первую очередь в Европе, что нашло отражение в увеличении числа исследователей, работавших за границей по персональному приглашению зарубежных коллег; при этом совместные исследования проводятся, как правило, либо в университетских подразделениях, либо в академических научных центрах, занятость в частной фирме по-прежнему остается малораспространенной. Растет число отечественных коллективов и фирм, включенных в процессы аутсорсинга, прежде всего в сфере ИТ-технологий. [2]

Есть все основания говорить о существенной трансформации системы ценностей и профессиональных приоритетов молодых ученых, что, в свою очередь, наталкивает на вывод о том, что уже в ближайшем будущем произойдет заметное изменение облика российского научного сообщества, все более и более теряющего признаки сугубо нерыночного образования и постепенно адаптирующегося к новой ситуации в социальном окружении и в функционировании самой науки, имея в виду схему финансирования, структуру исследований, трансформацию взаимоотношений не только отдельных ученых, но и коллективов как на уровне секторов и лабораторий, так и целых институтов. Другими словами, сегодня воспроизводство науки как социального института и той сложной системы взаимоотношений, которая вокруг нее выстраивается, происходит на качественно новом уровне, при том, что важнейшие тенденции, складывавшиеся с середины 1990-х гг., с началом масштабной реформы науки, продолжают сохранять свое значение и сегодня, что касается в первую очередь схемы финансирования исследований. Одновременно усиливается недоверие к проводимой государством научной политике.

Литература

1. Аблажей А.М. Глобализация науки и российское научное сообщество (на примере Новосибирского научного центра) // Гуманитарные науки в Сибири. 2005, №1.
2. Александров Д.А. Научные школы как социальные сети // Академические научные школы Санкт-Петербурга. Спб., 1998
3. «Концепция государственной политики Российской Федерации в области международного научно-технического сотрудничества» // Взято: [www.csrs.ru / Public/ Others/ Conception1.htm](http://www.csrs.ru/Public/ Others/ Conception1.htm) 18 мая 2005.
4. Кордонский С. Кризисы науки и научная мифология // Отечественные записки, 2002, №7 (Взято: <http://www.strana-oz.ru/?numid=8&article=383> 18 мая 2005)

5. *Огурцов А.П.* Философия восполняет пробелы // Университетский проспект, №9 (28), 2002, 27 ноября
6. Российская наука и молодежь. Материалы «Круглого стола» // Вопросы философии, 2004, № 2
7. *M.N. Franclin.* The community of science in Europe: Preconditions for research effectiveness in European Community countries. Brussels, Luxembourg, Gowec, 1988
8. *Robert A. Campbell.* Preparing the Next Generation of Scientists: The Social Process of Managing Students // Social Studies of Science 33/6 (December 2003)

СОЦИАЛЬНЫЕ КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ННЦ)*

М. Г. Жданова
Институт философии и права СО РАН

Объективная необходимость удовлетворения запросов инновационного общества обуславливает интерес к проблемам развития научно-образовательного комплекса, как к одному из важных факторов инновационных процессов. Одним из основных вопросов развития научно-образовательного комплекса является вопрос об эффективности интеграции науки, образования и экономики. Согласно Б. М. Смирнову, С. В. Валдайцеву и А. А. Румянцеву [1], интеграцию науки и образования можно рассмотреть через систему социально-экономических и социально-политических эффектов. Попытка анализа эффективности интеграции академической науки и высшего образования в научно-образовательном комплексе Академгородка, способна внести существенный вклад в процесс дальнейшего выявления и уточнения формулировок социальных критериев эффективности.

В качестве основных эмпирических источников выступили результаты социологических исследований «Студент и наука», проведенного в 2001 г. [2], воспроизведения механизма академической науки, проведенного в мае – июне 2004 г., а также экспертный опрос руководителей ведущих лабораторий Новосибирского научного центра, проведенный автором в июне – июле 2003.

Социальными критериями достижения эффективности интеграции в научно-образовательном аспекте в результате проведенных исследований при-

* Доклад подготовлен при поддержке РГНФ (проект № 04-03-00462а «Воспроизводственные механизмы российской науки: современное состояние и перспективы развития»)

знана система следующих показателей подготовки научных кадров: степень объединения кадровых потенциалов научного и образовательного учреждений; степень заинтересованности студентов в продолжение своей карьеры в академической науке; количественные показатели востребованности подготовленных специалистов на международном рынке.

В настоящее время в Новосибирский научный центр фактически интегрирован Новосибирский государственный университет. Важнейшим критерием интеграции ННЦ СО РАН и НГУ является численность задействованных в учебном процессе НГУ сотрудников НИИ ННЦ СО РАН, на базе которых ведется обучение студентов, магистрантов и аспирантов. В составе НИИ ННЦ СО РАН 33 НИИ, т.е. 84,6% от всего научного комплекса ННЦ. Из 1607 преподавателей НГУ 1048, т.е. 65,2 % являются сотрудниками СО РАН (штатные совместители). Из 179 руководителей аспирантов НГУ 138, т.е. 77,1 % так же являются сотрудниками СО РАН. Таким образом, с полным основанием можно об успешном функционирующем, на протяжении нескольких десятков лет, научно-образовательном комплексе новосибирского Академгородка.[3]

Высокие показатели интегрированности научных сотрудников в образовательный процесс НГУ обусловлены необходимостью подбора студентов для востребованных практикой областей науки. В советское время студентов для НГУ готовили со школьной скамьи с одобрения государства. В настоящее время выбор профессии ученого осуществляется школьниками либо по причине надежды на качественное образование, либо под влиянием семейных традиций, либо – по соображениям престижности диплома НГУ.

Согласно данным исследования «Студент и наука», проведенного в 2001 г., 79% студентов НГУ считают, что без качественного образования не найти достойного места в жизни. Но при этом сильной первоначальной мотивацией обучения в данном вузе у 19% студентов является желание работать за рубежом [4]. Определяя свое отношение к работе за рубежом, более 80% опрошенных четверокурсников НГУ ответили, что имеют более или менее выраженное намерение работать при наличии возможностей в зарубежных фирмах и лабораториях[5]. Можно утверждать, что современная российская академическая наука готовит значительную часть высококвалифицированных специалистов не для России, а для западной, особенно для американской экономики, которые сейчас нуждаются в подготовленных научных кадрах (преимущественно биологического профиля) и в разработчиках новых технологий для наукоемкого производства.

Востребованность подготовленных в НГУ специалистов на международном рынке во многом зависит от способностей научного руководителя выстроить международное сотрудничество российских и зарубежных лабораторий на взаимовыгодных условиях. «Одной из целей такого сотрудничества является поддержания высокой квалификации кадрового состава лаборатории, что делает возможным финансирование нашей фундаментальной нау-

ки». (З.С., ИЦиГ, интервью 6 мая 2004). Управленческая политика руководителей научных коллективов несколько сдерживает миграционные настроения среди молодой смены и повышает престиж прохождения аспирантуры в тех лабораториях, которые имеют материально-техническую базу на уровне западных лабораторий. Однако неразвитость сфер производства, в которых могли бы применяться фундаментальные знания данных областей науки, способствует формированию миграционных настроений после прохождения аспирантуры. «Вот я потратил огромные средства, усилия на подготовку высококвалифицированного специалиста. Он научился и поехал работать в западные лаборатории». (Ж. И. ИЦиГ, интервью 5 июня 2003 г.)

Анализируя социальные критерии эффективности интеграции науки и образования, мы пришли к выводу, что на современном этапе интеграции требуется разрешения двух основных противоречий. Во-первых, противоречия между потребностью инновационного общества в высококвалифицированных кадрах и возможностями современного государства обеспечить условия подготовки научных кадров в научно-образовательном комплексе. Во-вторых, противоречия между большими затратами материально-технических и финансовых средств для подготовки научных кадров (в основном за счет ресурсов научных лабораторий) и их стремление к миграции за рубеж. Другими словами, анализ социальных критериев эффективности интеграции показывает, что эффективность интеграции во многом обусловлена государственной политикой, а та, в свою очередь, обусловлена заинтересованностью государства в продукте интеграционного процесса: высококвалифицированных кадрах. Выявленные нами противоречия показывают, что интерес современного российского государства к эффективности интеграции науки и образования недостаточно проявлен, а идущий процесс объединения науки и образования исполняет роль социального механизма самовоспроизводства, в данном случае, прежде всего, академической науки.

Примечания

1. Методические основы оценки эффективности интеграции науки и высшего образования. М., 1998. с. 14 – 17;
2. Студент и наука. 2001 г.: Материалы социологического исследования. – Новосибирск, 2002.
3. О путях совершенствования интеграции институтов новосибирского научного центра СО РАН и вузов г. Новосибирска. Из доклада академика В. И. Молодина // Наука в Сибири. 2004, № 47
4. Студент и наука. 2001 г. - С. 19, табл. 18.
5. Там же. - С. 93, табл. 30.

МОТИВАЦИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Е. Ю. Зяткова

Новокузнецкий филиал-институт
Кемеровского государственного университета, г. Новокузнецк

В последнее десятилетие активно обсуждается проблема состояния отечественной науки, ее развития и перспектив. В частности, проблема воспроизводства научных кадров. Тенденция к сокращению кадрового потенциала российской науки сформировалась уже в конце 80х годов, за период же 1990-98 гг. наука потеряла более миллиона человек (54% кадрового состава). Остро стоит и проблема «старения» научных кадров: сегодня средний возраст ученого составляет 50-55 лет, в то время как в начале 60-х этот показатель равнялся 38 годам. При этом проблема состоит не в механическом увеличении числа научных работников т. к. формально здесь есть рост, растет число аспирантов. Но далеко не всегда поступление в аспирантуру завершается защитой диссертации и далеко не любая диссертация вносит вклад науку.

В сложившейся ситуации привлекает внимание проблема изучения мотивации научной деятельности молодых ученых. Актуальность проблематики обусловлена практически полным отсутствием в системе социологического знания подобного вида работ. Большое количество работ посвящено анализу негативных факторов, препятствующих выбору научной карьеры молодежи. Данные факторы широко известны – это и системный кризис российской науки в целом (в том числе материальных) и падение престижа научной деятельности. Но на наш взгляд, именно изучение побуждающих причин поступления в аспирантуру и мотивов выбора научной карьеры молодыми учеными может способствовать совершенствованию методов привлечения молодежи в науку. Цель исследования: изучение мотивационной структуры молодых ученых. Задачи: изучить общую структуру профессиональной мотивации; рассмотреть исследование мотивов выбора научной карьеры Маслоу А.Г. На основе изложенных подходов выстроить структуру мотивации молодых ученых.

Психологические? Механизмы? формирования профессиональной направленности личности предполагают образование системы "человек - профессия", внутри которой начинается взаимодействие объекта и субъекта. Идеальная модель должна содержать полное совпадение объективного содержания деятельности и ее личностного смысла. Однако достаточно редко в структуре мотивов выбора профессии доминируют прямые мотивы. Можно выделить три основные модели соответствия мотивации и структуры деятельности:

1. Выбор профессии основывается на существенных аспектах объективного содержания профессиональной деятельности. Остальные мотивы в большей или меньшей степени дополняют, подкрепляют ведущий мотив.

2. Доминирующую роль играет мотив, побочный по отношению к объективному содержанию деятельности, причем в структуре мотивов содержатся и прямые мотивы.

3. Полное отсутствие прямых мотивов выбора профессии.

В зависимости от функционирования той или иной модели можно говорить об устойчивости и эффективности профессиональной мотивации человека.

Мотивационная система выбора молодыми людьми научной карьеры, как и общая система профессиональной ориентации, может включать в себя различные мотивы и быть обусловлена большим количеством потребностей. Как отмечает Маслоу А.Г., человек может рассматривать науку как образ жизни, источник престижа, средство самовыражения или удовлетворения одной из индивидуальных потребностей. Причем если некоторые потребности могут быть удовлетворены и с помощью иных видов деятельности, то потребности когнитивного ряда (в познании, понимании), а также экспрессивные потребности (эмоциональное и моторное самовыражение) могут быть в достаточно полной мере удовлетворены именно в процессе научной деятельности. Необходимо учитывать и комплексный характер побуждающих к научной деятельности индивидуальных потребностей.

Анализируя феномен двойственной природы ценностей, Мильман В.Э., различает понятия производительной и потребительной систем в структуре мотивации личности. Функция потребительных процессов состоит в поддержании жизнедеятельности субъекта, производительных – в развитии человека и общества. Эти процессы соединяются в структуре мотивации и, взаимодействуя на различных уровнях развития, формируют у субъекта один из мотивационных профилей – прогрессивный или регрессивный. Именно производительная мотивация обуславливает заинтересованное отношение субъекта к деятельности, активную направленность на социально значимые ее аспекты.

На наш взгляд, мотивационная структура молодых ученых соответствует общей структуре профессиональных мотивов. В данной работе используется следующая классификация мотивов выбора научной карьеры, синтезирующая рассмотренные выше подходы. Итак, мы выделяем две категории мотивов:

1. Мотивы потребительского характера, личностного использования международного статуса науки (мотивы отсрочки от армии, решение жилищных и материальных проблем, возможность работы за рубежом).

2. Мотивы производительного характера, к которым относятся:

- Когнитивные (познавательные)
- Самовыражения, самоактуализации, признания в обществе

- **Общественные** (осознание необходимости трудовой деятельности, служения общественным целям).

Исходя из ценностей и существенных аспектов научной деятельности, можно предположить, что совпадение между содержанием профессионального научного труда и личностной мотивацией молодого ученого будет представлено именно в мотивах второй категории. Гипотезой дальнейшего исследования структуры мотивации научной деятельности аспирантов и соискателей будет преобладание у них производительных мотивов.

ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ЗАКАЗА КАК АСПЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

М. В. Федянина

Томский государственный университет

Социологическое сопровождение образовательного учреждения включает в себя изучение различных аспектов деятельности школы, в том числе и изучение социального заказа. До недавнего времени единственным заказчиком образовательных услуг на уровне общего среднего образования выступало государство. В настоящий момент помимо государственного заказа можно выделить требования образовательных учреждений профессионального образования, профессионально-педагогические потребности учителей, а также потребности обучающихся и их родителей. Социальный заказ может формироваться как для всей системы общего образования, так и для отдельного образовательного учреждения.

Для изучения социального заказа образовательного учреждению Гимназия № 18 г. Томска было проведено исследование методом анкетного опроса, цель которого – выявить востребованность со стороны обучающихся и их родителей образовательных услуг, предоставляемых гимназией. Объектом исследования стали родители и обучающиеся 5-9 классов 2004/2005 учебного года.

На данный момент гимназия специализируется на изучении французского языка, а также на предоставлении профильного образования. В качестве дополнительных услуг предполагаются дополнительное изучение отдельных предметов, услуги воспитательного характера. Результаты проведенного исследования показали следующее.

Изучение французского языка является узкоспециализированной потребностью. Лишь незначительная доля обучающихся и родителей заинтересованы в его изучении с целью дальнейшего использования, но этот интерес носит устойчивый характер. Для большинства родителей французский язык –

возможность повышения общего уровня развития ребенка. Поэтому, по мнению большинства родителей, уроков французского не должно быть много. Желание оплачивать услуги французского зависит от целей его изучения. Размер оплаты от целей изучения не зависит, подавляющее большинство родителей готовы оплачивать лишь невысокие суммы в пределах 200 рублей в месяц. В такой ситуации гимназии рекомендовано, во-первых, осуществлять целевой набор в классы с углубленным изучением французского языка, во-вторых, перенести акцент изучения французского из образовательной плоскости в воспитательную.

Относительно выбора образования по определенному профилю родители и дети не имеют отчетливо сформированных представлений. Для детей важно изучение отдельных предметов, а не комплексное в соответствии с каким-либо профилем. Среди предметов преобладают английский язык, математика, информатика. Для родителей также важно обучение, в основу которого заложено изучение математики, предпочтение чаще отдается физико-математическому и экономико-математическому профилям. Гуманитарный профиль является для родителей более значимым, чем лингвистический. Среди тех, кто выбирает лингвистический профиль, большинство заинтересовано в целенаправленном изучении французского. Химико-биологический профиль, несмотря на наличие объективных предпосылок для его востребованности, занимает невысокие позиции среди родителей и детей всех параллелей. Требование большинства родителей к обязательному наличию возможности перехода из одного профильного класса в другой подтверждает выводы о несформированности у большинства родителей позиции относительно выбора профиля для продолжения образования ребенком. В данном случае гимназии рекомендовано, во-первых, проводить профориентационную работу среди обучающихся и родителей, во-вторых, проводить уроки, направленные на формирование межпредметных связей.

Дополнительное изучение предметов востребовано как родителями, так и обучающимися. Родители и дети ориентируются на углубленное изучение математики, английского. Далее, для детей важны информатика, блок гуманитарных дисциплин – русский язык, литература, история, французский. Родителям более значим русский язык, физика, меньшее значение придается французскому, информатике. На дополнительных занятиях детям важны ликвидация пробелов и повторение материалов, а родителям – углубление в предмет. Разница позиций родителей и детей обусловлена тем, что обучающиеся обозначают реальные потребности, а предпочтения родителей носят желаемый характер. Более приемлемой для родителей является организация дополнительных занятий в форме факультативов.

В области воспитательных услуг предпочтения родителей и обучающихся не противостоят друг другу. Обучающиеся ориентируются на спорт, искусство (танцы, театральная студия), мероприятия, связанные с учебной деятельностью и прочее. Ориентация обучающихся на образование в свободное от

учебы время свидетельствует, во-первых, об ожидании от школы образовательных услуг, а не воспитательных, во-вторых, о непроработанности или бессистемности воспитательной деятельности в гимназии. Предпочтения родителей в направлениях воспитания отражают состояние системы ценностей российского общества. Последствия аномии поставили на первое место проблему нравственного воспитания детей. Менее всего родителей интересует политическое и интернациональное воспитание. Для обеих подгрупп актуально физическое, эстетическое развитие. Но для родителей ключевой проблемой является нравственное воспитание ребенка. В качестве субъектов воспитания предпочтение отдается специалистам, занимающимся непосредственным воспитанием, а доверие школьным учителям невысоко.

Результаты полученного исследования будут учитываться при создании новой программы развития, которую разрабатывает Гимназия, а также для корректировки текущей деятельности. В данном случае осуществляется исследовательская функция социологического сопровождения, т.к. происходит описание и анализ социального заказа образовательному учреждению со стороны участников образовательного процесса.

Литература

Арцев М.Н. Образовательная программа как программа развития образовательного учреждения. // Завуч. - №5, с.29-51.

ИНСТИТУТ ТЕНЕВОГО РЕПЕТИТОРСТВА В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ВУЗАХ

Э. О. Леонтьева

Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

Практика репетиторства, известная ещё со времён дореволюционных домашних учителей, в условиях реформирования системы образования переживает пик популярности. Данные регулярного мониторинга экономики образования, проводимые ГУ ВШЭ в 2002-2003 г [1] показывают, что оплата этих занятий составляет одну из самых затратных статей бюджета семьи в расходах на образование. Рост популярности занятий с репетиторами подтверждают факты. Так, в целом по стране 31% родителей студентов оплачивали занятия с преподавателями в период подготовки детей к поступлению в вуз, а в отдельных областях эта цифра достигает 64 %. Индивидуальные занятия стали обычной практикой во многих (43 %) общеобразовательных учреждениях. По подсчётам экспертов, в 2002 г. рынок репетиторства составил более

300 млн. долларов, и динамика последних изменений в сфере образования не предполагает его снижения [2].

Анализ приведенных фактов представляется особо актуальным в силу того обстоятельства, что этот рынок в принципе не может быть прозрачным. Основные транзакции здесь происходят в неформальной сфере, поскольку большинство из репетиторов работают без официальной регистрации. Это позволяет снизить затраты вхождения на рынок для самого репетитора и соответственно, оказывать услуги по более низким расценкам сравнительно с теми, что предлагают организованные репетиторские структуры. По данным Ф. Шереги [3] репетиторство практикуют до 30 % преподавателей вузов, в том числе 16 % на постоянной основе. При этом из опыта интервью с преподавателями [4] выяснилось, что вопрос об официальной регистрации этого вида деятельности вызывает искреннее недоумение: «А зачем?».

Причины популярности индивидуальной частной подготовки учащихся разнообразны. Назовём самые основные из них.

- недовольство со стороны родителей оценками, которые дети получают в школе (55% родителей считают, что оценки не вполне объективно отражают уровень знаний);

- недовольство подготовкой в школе (32% родителей считают, что уровень подготовки низкий, а 43 % считают платные образовательные услуги более качественными).

В этих случаях родители или сами учащиеся прибегают к услугам репетиторов действительно с целью получения дополнительных образовательных услуг высокого, как они полагают, качества. Такие занятия с преподавателями хоть и имеют отношение к скрытым от учёта доходам, по сути теневыми не являются. Опыт исследования теневой деятельности вузов позволяет прийти к выводу, что под вывеской репетиторства в вузах работает его теневой аналог: сложившаяся *практика платной подготовки студентов (и абитуриентов) с гарантией результата*. Повсеместная распространённость этой услуги позволяет говорить о наблюдаемом в большинстве вузов вырождении репетиторства в теневой институт.

Обычные неформальные транзакции приобретает характер теневой практики, когда преподаватель заниматься за плату со студентами своего же курса, либо договаривается с коллегой за определённый процент от гонорара. Студент, оплачивающий услуги репетитора, покупает только гарантированный результат. Знания как показатель качества услуги его не интересуют вовсе, поскольку для замаскированного репетиторства показатель качества другой – как правило, это оценка. Знания в данном создают камуфляж сделки, позволяя всем сохранить лицо в ситуации, когда напрямую дать взятку нелегко или по каким-то причинам нельзя. Кроме этого, завеса репетиторства позволяет разыграть абсолютно легальный сценарий, названный нами «честная взятка» т.к. в этом случае совершенно невозможно выяснить, за что именно получена плата. Мотивация к сделке со стороны преподавателей по-

нятна: во-первых, он не обязан тратить личное время на дополнительные занятия, во-вторых, есть основания считать, что большинство из них действительно работают и считают, что получают именно за работу. Студент при этом убеждён, что он оплачивает конечный результат и, явно или неявно, демонстрирует эту цель. Чаще всего это предварительно обговаривается, но ситуация совершенно прозрачна даже при отсутствии договора. Все преподаватели, имеющие опыт подобной работы, говорят, что они просто не могут в этом случае поступить иначе, потому что снижение оценки или отказ в таковой вообще, воспринимаются противоположной стороной как намёк на ожидание дальнейших выплат или требование о повышении гонорара.

Некоторые преподаватели, пытающиеся честно практиковать репетиторство, имели крупные неприятности, обманывая ожидания студентов. Почти все такие опыты приводили к тому, что наиболее принципиальные сразу же оставляли это поле деятельности и находили возможность подработать менее неприятным способом.

Теневой институт репетиторства, маскируясь под обычную неформальную практику, создаёт идеальный камуфляж обычному бытовому взяточничеству, отличаясь, однако, более низким уровнем доходности сделок. Но и в этом случае стоимость услуг, определяющая уровень доходов, напрямую зависит от степени гарантированности результата и символической ценности этого результата. По поводу последнего в теневом пространстве вуза сложилась устойчивая уровневая система: наивысшую символическую ценность имеет поступление в вуз и оценки на вступительных экзаменах, ценность экзаменационной оценки ниже чем абитуриентской, но выше простого зачёта. Эта иерархия и определяет уровень цен на репетиторские услуги, который также зависит от того, что именно является предметом сделки. Студент, который покупает «платные консультации» с гарантией оценки, заплатит больше, чем если бы просто дополнительно занимался по предмету. Особенно часто теневое репетиторство встречается в практике подготовки абитуриентов. Здесь цена на занятия с гарантией поступления почти вполнину выше, чем обычная подготовка к сдаче экзамена. Высокий уровень цен поддерживается также и повышенным спросом: 81, 1 % родителей готовы платить за гарантированное поступление своих детей в вуз [1, 2].

Примечания:

1. Стратегии семей в сфере образования. Информационный бюллетень Мин. образования РФ, ГУ-ВШЭ, ФОМ. — М., 2004.
2. Данные приводятся по материалам аналитического отчёта «Социологическое обеспечение реализации плана действий правительства по модернизации образования. Мониторинг реформы системы образования». Исследование проводилось в 2001 г. Центром Социологических и психологических технологий в образовании по заказу Министерства Образования РФ

3. Шереги Ф. Социология образования: прикладные исследования. — М., 2001.

4. Исследование проводилось в 2001-2003 г. в рамках работы по проекту «Институализация «теневых» отношений в сфере высшего образования», поддержанного Программой «Развитие социальных исследований образования в России» (Европейский Университет в Санкт-Петербурге), грант 01П-048). В опросе методом глубинного интервью приняли участие студенты, преподаватели и административные работники вузов г. Хабаровска (68 интервью).

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭТНОРЕГИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С. В. Литвинов

Институт философии и права СО РАН

Образование связано со всеми сферами общественной жизни. Реализуется эта связь непосредственно через личность, включенную в экономические, политические, духовные, иные социальные связи. Образование является единственной специализированной подсистемой общества, целевая функция которой совпадает с целью общества. Если различные сферы и отрасли хозяйства производят определенную материальную и духовную продукцию, а также услуги для человека, то система образования «производит» самого человека, воздействуя на его интеллектуальное, нравственное, эстетическое и физическое развитие. Это определяет ведущую социальную функцию образования – гуманистическую.

С распадом СССР на рубеже 80-90-х гг. XX века регионализация выступила основой и содержанием образовательных реформ, построения вариативных этнорегиональных воспитательных моделей. Закон РФ «Об образовании» (1992 г.) закрепил за каждым субъектом федерации право на построение содержания образования с учетом национально-культурных, историко-географических особенностей региона, что, с одной стороны, открывало новые возможности в решении задач гуманизации и вариативности образования, а с другой, актуализировало проблемы построения качественно новой образовательной среды с учетом этнокультурных особенностей.

Специфика современного социально-экономического реформирования в Российской Федерации является эмпиричность, запаздывание в теоретическом осмыслении происходящих процессов, а также отсутствие ориентиров, направляющих и корректирующих процессы реформ. Это относится также к образовательной сфере, переживающей кардинальные изменения в процессуальной и содержательных областях, которые связаны с современными общественными процессами децентрализации и гуманизации. Данные

ственными процессами децентрализации и гуманизации. Данные процессы привели к всесторонней и многоуровневой регионализации в развитии основных сфер общественной жизни: политике, экономике, культуре, образовании. Видоизменилась и приобрела национально-региональный оттенок социализирующая функция образования, призванная поддерживать процесс воспроизводства социального опыта, добиваться оптимальной адаптации к современным общественно-цивилизационным и культурным реалиям, закреплять в сознании нового поколения ценностные ориентиры жизни.

Так как процессы регионализации затрагивают прежде всего социально-культурные институты, в первую очередь образовательные, возникает необходимость в переосмыслении роли, положения и перспектив дальнейшего развития образования в условиях "глобальной регионализации" общественной жизни всей страны.

Федеративность Российского государства предполагает ориентацию социальных институтов на региональные социально-экономические, культурно-образовательные, этно-исторические, эколого-деятельностные и другие особенности конкретного региона. Все субъекты современной России видят в развитии национально-региональных систем образования путь закрепления своих исторических перспектив. Как указывает В.К. Шаповалов, политико-рефлексивные установки региона и центра сходятся на том, что в новых условиях образование должно в своей структуре, содержательном, типологическом и управленческом аспектах отражать фактор региональности.

Изменение социокультурной среды развития личности и содержания образования обусловили поиск «нового образа человека», новых средств развития личности обучаемого. Основное противоречие в развитии этнорегиональных образовательных систем современной России мы видим в несоответствии этнорегиональных и поликультурных факторов построения содержания образования. С одной стороны, развитие образовательной системы призвано сохранить национальную идентичность, с другой – создать условия для свободного вхождения в мировое культурно-образовательное пространство с учетом глобализации мировых процессов. Как показывают исследования, в каждой из этнорегиональных образовательных систем современной России формировался образ человека как носителя определенного этногенетического кода: знающего родной язык, особенности национальной культуры, традиции и обычаи. Вместе с тем, процесс социализации и интериоризации личности немислим без усвоения общечеловеческих ценностей, особенностей проявления иных культур.

Антропологический идеал должен формироваться в контексте поликультурного образования, методологическими позициями которого могут выступить подход П. Каптерева о взаимосвязи национального и общечеловеческого в педагогике, согласно которому педагогическая деятельность осуществляется на основе национального идеала в контексте общечеловеческого идеала; антропологическая концепция личности С. Гессена на основе трансцен-

дентализма, указывающая на то, что могущество индивидуальности коренится в тех духовных ценностях, которые есть задания ее творческих устремлений: именно через приобщение к миру «сверхличных» ценностей происходит созидание самой личности; теория М. Бахтина о человеке как уникальном мире культуры, вступающем во взаимодействие с другими «личностями-культурами», творящем себя в процессе такого взаимодействия.

Ведущий принцип реализации национального в поликультурном образовании предполагает максимальный учет конкретных национальных реалий и определение их места и значимости в интернациональном мире. Образовательная стратегия, направленная на формирование личности, способной к эффективной жизнедеятельности в многонациональной и поликультурной среде, определяет следующие образовательные задачи: глубокое и всестороннее овладение основами национальной культуры, что является непременным условием интеграции в другие культуры; формирование представлений о многообразии национальных культур, воспитание позитивного отношения к культурным различиям, обеспечивающим условия для самореализации личности; приобщение к основам мировой культуры, раскрытие объективных причин процесса глобализации, взаимозависимости народов в современных условиях.

В этническом аспекте система образования является как бы «сквозной» системой, равно и обязательной в своей школьной части и доступной соответственно способностям в части профессионального образования для всех молодых людей вне зависимости от их этнического происхождения. Поэтому, проблема развития этнорегиональных образовательных систем не так однозначна на первый взгляд.

Во-первых, понятно стремление многих национальностей и этносов страны, имеющих свою письменность и язык передать все это вместе с культурой и системой духовно-нравственных ценностей своим потомкам. Удобной системой является система образования, так как во время становления личности ребенка как индивида он находится под мощным воздействием системы образования.

Сильный перекося в сторону изучения родного языка затруднит доступ школьникам в ВУЗы, так как в любой ВУЗ необходимо сдавать русский язык и литературу (то есть сочинение либо диктант). Переход на единый государственный экзамен создаст еще больше трудностей учащимся. Возникают вопросы о сбалансированном преподавании родного языка (в национальных районах) и русского.

Краеугольным понятием в осуществлении подобной стратегии для России с неизбежностью станет понятие "национальная школа", и в связи с этим проблема содержания образования. Отметим, что в Законе об образовании (1992, 1996 г.г.) исключено понятие национальная школа и речь идет о школах с русским языком как неродным. В законе провозглашается единство культурного и образовательного пространства страны при всемерном содей-

ствии развитию национальных культур и региональных культурных традиций. Однако для реализации задачи сопряжения этнического и надэтнического в многонациональном гражданском обществе предложено формально-механическое расчленение общего содержания образования на изолированные инвариантный федеральный и вариативный национально-региональный компоненты, передав последний в ведение субъектов федерации, а выбор языка обучения - в компетенцию самих образовательных учреждений или их учредителей.

Во-вторых, в связи с непростой обстановкой в обществе в отношении с людьми другой веры и другой национальности встает проблема толерантного отношения к представителям разных национальностей.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У ШКОЛЬНИКОВ НОВОСИБИРСКА

Е. А. Ерохина

Институт философии и права СО РАН

Кардинальные изменения в социально-экономических и политических условиях жизни различных регионов бывшего СССР в постсоветский период обострили проблему миграции и адаптации переселенцев на новых местах. Данная проблема остро стоит не только для столичных городов, но и для трансграничных регионов, в числе которых – Западно-Сибирский регион. Переезд и обустройство на новом месте сами по себе являются условиями, провоцирующими стресс. Процесс социальной и психологической адаптации к новому месту жительства усугубляются еще и тем фактом, что для многих мигрантов закрепиться в условиях крупного города, каковым является Новосибирск – означает приспособиться к совершенно новой социокультурной среде.

Демографическая ситуация в нашем регионе такова, что численность населения возрастает не за счет естественного воспроизводства, а за счет миграционных потоков населения из других регионов России и стран СНГ. Уже сейчас остро стоит задача адаптации мигрантов и их детей к современным социокультурным реалиям жизни в условиях сибирского мегаполиса. Потомки мигрантов, если они захотят остаться жить в России, должны пройти процесс аккультурации, стать гражданами России. Это предполагает свободное владение русским языком, которое откроет для них возможность использовать образование как один из важнейших каналов социальной мобильности.

Предлагаемый ниже материал — часть результатов исследования, посвященного изучению этнического самосознания учащейся молодежи Новосибирска. Исследование осуществляется в рамках экспедиционного проекта СО

РАН сотрудниками сектора этносоциальных исследований ИФиПР СО РАН Е.А. Ерохиной и М.А. Абрамовой. Одна из задач, которая ставилась авторами исследовательского проекта, заключалась в оценке готовности школьников к межэтническим контактам. Опрос проводился в конце апреля 2005 г. методом случайной выборки и носил пилотажный характер. В выборку попали молодые люди, школьники 9-11 классов, возрастной категории от 14-17 лет. Опросу подверглись 210 человек, учащихся школ Октябрьского района, в основном жителей Октябрьского и Дзержинского районов. Подавляющее большинство из них проживает на территории данных районов в пределах от Октябрьского рынка до городской барахолки (85%), а также в районах левого бережья – Кировском и Ленинском (10%) — и в остальных районах города – 5%. Подавляющее большинство опрошенных школьников — русские.

Октябрьский район, является полиэтническим и по структуре населения (особенно частный сектор) и по занятости. Представители нерусских этнических групп, имеющие специфические отличия в манере поведения, особенностях внешности, стиле одежды, выделяются прежде всего на рынках и в местах массовых скоплений (на остановках, на транспорте). Это тоже очень важное дополнение: психологами исследован и описан механизм «заражения», свойственный толпе, который провоцируется повышенным уровнем агрессивности в местах массовых скоплений людей, доминированием ментальных процессов групповой категоризации и стереотипизации над процессами индивидуального восприятия, эмоциональная вовлеченность в события, некритичное отношение к своим поступкам. Поведение одного или нескольких участников взаимодействия, проинтерпретированное другими как неадекватное, нередко вызывает агрессивную реакцию раздражения.

Эта реакция может быть спровоцирована рядом обстоятельств, не имеющих ничего общего с этнокультурным контекстом общения. Речь идет о факторах, имеющих биологическую (скученность, загазованность автомобильным движением,), психологическую (отсутствие личного пространства, перегруженность пассажиропотока в направлении станций метро, вызывающая чувство дискомфорта), социально-экономическую и профессиональную специфику деятельности (уровень цен, необеспеченных доходами «бюджетников» и социально-незащищенных слоев населения, несоответствие условий торговли на рынках элементарным санитарно-гигиеническим требованиям). Естественно, что негативный опыт восприятия представителей других культур, приобретенный в таких ситуациях, а не, скажем, на концерте, в театре, в библиотеке, нередко транслируется и далее, проецируется на другие ситуации межэтнического общения.

Процедура сбора материала данного исследования имела одну существенную деталь, которая отличает его от других подобных. Первое, что предлагалось сделать респондентам – заполнить бланк этнокультурной компетентности, который содержал только открытые вопросы. Опросник был направлен на выявление этнокультурной осведомленности подростков и моло-

дежи. Вопросы были разной степени сложности. Однако сама процедура заполнения актуализировала этнические представления, мобилизовала не только когнитивные ресурсы, но и эмоциональную составляющую этнического самосознания. Таким образом, заполнив опросник и приступив к заполнению стандартной социологической анкеты, на выходе удалось получить определенное отношение русских респондентов к собственной этничности.

Опрос позволил выявить высокую степень этноцентризма у молодых людей русской национальности. 40% опрошенных назвали свой народ, русских, образцом для подражания. На открытый вопрос, почему данный этнос является образцом для подражания, следовали следующие ответы: «русский человек может приспособиться ко всему», «русские самые лучшие», «потому что это – мы», «самые умные», «потому что я – русский». «мы – лучшие», «потому то я среди этих людей живу и к ним отношусь». В качестве аргументов приводились также ссылки на черты национального характера. Если сгруппировать эти черты, то можно получить две категории ответов: оптимизм и умение выходить из любой трудной ситуации. Последняя группа ответов достаточно неопределенна: идет ли речь о том, чтобы выходить из затруднений с достоинством, или выходить из сложной ситуации не проиграв, или выходить из нее победителем. Можно предположить, что речь идет о способности не теряться в трудной ситуации.

Большинство учащихся оценили межнациональные отношения в Новосибирске как проблемные: 37%, т.е. треть опрошенных школьников полагают, что в межнациональных отношениях в городе присутствует скрытое напряжение, 18,5% респондентов чувствуют сильное напряжение в этой сфере. Меньше четверти (24,5%) участников опроса оценили межнациональные отношения как стабильные.

На просьбу указать, в каких сферах, где и как оно проявляется, были получены следующие ответы: «в негативном отношении к представителям некоторых народов» (9 респондентов), «в разговорах», «в усмешках над внешним обликом», «в угнетении кавказцев», «проявляется в наглом поведении», в деятельности групп скинхэдов (6 ответов), в физическом и моральном насилии. Очаги напряжения названы следующие: сфера торговли, базары, рынки (16 респондентов), транспорт.

На вопрос, приходилось ли Вам в последнее время становится свидетелем или участником конфликтов между представителями разных национальностей, ответы распределились примерно поровну (51% ответили отрицательно, 49% — положительно). На вопрос о том, с чем связаны эти конфликты, получены следующие ответы: «вымогательство», «цыгане – мошенники, вымогатели денег», «абсолютно свои взгляды на жизнь», темперамент, «просто из неприязни к ним», «плохое знание мною английского» (девушка, русская, 17 лет), «с тем, что русские – хорошие, а другие – плохие» (девушка, 17 лет, татarka).

Если учащиеся 9-х классов плохо дифференцируют представителей нерусских национальностей, фиксируя в основном биологические отличия, специфические особенности внешности, то школьники выпускного класса называют представителей определенных этносов в качестве конкретных носителей тех трудностей, которые возникают в сфере межнациональных отношений. В основном в ответах на просьбу указать, о представителях каких народов идет речь в таких ситуациях, говорят о представителях таджикского этноса, выходцах с Кавказа (прежде всего, азербайджанцах), цыганах.

Причины трудностей, которые возникают у школьников в общении с выходцами из других регионов России, стран ближнего и дальнего зарубежья, по степени их негативного влияния на межэтнические отношения, распределились следующим образом. На первом месте — неадекватность поведения выходцев из других регионов России и СНГ, навязывание своих норм и ценностей жителям города (41,5%). Эти трудности вызваны поведением прежде всего представителей таджикской и азербайджанской диаспор. Второй по значимости причиной возникающих трудностей является, по мнению респондентов, плохое знание приезжими из других регионов бывшего СССР русского языка (29,5% опрошенных). В основном речь идет о представителях указанных выше диаспор.

Наконец, третьей по значимости причиной называют неосведомленность приезжих о тех правилах, по которым живет большинство горожан (27,5%). Эти трудности вызывают, по мнению учащихся, в основном представители азербайджанского этноса. Не имеют практического опыта общения с иноэтническими мигрантами 25,5% учащихся, принявших участие в опросе. Лишь 7 % не испытывают никаких трудностей в общении с ними.

Возникает следующий вопрос: если четверть участников опроса практически не сталкивается с данной категорией населения в повседневной жизни и, следовательно, имеет минимальный опыт подобного общения, а остальные, по всей видимости, имеют эпизодический, во многом случайный опыт, откуда такая осведомленность об этой сфере жизни? Ответ, по всей видимости, будет таков: данные представления усвоены в процессе социализации и являются устойчивыми (среди взрослого населения) социальными стереотипами. Свою роль в формировании и корректировке продуктов групповой категоризации играют, очевидно, и СМИ.

Не умаляя значения этнического самосознания как базового ядра регионального и гражданского патриотизма, источника уникальных духовных переживаний личности, следует отметить, что определенная «зацикленность» на нем грозит всплеском этнической ксенофобии и экстремизма. К сожалению, опрос показал довольно высокую степень этнической интолерантности школьников. Многие не знают, что такое «этническая принадлежность», не видят разницы в понятиях «этнос» и «нация», отождествляют понятия русский и россиянин. Это означает, что государство не осознает задачу граждан-

ской консолидации полиэтнического российского населения (во всем многообразии региональной специфики) как задачу системы образования.

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ В ЖИЗНИ ЖЕНЩИНЫ (НА ПРИМЕРЕ ЭТНОСОВ ЮГА СИБИРИ)

С. А. Иванова

Института философии и права СО РАН

Семья в современном обществе является важнейшей микроячейкой воспроизводства этничности, так как именно в семье происходит первичная социализация личности, формирование и становление ее ценностей, приоритетов и т.д. Неоспоримым, на наш взгляд, является и тот факт, что в первую очередь данные процессы осуществляются посредством женщины, в частности, женщины-матери. Как пишет Е.М. Тоцакова, «Родители, особенно мать или бабушка, передавали детям с раннего возраста практические навыки и познания в области хозяйственной деятельности и некоторый запас народных знаний, отражающих представление [алтайцев - С.И.] об окружающем мире»(1, С.8). Однако, занимаясь изучением семейных ролей женщины, нельзя пройти мимо такого важного события в жизни женщины, как заключение брака. Большой философский словарь определяет брак следующим образом: «исторически обусловленная, санкционируемая и регулируемая обществом форма взаимоотношений женщины и мужчины, определяющая их права и обязанности друг к другу и их детям». Вся жизнь народов южной Сибири состоит из разнообразных обрядов, которые, видимо, служат неким средством интеграции и поддержания целостности человеческих коллективов. И те социальные, а в частности, семейные роли, которые женщина выполняет в обществе тоже обусловлены набором традиций и обрядов, одним из которых является обряд заключения брака.

Анализируя истоки традиционных форм брака у тувинцев, алтайцев, хакасов, исследователи акцентируют внимание на напластовании предыдущих форм браков, которая выражается в сохранении в виде некоторых деталей свадебных обрядов пережиточных явлений предыдущих форм брака (такие, напр., как борьба двух молодых людей от вступающих в брак сторон, расположение родственников жениха и невесты во время свадебного пиршества друг напротив друга, деление в играх на две команды и т.д. у тувинцев являются пережитками предыдущей родовой организации тувинцев, которая состояла из двух не родственных по отношению друг к другу коллективов. Она была дуальна и в силу экзогамии такие коллективы были тесно связаны системой брачных отношений. Аналогичные примеры есть и у алтайцев и хакасов). Такие обычаи утратили свой первоначальный смысл, но сохранились

именно в качестве традиций. В рамках данных сообществ взаимодействие людей осуществляется на основе относительно общего понимания и интерпретации накопленных в прошлом смыслов и значений, где посредством «естественного отбора» сохраняются те обряды, которые обеспечивают воспроизводство в системах настоящей деятельности апробированных и выдержавших испытание временем образцов прошлой деятельности.

Прежде, чем говорить об обрядах заключения брака, следует упомянуть, что девочек у исследуемых народов с ранних лет приучали к выполнению многочисленных домашних работ, в них воспитывалось представление о необходимости быть покорными сначала воле отца, а в будущем - мужа, как человека более приспособленного к общественной жизни и к принятию оптимальных для семьи решений.

Когда же речь идет собственно об обрядах заключения брака, выделяются несколько обрядов, характерных для исследуемых этносов. Безусловно, в них существуют некоторые содержательные различия, однако можно выделить ряд обычаев, характерных для алтайцев, тувинцев и хакасов. Это сватовство, так называемый «калым», сбор приданного невесты и, наконец, непосредственно брачные обряды (расплетание кос невесты, надевание одежды или украшений замужней женщины, поклонение семейному очагу мужа, свадебный пир, свадебные игры и т.п.).

Обряд сватовства бывает 2 видов: когда сватают младенцев, малолетних детей или даже детей, еще находящихся в утробе матери, либо сватовство молодых людей, достигших определенного возраста (он колеблется у разных этносов от 13 до 18 лет, при этом у тувинцев допускается, чтобы муж был старше на 10-12 лет, но не младше, тогда как у алтайцев и хакасов - наоборот). Сам обряд заключается в приезде сватов к родителям невесты (от одного до трех раз), сваты привозили подарки родителям - молочную водку, мясо и т.п. Часто исследователи отмечают, что руководил сватами по традиции дядя жениха по материнской линии. Сваты обговаривали с родителями невесты размер калыма и сроки свадьбы. И уже здесь тоже можно говорить о пережитках группового брака, которые проявляются в том, что во всем сватовстве, как и в свадебном обряде, очень большую роль играет родня жениха, и наоборот, роль самого жениха очень мала. То есть сватовство и сама свадьба имеют такой вид, будто это не индивидуальное, а общеродовое дело. О том же говорит и экзогамный запрет, запрещающий жениться с своим роде.

Возможен был также вариант «умыкания» без предварительного сватовства, который исследователи также считают пережитком родового строя. «Момент межродовой отчужденности особенно заметен в обычае, согласно которому родители похищенной девушки притворно сердятся и даже бьют свата, приезжающего к ним после похищения улаживать дело»(2, С. 28).

Далее следует говорить непосредственно о калыме. Об этом подробно пишут многие исследователи, довольно подробно об этом говорит Абрамзон (3, с.2-11). Здесь, пожалуй, наиболее ярко проявляются пережитки предыду-

ших типов браков, так как жениху в уплате калыма всегда помогали родственники по отцу, в некоторых случаях родственники отца сообща платили калым, предварительно собираясь для обсуждения материального участия в уплате выкупа за невесту. Такого рода помощь имела характер обычая. При этом в качестве калыма обычно вносился скот у тувинцев, который считался в последствии общим для всех родственников невесты (родители невесты обязательно делились скотом со своими близкими родственниками, отдавая им до двух третей от всего количества). У алтайцев калым платился продуктами в виде сушеных тушек зверьков сеноставки, колобков из зерен кедрового ореха, смешанных с толканом, сушеными клубнями кандыка или сараной. У хакасов калым мог выплачиваться деньгами и обязательно сторона жениха должна была отдать в подарок за невесту лучшего коня. Однако, на наш взгляд расценивать, благодаря калыму, брачный обряд, как обыкновенную куплю-продажу женщины-невесты семьей жениха у семьи отца девушки было бы неверно. Исследователи единодушно говорят о том, что в обязанности семьи невесты входит сбор приданого для девушки. Основу приданого тувинки составляла юрта со всем ее внутренним и внешним убранством. «...констатируется экономическая весомость приданого невесты, превышающая расходы, внесенные стороной жениха... сговорные дары, выполнявшие в прошлом роль калыма за невесту, с разложением большой патриархальной семьи, превращаются в обрядовую фикцию дарственного испрошения... » (5, С.12). При этом известно, что в подготовке приданого, кроме родителей, обязательно участвовали и родственники невесты. Они готовили новую юрту для молодоженов, снабжали ее необходимой обстановкой и домашней утварью, выделяли небольшое количество скота. И, соответственно, родственники со стороны жениха претендовали на часть привезенного новобрачной приданого. Аналогичную ситуацию наблюдают исследователи у алтайцев, говоря, что изначально размер калыма превышал количество приданого, но постепенно появляется тенденция возвращения в приданом стоимости калыма.

Наконец, собственно свадьба. Здесь есть также некоторые похожие традиции у алтайцев, тувинцев и хакасов. Невесту привозят на свадьбу (часто в слепую, как пережиток традиции умыкания), происходит обряд расплетания девичьих кос, у алтайцев на женщину одевается чегедек - одежда замужней женщины, у тувинцев - специальные украшения, у хакасов происходил обряд надкусывания большого пальца левой руки невесты, происходит обряд прощания благопожеланий, затем молодых провожают к старшим мужчинам семьи жениха, которых девушка впоследствии должна избегать. После этого начинается свадебный пир (той, сурум), свадебные игры. Важным здесь представляется высказывание Токарева (8, С. 28): «Даже в самом ритуале свадьбы жених как-то незаметен. Можно присутствовать на алтайской свадьбе с начала до конца и, если не спросить, то так и не узнать, кто же жених: он

помогает варить угощение, ходит между гостями и ничем не выделяется». Судя по всему, это тоже является данью традиции.

Большинство исследователей советского периода характеризует положение женщины у исследуемых этносов как угнетенное, отмечает уничижительный характер, в том числе, брачных обрядов, но особенно последующей жизни женщины-жены: «Женщина у алтайцев не может быть при свекре с непокрытой головой, босиком, без чегедека, показывать ему обнаженную руку выше локтя. Она не называет его по имени, не может шутить с ним, поворачиваться к нему спиной и т.д. ». Женщина не имеет права подавать на развод, а в случае развода не имеет права на детей, вдова не наследует за мужем, женщину часто называют «рабочей силой» в доме мужа. Это традиционный взгляд на женщину у народов южной Сибири, который, безусловно, существенно трансформировался за годы существования СССР, европеизировался. Однако в настоящее время эти «угнетающие женщину» традиции возрождаются. В современном мире можно говорить о двух очевидных и в чем-то противоречащих друг другу тенденциях - с одной стороны это процесс глобализации и все сопутствующие этому процессу явления, а с другой стороны - усиление этнического обособления, повышение роли этнической идентификации. Последний процесс - стремление подчеркнуть свое этническое своеобразие - и проявляется, в частности, в ревитализации обрядов, обычаев, в том числе свадебных, существовавших у коренных жителей республик юга Сибири. Однако при этом, на наш взгляд, происходит подмена сакрального содержания традиций рациональным объяснением необходимости их выполнять для того, чтобы ощущать себя включенным в данное сообщество с целью противостоять ассимиляционным процессам.

Литература

1. Тошакоева Е. М. Женщина в обществе и семье у современных алтайцев. Новосибирск, 1973.
2. Биче-Оол С. М. Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их изменения в связи с социалистическими преобразованиями в Туве. Л., 1978.
3. Абрамзон С. М. категории семейно-групповой, семейной и индивидуальной собственности у кочевников (казахи, киргизы, алтайцы, тувинцы, монголы). М., 1973.
4. Бутанаев В.Я. Степные законы Хонгорая. Абакан, 2004.
5. Патачаков К.М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом. Абакан, 1958.
6. Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. М., 1980.
7. Тадина Н. А. Алтайская свадебная обрядность XIX-XX вв. Горно-Алтайск, 1995.

8. Токарев С.А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. М., 1936.
9. Он же. Исторические формы бытовых взаимоотношений полов. М., 1970.
10. Новейший философский словарь. Минск, 1999 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И ПРАКТИКА СТАНОВЛЕНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

М. Р. Зазулина

Институт философии и права СО РАН

Становление местного самоуправления является одним из центральных вопросов развития конституционного строя и всего государственного механизма современной России. В демократическом государстве состояние местного самоуправления - важнейший показатель отношений государства и общества, власти и народа. В рамках формирования правового государства и гражданского общества процесс становления местного самоуправления является неизбежным, и поэтому необходим поиск путей, юридических и организационных форм и определенных кадровых решений для того, чтобы процесс местного самоуправления развивался нормально и в законных рамках упрочил систему демократической власти, как на уровне Федерации, так и в ее субъектах.

За всю историю развития института местного самоуправлению сложились три различные концепции природы местного самоуправления, по-разному трактующие роль государства в функционировании этого института.

В рамках первой концепции местное самоуправление рассматривается в первую очередь как форма самоорганизации граждан, как институт гражданского общества. Подобное понимание местного самоуправления наиболее последовательно проводит идею отделения его от государственной власти и даже в определенной мере противопоставляет его государству. В такой трактовке успешность функционирования местного самоуправления зависит прежде всего от степени включенности граждан в процесс принятия решений на местном уровне и активный контроль за их исполнением.

Вторая концепция трактует муниципальную власть фактически как низовой уровень государственной власти. Здесь действуют все те же механизмы контроля населения за органами власти, что и на уровне субъекта Федерации и Российской Федерации в целом.

Существует также промежуточная позиция, рассматривающая местное самоуправление как уровень публичной, но негосударственной власти, с

* Работа выполнена при поддержке РГНФ № 05-03-65303 а/Т.

сильным общественным компонентом. Природа местного самоуправления в этом случае объявляется смешанной, общественно-государственной³. В этом случае государство устанавливает общие юридические и финансовые рамки, обеспечивающие стимулы местной власти к эффективной деятельности и ответственность за результаты собственных решений, а также формирует механизмы, гарантирующие право гражданина на осуществление местного самоуправления. В то же время местный уровень сохраняет определенную автономию, осуществляет реальные властные полномочия и не включается в государственную исполнительскую вертикаль.

Можно заметить, что подобная классификация местного самоуправления, в модернизированном варианте, продолжает традиционное противопоставление двух точек зрения, "государственной" и "общественной", на природу местного самоуправления в России, берущее свое начало еще со времен земских реформ и контрреформ в России и актуализировавшееся в конце 1980-х - начале 1990-х годов.

Также очевидны многочисленные пересечения сложившегося противопоставления моделей местного самоуправления с дихотомией англосаксонская / континентальная модели местного самоуправления, характерной для самоуправленческой практики развитых стран. Напомним, что англосаксонская модель получила свое развитие в Великобритании, США и большинстве стран, входящих в состав Британского Содружества наций. Европейская модель действует в странах континентальной Европы, хотя в каждой стране есть свои немаловажные особенности.

В странах англосаксонской традиции органы местного самоуправления изначально образовались за пределами системы государственных органов власти. Даже в тех случаях, когда они создавались распоряжением сверху (например указом королевы), они все равно не являлись представителями высшей государственной власти на местах. На уровне федерального законодательства для органов местного самоуправления, как правило, не предусматривается никаких гарантий (пример США). Однако на уровне законодательств субъектов федерации разработаны два механизма правовой защиты муниципальных образований: наложение ограничения на принятие субъектами федерации так называемого "особого законодательства", то есть законодательных актов, касающихся одного муниципалитета или произвольно выбранной группы муниципальных образований; и обеспечение принципа "местного самоуправления" ("home rule"), предполагающего ограничение способности законодательных собраний штатов в своем законотворчестве вторгаться в те аспекты местной автономии, которые гарантированы в законодательных актах, закрепивших принцип "самоуправления".

Европейская (континентальная) модель предполагает, что система органов местного самоуправления является неотъемлемой частью общей системы государственного управления, начиная от основного закона (конституции) и кончая особой ролью органов местного самоуправления в фактической "дос-

тавке" предоставляемых центром общественных благ жителям конкретных муниципальных образований. Положение института местного самоуправления закреплено в национальных конституциях большинства стран континентальной Европы, признающих важную роль местных органов власти в общей системе государственных и общественно-политических отношений. Именно городские советы служили в европейских странах тем местом, куда горожане обращались в поисках тех или иных государственных услуг, без оглядки на то, какой уровень управления - центральный или местный - на самом деле несет ответственность за принятие политического решения по предоставлению данной услуги.

В результате в странах с континентальной моделью местного самоуправления наблюдается большая степень взаимного проникновения местных и центральных властных структур, чем в странах с преобладанием англосаксонской модели. Местные органы власти в Европе, отнюдь не являются политически слабыми, поскольку черпают свою политическую силу не столько из конституционной обоснованности своего существования, сколько из практического умения избираемых на местах руководителей влиять на центр, главным образом, посредством активного использования своей партийной принадлежности. Система местного самоуправления, наблюдаемая в Европе, может быть названа "все в одном", что означает предоставление всем гражданам доступа практически ко всему спектру услуг и общественных благ общегосударственного масштаба на уровне муниципалитета, и именно к такой системе стремятся приблизиться англосаксонские страны на всех уровнях государственной власти. Между тем политики, работающие в условиях европейской модели, пытаются хоть частично добиться той правовой автономии, которая характерна для англосаксонской модели.

Современные тенденции в развитии местного самоуправления таковы, что, при попытках смещения к модели "все в одном" и одновременном усилении принципа независимости местного самоуправления и тенденции к расширению его полномочий, сама парадигма отношений центр / местное самоуправление все в большей степени наполняется схожими чертами, характерными для всех демократических обществ. Современные практики местного самоуправления в развитых демократиях синтезируют элементы обеих моделей, однако законодательная база западных государств, при этом, не претерпевает значительных изменений, и различия между двумя моделями самоуправления остаются в силе.

Создание систем местного самоуправления не связано с теоретическим выбором одной из нескольких отвлеченных моделей, а лежит в плоскости решения практических задач. В реальном мире политикам в условиях отдельной страны не приходится искусственно выбирать между "европейской" или "англосаксонской" моделями создания и функционирования местных органов власти. Этот теоретический выбор диктуется самой объективной реальностью с учетом национально-психологических и исторических особен-

ностей данного общества, сложившихся традиций, а также сформировавшихся конституционных основ соответствующих государственных систем.

Проблема практических путей формирования эффективной системы местного самоуправления актуальна сейчас и для России. Россия как Канада, США и Германия является федерацией; принцип самостоятельности местных органов власти в России конституционно закреплён на федеральном уровне, что сближает ее с Германией. В настоящее время Россия переживает этап активного реформирования системы местного самоуправления, как на законодательном, так и на правоприменительном уровне. Направленность проводимой в настоящее время в России муниципальной реформы противоположна реформе системы муниципалитетов проводимой во второй половине 60-80-х гг. XX века в Германии (в Германии, количество "муниципальных общин" ("Gemeinden") в период сократилось на две трети).

В основе правового регулирования системы местных отношений в РФ лежат нормы конституции. Конституция в качестве базового оперирует термином "местное самоуправление", а не термином "муниципальное образование".

Общие правовые рамки функционирования муниципальных образований, в том числе по вопросам полномочий муниципалитетов, территориальной структуры, системы управления муниципальными образованиями, экономической основы муниципальной деятельности и т. п., заложены в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (№ 131 ФЗ от 6 октября 2003 г.). В соответствии с указанным законом местное самоуправление в Российской Федерации – "самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления, вопросов местного значения, исходя из интересов населения, с учетом исторических и иных местных традиций". (ст.1). Этот закон «Об общих принципах..." напрямую связывает понятие муниципального образования и местного самоуправления, определяя муниципальное образование как городское, сельское поселение, несколько поселений, объединённых общей территорией, часть поселения, иная населённая территория, предусмотренная настоящим Федеральным законом, в пределах которых осуществляется местное самоуправление, имеются муниципальная собственность, местный бюджет и выборные органы местного самоуправления. Законом регулируются также формы осуществления местного самоуправления, такие, как местный референдум, муниципальные выборы, собрания (сходы) граждан и т. п.

Наряду с Конституцией и Законом "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" правовое регулирование местного самоуправления и муниципальные вопросы на федеральном уровне осуществляются другими федеральными законами, наиболее важными из которых являются: Закон "О финансовых основах местного самоуправления в Российской Федерации" № 126-ФЗ от 25 сентября 1997 г, Закон "Об основах

муниципальной службы в Российской Федерации" № 8-ФЗ от 8 января 1998 г., Закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" № 67-ФЗ от 12 июня 2002 г., и ряд других нормативных актов.

Реформирование законодательства в муниципальной сфере развивается в направлении перехода к двухуровневой структуре организации местного самоуправления.

На практике к началу реформирования в различных регионах России сложилось множество конкретных моделей организации местного самоуправления, некоторые из которых далеко не всегда соответствовали конституционным положениям даже в самой широкой их трактовке. Основными моделями являются следующие:

1. Районная модель, при которой муниципалитеты создаются на уровне административных районов, а более низкие уровни местного самоуправления не предусматриваются. На районном уровне выбираются представительные органы, формируется местный бюджет. Районная модель организации муниципалитетов активно насаждалась в течение нескольких лет, до 2003 г. по инициативе региональных властей. Примером может служить Тюменская область, где в 2001 г. количество муниципальных образований сократилось примерно в десять раз, подобного типа реорганизация коснулась муниципальных образований в Кемеровской, Томской и других областях.

2. Поселенческая модель, предполагает, что муниципалитеты формируются на уровне отдельных поселений. Каждый подобный муниципалитет имеет выборные органы и собственный бюджет. На районном уровне, как правило, создаются территориальные органы государственной власти, решающие межмуниципальные проблемы.

3. Двухуровневая модель, предполагает создание муниципалитетов как на уровне отдельных поселений, так и на уровне административных районов. На каждом из этих уровней должны формироваться выборные органы управления, приниматься местные бюджеты.

4. Также имела распространение модель, при которой, местное самоуправление функционировало лишь в отдельных городах и поселках на территории субъекта РФ, в остальных случаях территориальные органы региональной власти фактически брали на себя решение местных задач. При этом формально муниципалитеты могли существовать, но не наделялись правом формировать самостоятельные местные бюджеты.

Выявление факторов, определяющих специфику организации системы местного самоуправления, влияющих на выбор той или иной модели муниципальных отношений, становится особенно актуальным в условиях транзитных политических систем, то есть систем переживающих тотальное реформирование.

Один из крупнейших исследователей местного самоуправления А. Нор-тон, анализируя опыт Запада подчеркивает ведущую роль в организации сис-

темы местного самоуправления политического начала, и показывает, что природа политической системы есть в целом наиболее варьируемый и проблематичный аспект местного самоуправления, а также наиболее трудная сфера для заимствований. Технические вопросы, такие как менеджмент, бюджетно-финансовые процессы и искусство, требуемое для обеспечения отдельных сфер услуг, есть намного более легкое поле для заимствования из опыта других стран. Но эти предметы не лежат в сердцевине местного самоуправления как демократического института.

В целом для изучения проблем местного самоуправления на современном этапе необходим комплексный подход. Неизбежным представляется одновременное усиление специализации, разделения труда между дисциплинами, имеющими дело с местным самоуправлением, и возрастание роли междисциплинарных исследований. В то же время нельзя не признать чрезмерную политизированность самоуправленческой тематики, которая часто используется в ущерб эффективности деятельности муниципальных образований.

Является ли нынешняя слабость местного самоуправления естественным проявлением "болезни роста" в условиях перехода или свидетельствует об исчерпанности муниципальных реформ "сверху" и принципиальных изъянах федеральной политики в сфере местного самоуправления - опыт прошедших этапов реформы местного самоуправления пока оставляет этот вопрос открытым. Все это ставит перед исследователями проблему определения роли и места местного самоуправления в современных условиях и эффективного сочетания теории и практики муниципальных отношений.

Раздел II

Философские исследования

Философия, логика и методология научного знания

К ВОПРОСУ О РЕАЛИСТСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Н. В. Головкин

Институт философии и права СО РАН

Законы физики универсальны. В настоящее время наш взгляд на универсальность законов физики связан с двумя теориями, отражающими наши представления об относительности как о сохранении определенных инвариантных свойств [1]. Специальная теория относительности (СТО), выступая физической теорией пространства и времени, связывает между собой события, происходящие в различных инерциальных системах отсчета. Говоря о физической теории пространства и времени мы имеем в виду то, что СТО описывает события в рамках пустого 4-мерного континуума Минковского, связывающего события через пространственно-временной интервал. В качестве инерциальной системы отсчета примем координатную систему, снабженную часами, находящуюся в покое или в равномерном прямолинейном движении. Как правило, универсальность законов физики в различных инерциальных системах отсчета отражает принцип относительности: в различных инерциальных системах отсчета описание физических процессов является инвариантным, т.е. законы физики сохраняются (впервые принцип относительности был выдвинут Г. Галилеем). Общая теория относительности (ОТО), выступая физической теорией пространства, времени и материи, связывает между собой произвольные системы отсчета (в том числе неинерциальные). Говоря о физической теории пространства, времени и материи мы имеем в виду то, что ОТО описывает взаимодействие в рамках искривленного 4-мерного пространства Римана, кривизну которого локально определяет расположение гравитирующих масс. Формулировка принципа относительности

сти в данном случае практически не изменится, мы потребуем сохранения (инвариантности) ковариантного вида законов в различных (не обязательно инерциальных) системах отсчета. Говоря о локальности кривизны в ОТО мы имеем в виду то, что пространственно-временные симметрии в данном случае зависят от произвольных гладких функций пространства и времени, а не от константных параметров (такое различие между локальными и глобальными симметриями было введено Г. Вейлем). Отметим, что принцип относительности Галилея был отражением не локальной, а глобальной симметрии законов классической механики Ньютона, Галилей говорил о пространственных и временных сдвигах, пространственном вращении и ускорении.

На наш взгляд, говоря о реалистской интерпретации теории относительности (как специальной, так и общей) необходимо обратиться к рассмотрению двух вопросов: что теория относительности может говорить о природе объективных пространства и времени и нашей возможности познать ее, и насколько наши выводы относительно природы пространства и времени могут быть обоснованы, т.е. является ли теория относительности истинной? Одно из преимуществ научного реализма состоит в жестком разделении онтологических и эпистемологических тезисов относительно реальности [2]. Первый вопрос онтологический, а второй эпистемологический, говоря о соотношении физики и философии в рамках научного реализма, мы можем сравнить эти вопросы с собственно физической и концептуальной сторонами знания и проинтерпретировать их следующим образом: первая связана с анализом физических взаимодействий и роли и возможностей человека в их интерпретации, вторая – с вопросами обоснования, релевантности свидетельств и логики подтверждения.

Рассмотрим более подробно первый вопрос. Описывает ли теория относительности природу такой, какая она есть «на самом деле» или только ту ее часть, которая доступна нам? В рамках СТО утверждается инвариантный характер физических законов, что находит отражение в таких свойствах физической реальности, как инвариантность скорости света (относительно любой инерциальной системы отсчета), абсолютность свойств пространства и времени для данной инерциальной системы отсчета (в Ньютоновском смысле, т.к. принцип относительности в СТО отражает глобальную симметрию свойств пространства и времени), инвариантности пространственно-временного интервала и пр. Наличие ряда действительно относительных (не инвариантных) свойств (сокращение длины, увеличение временного интервала и пр.) еще ничего не говорит о теории в целом. Является ли их относительность субъективной? Нет, это эффекты, предсказанные СТО, относительные по отношению к выбранной системе отсчета. Эффект сокращения длины в СТО не является следствием измерения длины на подобие очевидного для нас наблюдения, что чем дальше от нас тело, тем меньше его видимый размер. Значительное время жизни, например, мюонов в ускорителе обусловлено для нас тем, что мы находимся относительно них в неподвижной систе-

ме отсчета, а их система отсчета движется относительно нашей со скоростью близкой к скорости света. Требование инвариантности законов физики заставляет нас говорить, что релятивистские эффекты, такие как сокращение длин и пр. являются абсолютными, они относительны.

В рамках ОТО, этот вопрос можно проинтерпретировать например так, кривизна пространства-времени является свойством объекта, который мы измеряем или характеристикой процесса измерения? С позиции физики все выглядит безупречно: принятие принципа эквивалентности однозначно интерпретируется в пользу принятия кривизны пространства-времени. Однако с позиции философии сам этот ответ не кажется таким уж безупречным, поэтому возникает необходимость перейти к рассмотрению отношения наблюдения и теоретической модели.

Наш второй вопрос, что позволяет нам говорить об истинности теории относительности? В настоящее время мы можем достаточно обоснованно говорить об обоснованности СТО. СТО не только делает предсказания, которые проверяются эмпирически, но и успешно используется в других областях знания. Однако для философа указание на то, что теория успешно подтверждается и даже имеет практическое применение, еще не является достаточным основанием для ее обоснования. Один из тезисов антиреализма состоит в том, что не существует адекватного вывода о существовании объективной реальности на основании анализа эмпирических данных. У нас нет оснований обосновывающих переход от заключения, что если теория истинна то природа такова, какой ее описывает эта теория, к заключению, что теория истинна. Антиреалист уверен, что вера в то, что теория истинна может быть только верой (сродни религиозной). Реалисты настаивают, что можно говорить о степени обоснованности или доказуемости наших теорий. По мнению Т. Сайдера: «... существует противоречие способное поставить в тупик даже крайних скептиков. Если существует некоторое эпистемическое препятствие, которое мешает нам открыть природу в том виде в котором ее описывает СТО, тогда тоже самое препятствие будет мешать нам утверждать, что СТО не описывает природу. Единственный выход для скептицизма – агностицизм»[3]. На наш взгляд, достаточная степень обоснованности СТО подтверждается, например, тем фактом, что мы обязаны принять инвариантность пространственно-временного интервала и характерное представление об одновременности, а не просто сослаться на то, что природа именно такова, какой она описывается в рамках СТО. Степень обоснованности ОТО гораздо меньше, тот факт, что пространство представляется искривленным еще не означает с необходимостью, что пространство действительно искривлено.

ОТО является хорошим примером теории недоопределенной эмпирическими данными. На основании эмпирических данных мы не можем однозначно заключить о типе геометрии пространства-времени или его топологии. В свое время это послужило основанием для выдвижения тезиса о конвенциональном характере физической геометрии [4]. На наш взгляд, конвен-

циональность такого рода является необходимой. Например, даже в рамках СТО мы вынуждены принять в качестве соглашения равенство скоростей распространения света в одну и в противоположную сторону при вычислении самой этой скорости (скорость света «в одну сторону» вообще не может быть определена экспериментально) или, например, одновременность различных событий в одной и той же системе отсчета. В любом случае, на наш взгляд, эти соглашения не свидетельствуют о субъективистском характере теории, наоборот, обнаруживаемые недоопределенности такого рода говорят о концептуальном (теоретическом) вкладе в физическую теорию. В любом случае, говоря о конвенциональности того или иного свойства или характеристики, мы затрагиваем исключительно вопросы эпистемологии, а не онтологии – наше описание не может затрагивать вопросов относительно того, какова природа «на самом деле». Например, выбирая те или иные топологические и геометрические недоопределенные эмпирическими данными свойства пространства-времени в рамках ОТО, мы выбираем концептуальный каркас, но не его содержание. На наш взгляд, именно конвенциональность, например, может быть индикатором степени влияния человека (его субъективности) на модель, описывающую природу – выбирая конвенциональные элементы мы одновременно задаем контекст того, что может непосредственно свидетельствовать о свойствах объективной реальности.

На наш взгляд, период наибольшего интереса к философским проблемам теории относительности уже прошел (в этом году отмечается 100 лет Специальной теории относительности), совсем скоро (лет через 50) они (вместе с проблемами интерпретации квантовой механики) прочно займут место в ряду проблем, ставших уже классическими (таких, например, как анализ абсолютного и относительного пространства в рамках механики Ньютона или анализ реляционного пространства Декарта). Наибольший интерес в настоящее время представляет философский анализ проблем теории струн, модели дискретно-непрерывного пространства-времени и других гипотез, претендующих со временем занять место теории относительности в ядре более прогрессивной научной картины мира. Однако философская интерпретация принципа относительности с позиции научного реализма будет оставаться актуальной, поскольку как бы не изменялась формулировка принципа относительности, он все равно будет отражать объективный характер закономерностей существующих в природе (принцип относительности содержит информацию об объективном характере закономерностей, представление о виде их инвариантности можно рассматривать как необходимый элемент, отражающий влияние той концепции, с позиции которой рассматривается принцип).

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 03-06-80367) и Программы интеграционных проектов СО РАН – 2003 (проект № 125).

Примечания

1. См. Головкин Н.В., Симанов А.Л., Сторожук А.Ю. Специальная теория относительности: основные предпосылки и идеи // Философия науки – 2003. – № 2(17). – С. 118-145.
2. Одно из наиболее полных современных изложений научного реализма можно встретить в Niiniluoto I. Critical scientific realism. – Oxford: Oxford University Press, 2002, наше изложение см. в Головкин Н.В. Проблема индивидуации теорий и научный реализм // Философия науки. – 2005. – № 1 (24). – С. 63-105.
3. Sider T. Four-dimensionalism: an ontology of persistence and time. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – P. 57.
4. См., например, Пуанкаре А. Опыт и геометрия / Пуанкаре А. О науке. Ред. Л.С. Понтрягин. – М: Наука, 1990. – С. 66-78, нашу интерпретацию см. в Головкин Н.В. К вопросу о соотношении физики и геометрии // Философия науки. – 2001. – № 2 (10). – С. 37-50.

О ПРЕДПОСЫЛКАХ ЭКСПЛИКАЦИИ НОРМАТИВНОСТИ ЛОГИЧЕСКОГО СЛЕДОВАНИЯ

А. В. Хлебалин

Институт философии и права СО РАН

Целью логики является прояснение понятия корректного (valid) вывода. Само это понятие связано с формой утверждения: отдельные аргументы являются корректными только в том случае, если они являются примером корректных логических форм. Классическим примером такой формы может служить следующая схема: «*Fa*. Все *F* являются *G*. Следовательно, *Ga*». Подставляя на место *F*, *a* и *G* утверждения, мы получаем корректный вывод. Таким образом, логическая корректность является формальной, и задача логики заключается в установлении и описании логически корректных форм. При этом одним из основных вопросов является определение самого понятия логически корректной формы и определение понятия логического следования.

Согласно классической точке зрения, логическое следование позволяет сохранять истинность при переходе от посылок к заключению: если само отношение следования содержится между посылкой и заключением, то истинная посылка ведет к истинному заключению. Поэтому в ходе экспликации логического следования кажется вполне естественным исходить из понятия истины. Более того, если логика является формальной и корректность логического вывода не зависит от содержания посылок, то пристальное внимание

должно быть уделено понятию логической истины. В начале двадцатого века в силу влияния аксиоматического метода большинство логиков сосредотачивают свое внимание на понятии логической истины, рассматривая логическое следование как подчиненное ему понятие. Этот способ экспликации понятия логического следования ошибочен: «Следование не может быть определено в терминах логической истины, но сама логическая истина является выродившимся, или крайним, случаем следования. Логическая истина является заключением корректного вывода, в котором отсутствуют предпосылки. <...> Таким образом, если количество предпосылок равно нулю, мы получаем следующее определение: пропозиция или пропозициональная форма является логической истиной, если при любой интерпретации конститuent, она не является ложной». [6;38-39]. Несмотря на невозможность экспликации логического следования в терминах логической истины, понятие истины и понятие следования неразрывно связаны. Определение понятия истины является прерогативой философии, но не логики. Более того, экспликация понятия следования должно соответствовать дотеоретической интуиции, которая включает в себя целый спектр метафизических идей – таких, например, как понятие необходимой истины – которые должны быть сделаны ясными в ходе экспликации. Поэтому не удивительно, что при исследовании одного из центральных понятий логики необходимо обращение к философии.

Проблема экспликации понятия следования становится еще более сложной, если учесть тот факт, что логические концепции, претендующие на эту экспликацию, сами в значительной степени исходят из определенных философских предпосылок. Результат экспликации понятия логического следования также в значительной степени будет зависеть от принимаемых предпосылок. Причем сами предпосылки могут носить как «универсальный», так и «частный» характер; иными словами, некоторые предпосылки присущи тем или иным логическим концепциям, тогда как другие носят на столько общий характер, что могут служить своеобразным критерием, на основании которого можно различать фундаментальные подходы к решению рассматриваемой проблемы. Наша задача заключается в том, чтобы проследить в какой степени экспликация логического следования зависит от фундаментальных предпосылок, характеризующих «природу» самой логики.

Одной из важнейших предпосылок, во многом определившей развитие математической логики является фундаментальное различие в понимании природы и характера логики. Это различие было сформулировано Я. ван Хейнуртом как различие между логикой как исчислением и логикой как языком.[4]. К первой традиции принадлежат, например, Шредер, Левенгейм, Гедель; вторая традиция представлена Фреге, Расселом, Витгенштейном. Представление о логике как о языке постулирует универсальность логики. Наиболее важными следствиями этой предпосылки являются следующие: 1) универсум рассуждения не может быть предметом выбора; 2) ничто не может быть сказано вне данной формальной системы; 3) формальная система не

может быть переинтерпретирована. Представление о логике как исчислении влечет следующие наиболее важные следствия: 1) универсум рассуждения может быть предметом выбора; 2) формальная система всегда может быть переинтерпретирована.

Работы А. Тарского являются парадигмальными для большинства современных исследований проблемы логического следования. В связи с тем, что нас интересуют только общие тенденции в экспликации понятия следования, мы можем не уделять внимания спорным моментам в интерпретации особенностей позиции самого Тарского [смотри 2] и охарактеризовать только ее общие особенности, имеющие непосредственное отношение к интересующему нас различию в понимании логики.

Согласно интуитивному понятию следования, если дан произвольный класс предложений K и произвольное предложение X , которое следует из предложений этого класса, то не может случиться так, что все предложения класса K были бы истинны, а предложение X - ложным. Формальный характер следования проявляется в том, что само отношение следования не может быть утеряно в результате того, что имена этих предметов будут заменены в рассматриваемых предложениях именами других предметов. Необходимое условие, которому должно удовлетворять отношение следования, формулируется следующим образом: «если постоянные термины, не являющиеся логическими терминами, мы заменим соответственно в предложениях класса K и в предложении X иными произвольными постоянными терминами (причем постоянные одной формы будем заменять везде постоянными одной же формы) и таким образом получим новый класс предложений K^* и новое предложение X^* , то предложение X^* должно быть истинно, если только все предложения класса K^* будут истинными». [3]. Тарский доказывает, что это условие является не только необходимым, но и достаточным только в том случае, если рассматриваемый язык содержал имена всех возможных предметов. В связи с тем, что это требование практически не реализуемо, требуется иной способ экспликации. Согласно Тарскому, этот способ основан на понятии выполнимости - выполнимости пропозициональной функции последовательностью предметов - то есть это семантический способ. На основе понятия выполнимости может быть определено понятие модели: в рассматриваемом языке L при замене всех внелогических постоянных, входящих в предложения класса L , соответствующими переменными, получается некоторый класс пропозициональных функций L^* . Произвольную последовательность предметов, которые выполняют каждую пропозициональную функцию в классе L^* , называют моделью класса L . На основе понятия модели, Тарский формулирует дефиницию логического следования: «предложение X логически следует из предложений класса K тогда и только тогда, когда каждая модель класса K является одновременно моделью предложения X ». [3].

Определение понятия следования Тарского является семантическим. Но существует также и дедуктивное определение следования. Для языка первого

порядка семантическое следование совпадает по своему объему с дедуктивным следованием: «полнота логического исчисления, которая полагается некоторым “идеалом”, является причиной отождествления двух понятий логического следования». [1; 186]. Таким образом, экспликация понятия логического следования осуществляется на основе модельно-теоретического подхода. При этом существенным является то, необходимым условием такого подхода является семантический уровень рассмотрения проблемы, делающий возможным использование в ходе экспликации понятия следования понятий истины, выполнимости и полноты.

В соответствии с принятым различием подходов к логике как к языку и как к исчислению, можно утверждать, что рассмотренное определение понятия следования принадлежит второму из указанных подходов. Экспликация понятия следования в духе Тарского не может быть осуществлена в рамках подхода к логике как к универсальному языку. Основной причиной, по которой сторонник этого подхода отвергнет любую экспликацию понятия следования в духе Тарского, является незаконность и, даже, невозможность семантики, которая является непосредственным следствием принимаемых им предположений. Металогика и модельная теория невозможна для универсалиста. Непосредственным следствием запрещения металогики является невозможность экспликации понятия истины: понятие истины имеет отношение к связи предложений с миром и, следовательно, должно быть невыразимым для того, кто верит в логику как в универсального посредника. Отрицание возможности модельной теории приводит к тому, что, в отличие от Тарского, универсалист не может рассматривать понятие выполнимости в качестве адекватного средства экспликации понятия следования. Наконец, статус понятия полноты формальной системы также непосредственно зависит от тезиса об универсальности логики: «Универсальный формальный язык вытесняет естественный язык и сохраняет за пределами системами основанное на интуитивной теории множеств понятие полноты, которое кажется не соответствующим научной реконструкции языка. Единственный вопрос о полноте, который может возникнуть, является ... *экспериментальным* вопросом». [4; 235].

Становится понятным, что проблема логического следования будет совершенно по-другому решаться с позиции универсальности логики. Сторонник этого подхода не сможет прибегнуть к помощи семантики или модельной теории. Поэтому единственным корректным подходом к решению проблемы логического следования для универсалиста будет являться стратегия, которая может быть названа дескриптивной. Последовательный универсалист может только коллекционировать и описывать разнообразные примеры логического следования. Ван Хейнурт предлагает рассматривать работы Фреге и *Principia Mathematica* Рассела, среди прочего, как беспрестанно возобновляемые попытки опытным путем установить полноту формальной системы. Точно такую же стратегию вынужден принять универсалист в отношении понятия

следования. Вопрос о том, может ли такой сугубо дескриптивный подход прояснить нормативность логического следования, а тем самым, эксплицировать тот аспект логического следования, который является главным предметом интереса философской логики, остается открытым. Необходимым условием возможности положительного ответа на этот вопрос, видимо, может являться попытка вывести нормативность логического следования из его дескриптивных характеристик, что фактически требует выведения должного из наличного. Сложно найти какие-либо аргументы, оправдывающие подобного рода вывод.

Литература

1. Целищев В.В. Философия математики. Ч. 1. – Новосибирск: Наука, 2002. – 212 с.
2. Целищев В.В. Нормативность дедуктивного дискурса: Феноменология логических констант. – Новосибирск: Нонпарель, 2004. – 340 с.
3. Тарский А. О понятии логического следования. Рукопись Перевод Б. Домбровского. Tarski A. O pojeciu wynikania logicznego. // Przegląd filozoficzny, r. xxxix (1936), z. 1 – Warszawa, 1936. – s. 58-68.
4. Heijenoort J. van. Logic as calculus and logic as language. // Jaakko Hintikka. Selected Papers. Vol. 2: Lingua Universalis vs. Calculus Ratiocinator: An Ultimate Presupposition of Twentieth-Century Philosophy. Dordrecht/Boston/London: Kluwer Academic Publishers. 1997. – pp. 233-239.
5. Hintikka J. On the Development of the Model-Theoretic Viewpoint in Logical Theory.: In Jaakko Hintikka. Selected Papers. Vol. 2: Lingua Universalis vs. Calculus Ratiocinator: An Ultimate Presupposition of Twentieth-Century Philosophy. Dordrecht/Boston/London: Kluwer Academic Publishers. 1997. – pp. 104-139.
6. Read S. Thinking about logic: An introduction to the philosophy of logic. - Oxford, N.Y.: Oxford University Press. 1994. - 262 p.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ В ЕСТЕСТВЕННЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

Т. В. Лапина

Институт философии и права СО РАН

1. В настоящее время в социальных исследованиях появилось новое направление, которое Ф.Коркюф. обозначил как «новые социологии» (к ним он относит работы таких социологов как Н. Эллиас, Э. Гидденс, П.Бурдьё, П. Будон). Основной характеристикой этих исследований является их приверженность социальному конструктивизму. В рамках нового социологического

течения обнаружилась несостоятельность многих классических антиномий (таких как материальное и идеальное, объективное и субъективное, коллективное и индивидуальное или макро и микро), и вместо них была предложена критическая позиция социального конструктивизма, в которой социальная реальность постигается в качестве сконструированной, а не в качестве естественной или раз и навсегда «данной». В связи с этим новому прочтению были подвергнуты работы классических авторов с целью раскрытия социальной и исторической обусловленности созданных ими конструктов. Таким образом, социальный конструктивизм по сути своей является деконструкцией уже существующих социальных категорий. В свою очередь такими учеными как Б. Латур, С. Вулгар, К. Кнор-Цетина, Э. Пикеринг была осуществлена попытка переноса конструктивистского анализа социальных процессов и механизмов на естественные науки посредством социологии познания. Описание естественнонаучных исследований в терминах социальных отношений привело к острой полемике, которая затронула философскую проблематику эпистемического статуса науки, объективности и достоверности научного знания.

2. Обнаружение социального характера существующего категориального аппарата в социологии приводит к мысли произвести ревизию социальных конструктов с целью их трансформации или полного от них отказа. Социолог-конструктивист способен усомниться в обобщающих категориях (например, таких как «естественные основания неравенства», «законы экономики», «неизбежный характер безработицы», «единственно возможная политика», «женская природа») и способствовать открытию новых возможных пространств для человеческой деятельности, в соответствии с максимой «то, что социальный мир произвел, социальный мир, вооружившись этим знанием, может и разрушить»[1].

Возможность демонтажа и переоценки существующих социальных конструктов во многом связана с непрерывным взаимодействием объектов исследования, а именно с тем, что в социальных науках объект исследования является одновременно и субъектом, наделенным представлениями о жизни в обществе. Попав в категорию безработных (социальный конструкт первого порядка), человек начинает вести себя соответствующим образом, и его поведение (сознательное или бессознательное) в свою очередь регулирует представление и понятие безработицы в обществе. Таким образом, объект исследования, включенный в замкнутый круг взаимодействия с существующими в обществе социальными категориями, сам становится социальным конструктом, но уже второго порядка.

3. Социальные исследования естественных наук – попытка рассмотреть исследование ученым природных объектов через их взаимодействие. Б. Латур и С. Вулгар в своей работе «Жизнь лаборатории: социальное конструирование научных фактов» приписывают природным объектам такие свойства как сопротивление (*resistance*) и податливость (*malleability*), тем самым объ-

ект естественнонаучного исследования как бы обретает собственную жизнь, наделяется своими мотивами и целями. Суть данной метафоры заключается в сложности взаимодействия ученого и изучаемого объекта. При работе с природным объектом ученый может преобразовывать его, проводить с ним ряд опытов, которые дадут положительный результат, однако сопротивление объекта может проявиться в тех трудностях, с которыми сталкивается ученый, пытаясь вписать результаты полученной работы в уже существующую теорию. (Ярким примером тому является теория флогистона, которую пришлось преодолеть Лавуазье при исследовании процесса горения). В процессе становления нового научного факта происходит взаимодействие между содержанием производимых манипуляций над объектом и той формой, в которой данные манипуляции представлены. Пытаясь выяснить, что же является причиной в этих сложных взаимоотношениях, Б.Латур и С.Вулгар обращаются к этимологии слова факт (fact), происходящего от латинского *facere*, что означает делать, создавать. Таким образом, факты созданы, сконструированы, но при этом авторы оговаривают, что это не значит, что факты не существуют, они утверждают, что «внешний мир является следствием научной работы, а не ее причиной» [2], следовательно, реальность не может нам объяснить, почему утверждение становится фактом. Данное положение противоречит привычным представлениям философии науки, которая считает, что факты, открытые в естественных науках, имеют вневременной, универсальный характер. Б. Латур и С.Вулгар в своей работе показали, что научное объяснение является социальной конструкцией первого порядка, когда ученые наделяют природные объекты именами, а потом этим объектам приписывают определенные отношения.

На наш взгляд, социальный конструктивизм в естественных науках не может выйти за пределы того, что уже однажды сформулировал Д. Юм, а именно, что причинные отношения не имеют эмпирической данности, и, следовательно, так или иначе нам приходится, причинно связывая объекты между собой, достраивать причинно-следственные связи в теории, то есть конструировать их на основе нашего опыта. Подобное разоблачение социальной конструкции не является вызовом, и демонтаж этой социальной конструкции, в отличие от гуманитарных наук, не приводит к изменению взаимоотношений между социальной конструкцией и отдельными объектами. Наделив объект именем, указав на те отношения, в которых данный объект участвует, вписав объект в существующую теорию, ученый уже не испытывает обратного взаимодействия со стороны созданного им научного факта, то есть природные объекты не могут быть изменены посредством накладываемых на них конструкций.

4. Социальные науки, как заметил К. Поппер, подчеркивают важность изменения [3]. В социальных науках метод конструирования является инструментом для описания постоянных и непрерывных изменений происходящих в процессе взаимодействия отдельного объекта и социального конструкта.

Естественным наукам подобная изменчивость не присуща, следовательно, социальное конструирование не выступает в качестве инструмента, способного адекватно передать механизм взаимодействия отдельных объектов и накладываемых на них категорий. Таким образом, встает вопрос о необходимости такого методологического приема как социальный конструктивизм в науках о природе и границе возможных социальных интерпретаций науки как таковой.

Не вызывает сомнения, что наука является социальным институтом, который можно осознать лишь в контексте исторических изменений, в которых она возникла и развивалась. Действительно процесс создания научного факта – это процесс вписывания природного объекта в существующую социальную практику. Именно в науке как социальном институте можно обнаружить те самые изменения, к которым можно прикладывать, как и в социальных науках, социальный конструктивизм второго порядка. Однако, осуществляя конструирование первого порядка, а именно наделяя объект именем, и указывая на причинно-следственные отношения этого объекта, мы имеем дело с материалом, который в процессе манипуляций над ним не становится по сути своей социальным..

Литература

1. Коркюф Ф. Новые социологии. – СПб.: Алетейя, 2002. – С. 167.
2. Latour B., Woolgar S. Laboratory life: The social construction of scientific facts. Beverly Hills; L., 1979. – P.186.
3. Поппер К. Ницшта историзма // Вопросы философии, 1992, №8. С. 67.

ДРЕВНЕАВВИЛОНСКАЯ «АЛГЕБРА»: ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ ИЛИ МИФ?

И. И. Литовка

Институт философии и права СО РАН

Наука как социальный институт и определенный тип нормированных способов и методов познания окружающего мира возникла сравнительно недавно. Вряд ли кто-либо станет утверждать, что те научные нормативы, которые являются незыблемыми для современного научного сообщества в естествознании древнее Френсиса Бэкона. Существуют и те, кто полагает, что науки как таковой не было до явления на свет программного манифеста Венского кружка, однако какая бы дата возникновения науки не называлась, речь идет, прежде всего, о познавательных нормативах и способе социальной организа-

ции научного сообщества. История же рациональных методов познания действительности уходит корнями в глубокую древность.

Античные мыслители явили миру значимость теоретического обобщения результатов познания тем самым, несомненно, заложив «фундамент» современного научного «здания», и в философских кругах довольно распространено мнение, что точкой отсчета зарождения современной науки следует считать именно период расцвета античной натурфилософии. Однако, намного раньше, на века и даже тысячелетия, существовали вполне рациональные методологические системы познания мира, целевое назначение которых выходило за рамки насущных практических потребностей древнего человека. Один из ярких примеров подобных систем это – древневавилонская техника математических вычислений. От самых смелых определений того, чем же была новорожденная наука, ее отделяет всего лишь один недостаток – отсутствие теоретического обоснования.

Большая часть так называемых древневавилонских математических текстов не содержат не только теоретической части, в них отсутствуют даже пояснение того, какое математическое действие выполняется в данном контексте. Наряду с отсутствием обозначения множителя возможности интерпретации возрастают многократно. Применительно к древнейшим системам знаний уместно было бы поставить вопрос о корректности их уравнивания с современными научными дисциплинами, построенными на базе жесткого следования методологии, и вытекающими отсюда научными критериями, предъявляемыми к любым результатам познавательной деятельности.

Таким образом, вопрос о существовании алгебры у вавилонян отпадет сам собой. Во первых – несомненно, что алгебры как научного раздела математики в нашем представлении в период расцвета древних месопотамских цивилизаций не было. Во вторых – сама постановка вопроса именно в таком виде является некорректной.

Мы не имеем представления о математической методологии техники счета древних вавилонян. Существует гипотеза, что вычисления производились на абаке – древних счетах. И. Н. Веселовский описывает это следующим образом: «Мы можем представить себе весь процесс вавилонских вычислений в таком виде: автор математического текста выполнял все промежуточные вычисления на абаке и записывал только результаты в том виде как они получались на счетной доске, читатель же разбирая математический текст, повторял на абаке все вычисления и сверялся с записью, стоявшей в тексте; при этом отсутствие нуля для него не имело значения». (И.Н.Веселовский Некоторые замечания переводчика./ Ван –дер-Варден Б. Пробуждающаяся наука. Математика древнего Египта, Вавилона и Греции. пер. Веселовского И.Н. М., 1959 г. С.439). Однако гипотезу абак нельзя признать удовлетворительной, так как непонятно зачем вообще производились подобные записи, если в любом случае требовался полный перерасчет всех данных.

Применительно к древнейшим протонаучным знаниям следует поставить вопрос об их методологической независимости, прежде всего от наших современных представлений о научной методологии. Один аспект этой проблемы состоит в том, что приступая к переводу и интерпретации древних текстов исследователь чаще всего ориентирован на поиск информации имеющей сходство с той, что известна ему самому, то есть той, что он получил в период собственного обучения. В каждую эпоху любой познающий субъект в процессе собственных научных изысканий следует той методологической базе, которую воспринял в период обучения, даже если ему представляется, что его акт познания абсолютно независим. Современный историк математики «нагруженный рядами Фурье», следуя научным методологическим требованиям настоящего времени, часто ищет в древних текстах, те «анalogии», которых там нет и быть не может.

На наш взгляд, применительно к древним системам счисления, было бы уместнее рассуждать о математической системе и технике вычислений древних вавилонян в целом, не пытаясь жестко разграничить их познания на разделы современной математики, о которых носители этих знаний не имели никаких представлений. Как не прискорбно, но приходится признать, что вавилоняне абсолютно игнорировали математические научно-методологические заповеди, важнейшая из которых, «мать и отец» любой научной вычислительной процедуры – наличие теоретического доказательства. Во всяком случае, до тех пор, пока не обнаружена хотя бы одна древневавилонская теорема, нет никаких причин для признания существования «вавилонской алгебры».

Все вышесказанное, однако, не означает, что уровень развития математики в древнем Вавилоне следует рассматривать как примитивный. Напротив, мы склоняемся к той точке зрения, что уровень познаний древних народов недооценивается исследователями. Отчасти это происходит из-за скудости и разрозненности первоисточников, трудностях с их переводом, а отчасти как раз из-за неудач в поисках методологического соответствия между данными изложенными в древних первоисточниках и современными научными нормативами.

Другой аспект проблемы методологического несоответствия: отсутствие научных критериев сходных с теми, что предъявляются к результатам познания в современном научном сообществе не означает, что мудрецы древнего Востока вообще не руководствовались никакими критериями и методологическими принципами. Для культуры древнего Вавилона характерной чертой было слепое следование традиции во всем, что касалось познавательных процессов. В подобной ситуации без опоры на некий жесткий свод правил не обойтись, а следовательно, чтобы понять сущность знания необходимо вскрыть его методологические предпосылки.

Различие базовых онтологических представлений, в самом широком смысле как учений о бытии является серьезным препятствием в правильном

определении статуса системы знаний древнейших культур. Онтология, базирующаяся на космогонических мифах, где наибольшую ценность имеет то, что скрыто и освящено оккультной таинственностью, где «ученный» прежде всего мудрец и чародей, существенно отличается от онтологии основанной на действии естественных законов природы, где ученный – это естествоиспытатель, а результаты познания, напротив приобретают свою ценность только будучи популяризированными и обоснованными в естественнонаучных рамках.

Судя по всему, главное обстоятельство, которое позволяет сделать вывод о независимом, почти теоретическом статусе месопотамской математики, это – отсутствие непосредственной связи математических текстов с другими клинописными таблицами, а также несоответствие между требованиями хозяйственных нужд и уровнем развития вычислений. Назначение этих текстов – вопрос до сих пор, остающийся без однозначного ответа.

КОСМИЗМ И СИНЕРГЕТИКА: ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И ОТЛИЧИЯ

Д. С. Худяков

Томский государственный университет

Синергетику можно охарактеризовать как новое междисциплинарное направление исследований, находящееся в процессе становления. Впервые термин «синергетика» был употреблен в работах Германа Хакена в начале 70-х годов XXв. Он задал следующий вопрос: «Имеет ли самоорганизация общие законы?» и предложил рассмотреть его в рамках дисциплины под названием синергетика. Г. Хакен рассматривает ее как междисциплинарную область исследования кооперативных процессов самоорганизации в системах разной природы. Другой подход, но к тому же явлению - самоорганизации - осуществляет брюссельская школа во главе с И. Пригожиным. Если в синергетике Г. Хакена основное внимание уделяется структуре как состоянию, возникающему в результате когерентного (согласованного) поведения большого числа частиц, то бельгийская школа И. Пригожина развивает термодинамический подход к самоорганизации. Основным понятием бельгийской школы является понятие диссипативной структуры. В открытых системах, обменивающихся с окружающей средой потоками вещества или энергии, однородное состояние равновесия может терять устойчивость и необратимо переходить в неоднородное стационарное состояние, устойчивое относительно малых возмущений. Такие стационарные состояния в школе И. Пригожина получили название диссипативных структур. (см. 4. с.99-100)

Вопросы, затрагивающиеся в рамках данного научного направления, были революционными для того времени, так как здесь предпринималась попытка

поиска общих законов самоорганизации в системах, составными частями которых являлись как молекулы в жидкостях, так и человеческие индивидуумы в обществе (слово синергетика пришло из греческого языка и означает науку о сотрудничестве и кооперации). Степень разработанности означенной проблематики, хотя синергетика является направлением достаточно молодым, высока, вызывает сильный интерес в философско-научной среде, что уже нашло свое выражение в целом ряде статей и исследований. Настойчивый интерес к ней проявляется в силу того факта, что в рамках данного направления осуществляется поиск общих моментов в различных неравновесных системах, выявление единых для всех факторов влияния. Однако вне сферы научного внимания оказывался до сих пор такой немаловажный момент, что в условиях своей эпохи нечто подобное пыталось осуществить еще поколение русских космистов (Бердяев, Вернадский, Соловьев и др.). Философы названного направления утверждали, в своих работах единство «микро» и «макро» космоса, под которыми они понимали единство человека и природы. Одним из положений синергетики является наличие универсальных сторон процесса происходящего в живой и неживой природе (движение молекул вещества и пешеходов на улице). Она осуществляет поиск ответа на вопрос: «Как и что изменится в данных процессах, если изменится фактор влияния?». Можно говорить о том, что здесь так же, как и в «космизме» ставится задача выявления единых факторов влияния для всех процессов, что позволяет нам говорить о преемственности взглядов синергетики в отношении космизма. Именно космисты всегда призывали к «единению», «братству» всех людей, ведь каждый человек, с их точки зрения, это микрокосм, неповторимый духовный мир.

Космизм антропологического характера начинает свое формирование уже со второй половины 19 в, как своеобразное слияние философии, мифа и науки. Западно-Европейские космисты развивали в основном идеи единства человека с космической природой. Данная идея прослеживается в учениях Д. Бруно, А. Бергсона, Т. де Шардена, Шеллинга и многих других зарубежных философов. Общим моментом для них являлось то, что все их концепции имели «пассивный», лишь созерцательный характер по отношению к действительности.

На фоне западной ветви космизма, особенно выделяется русский космизм, ключевой характеристикой которого является идея активной эволюции, согласно которой единство человека и природы было лишь в возможности. Сам термин «русский космизм» возник уже в наше время, по большей части в семидесятые годы 19 века и обозначил собой специфическое умонастроение целой группы русских ученых, философов и писателей. «Русский космизм, потому и называется русским (в отличие от всяких других космизмов), что в нем космос предстает в изначальном смысле русского слова «вселенная», то есть как дом, в который еще нужно вселиться».(2. с. 59) Интересен тот факт, что для них важна тема ответственности человека за природу, более того, они

предлагают рассмотреть особую роль человека в этом мире, указывают на его непосредственное отношение к судьбе природы. Философы данного направления, в своих работах, постоянно проводят мысль о *неразрывной, внутренне обусловленной, сущностной взаимосвязи человека и космоса в целом*. «Человек и природа – замечает П. А. Флоренский,- взаимно подобны и внутренне едины. Человек и природа равноможны, при этом человек предстает как «сумма мира, сокращенный конспект его», а мир как раскрытие человека, проекция его». (цит.по З. С. 68)

С точки зрения русских космистов, человек не является изначально космичным, ему еще только предстоит познать самого себя, свою сущность, стать космичным. Это познание, по их мнению, возможно не только внутренним, но и внешним образом, через обращение своего взора на окружающую нас действительность (мир, в его целокупности). Поэтому задачей каждого человека должно стать осознание своего единства с миром его окружающим, раскрытие и утверждение природной сути своего существования. Необходимо отметить, что еще одним общим идейным моментом, для всех русских космистов, является утверждение ими **особой роли человека** в мире. С их точки зрения, именно ему предстоит проделать на Земле огромную преобразовательную работу. Однако ключевой принцип космизма (единство человека и природы), пронизывает все их концепции. Таким образом, русский космизм есть осознание мыслителями ответственности людей за создание ими своей культуры, цивилизации в целом, за «ноосферу» по В. И. Вернадскому, которая, с его точки зрения, должна стать новым сильным фактором в дальнейшей эволюции Земли.

Следовательно, проблемы волновавшие русских космистов - это, прежде всего попытки прояснения связи человеческого сознания (души) и космоса, стремление узнать место человеческого разума в структуре Вселенной, желание утвердить целостное восприятие окружающей действительности. Именно поэтому русские космисты утверждают, что основания человеческого бытия коренятся в окружающем нас мире и разрыв с ними равносильна гибели. Из всего вышесказанного становится ясным и значение рассматриваемого направления отечественной философской мысли для современного общества. Оно заключается в формировании нового мировоззрения, утверждающего связь жизни и разума, человека и космоса.

Дополнив данные размышления доводами В. И. Вернадского, которые подтверждают космическую природу живого вещества на биогеохимическом уровне и идеи К. Э. Циолковского о «панпсихизме» Вселенной, мы получим целостную концепцию, всесторонне обосновывающую единство человека с природой, которая позволит сформировать понимание духовности, как основы альтернативного мировоззрения, необходимого человечеству для преодоления глобальных проблем современности. (см. 5. с.240-255)

Таким образом, в русле русского космизма возникает понимание человека, как существа космического, развивающегося вместе со всем остальным

миром. Конечно, эти идеи не новы. В традиции глобально эволюционизма человек тоже утверждается как неотъемлемая часть эволюционного процесса. Однако специфика русского космизма в том, что человек здесь потенциально космичен, только в возможности своей он имеет единение с природой.

Можно говорить об идейном сходстве синергетики, как направления современной нам постнеклассической науки и традиции русского космизма, который оказал определенное влияние на формирование синергетической картины мира в целом. Постнеклассическая реальность это сеть взаимосвязей, которая включает человека во всех его аспектах, здесь осуществляется стремление к достижению целостной картины мира. Таким образом, разработка проблематики затронутой в традиции русского космизма возможна в рамках такого направления постнеклассической науки как синергетика, ориентированной на поиск единых для живой и неживой природы факторов влияния. Иначе говоря, синергетика отвечает современным тенденциям поиска холистического пути сосуществования человека и природы. Синергетическое видение мира - это не только признание самоактивности бытия, но и утверждение единства всех происходящих в мире процессов, включая социальные и этические. Философы сопоставляемого направления также утверждали, в своих работах единство «микро» и «макро» космоса, под которыми они понимали воссоединение человека и природы, необходимость развития коэволюционной стратегии сосуществования. Сегодня, в рамках такого популярного направления современной науки как «синергетика», которое также определяют как феномен постнеклассической науки, продолжается обсуждение затронутой русскими космистами проблематики, касающейся глобальных, общецивилизационных проблем (экологический кризис порожденный кризисом духовным).

Литература

1. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление М. Наука. 1991. 271 с.
2. Гиренок Ф. П. Интуиции русского космизма // Русский космизм и современность. М. ИФАН. 1990 169 с. с. 58-62., с59
3. Когай Е. А. Социальная экология человека и природа в русском космизме // Социо-гуманитарные знания. №2. 1999. 304 с. С. 68-81. с 68
4. Пригожин И. Креативность в науках и гуманитарном знании: исследование отношений между двумя культурами // Синергетическая парадигма 2004 с.99-100
5. Философия Ч.1. История философии: учебное пособие для вузов. / под ред. В. И. Кириллова, С. И. Попова, А. Н. Чумакова. М. Юрист. 1996. 304 с. С.240-255

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМИОТИКИ И КИБЕРНЕТИКИ

Д. Н. Казанская, Д. А. Стрелкова

Самарский государственный аэрокосмический университет
им. ак. С.П. Королёва

После второй мировой войны появляется новая самостоятельная отрасль знаний – кибернетика (от древнегреческого слова «кибернетес» - рулевой, кормчий), суть которой была сформулирована известным американским математиком Норбертом Винером [Творец и робот] – наука «о связи, управлении и контроле в машинах и живых организмах...».

Кибернетика возникла на стыке математики, логики, семиотики, физиологии, биологии и социологии, до этого слабо связанных между собой. Объектом её изучения стали системы любой природы, называемые кибернетическими машинами, способные воспринимать, хранить, перерабатывать информацию и использовать её для управления и регулирования, а предметом – информационные процессы. Под «информацией» мы, исходя из идей Винера [Кибернетика и общество], будем понимать сигналы, состоящие из знаков, полученные «из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств». Таким образом, работа кибернетической машины сводится к работе со знаками. Чтобы понять процесс функционирования таких машин, необходимо прибегнуть к семиотике, науке, занимающейся изучением знаков.

Семиотика оперирует понятием «семиозис» – процесс, в котором нечто функционирует как знак. Принято выделять три измерения семиозиса: синтактику, семантику и прагматику. Каждое измерение семиозиса функционирует согласно соответствующим правилам. «Синтактические правила определяют знаковые отношения между знаковыми средствами; семантические – соотносят знаковые средства с другими объектами; прагматические – констатируют условия, при которых знаковое средство является для интерпретаторов знаком». [Моррис Ч.У. Основания теории знаков]

Рассмотрим каждый из аспектов семиозиса по отношению к кибернетическому устройству. В момент создания кибернетического устройства в него закладывается определенный набор знаков (база) и их интерпретант (в нашем случае интерпретантой является последовательность команд, которая будет выполняться при получении соответствующего сигнала - знака), этим определяется семантический аспект семиозиса. В процессе работы данное устройство использует и реагирует только на те знаки, которые были заложены в него изначально, игнорируя неизвестные ему знаки, что свидетельствует о наличии прагматического измерения семиозиса. Таким образом, кибернетическое устройство способно распознавать, но не способно сопоставлять (сравнивать) переданные ему знаки, т.к. оно анализирует каждый знак по от-

дельности, используя заранее определенную базу. Следовательно, в кибернетических устройствах не определен синтаксический аспект семиозиса, что является отличительной чертой таких устройств по сравнению с «живыми организмами».

Но с момента своего возникновения кибернетика ставит перед собой задачу, разработать такую систему, которая будет включать в себя и третье (синтаксическое) измерение. Эта задача решается в процессе создания искусственного интеллекта (ИИ, он же artificial intelligence — AI в зарубежной литературе), трактуемого как свойство автоматических систем брать на себя отдельные функции интеллекта человека, например, выбирать и принимать оптимальные решения на основе ранее полученного опыта и рационального анализа внешних воздействий. Поэтому, мы можем определить интеллект как универсальный сверхалгоритм, который способен создавать алгоритмы решения задач, не имеющих стандартных, заранее определённых методов решения. Ю.М.Лотман [Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история] определил интеллектуальную способность с точки зрения семиотики, сведя её к следующим функциям:

1. Передача имеющейся информации (текстов).
2. Создание новой информации (текстов) не выводимой однозначно по заданным алгоритмам из уже имеющихся, а обладающей определенной степенью непредсказуемости.
3. Память: способность хранить и воспроизводить информацию (тексты).

В настоящее время, кибернетическая машина реализует лишь две из этих функций (а именно, первую и третью), что же касается второй, то большинство исследователей не видят её практического применения, следовательно, механизмы её реализации не разработаны. Сейчас мы можем добиться от машины либо создания текста по заданному алгоритму, либо генерации совершенно случайной последовательности слов или предложений (У.Эко «Маятник Фуко»). Эта проблема не является неразрешимой, более того, её необходимо решить в том случае, если мы хотим создать кибернетический аналог человеческого мозга. Подобным аналогом может служить нейросеть (это большое количество связанных между собой простых процессоров, взаимодействующих друг с другом и способных менять свойства в зависимости от желаемого результата), с достаточной точностью воспроизводящая работу человеческого мозга. Однако ввиду больших вычислительных нагрузок, на сегодняшний день не существует такой нейросети, которая была бы способна заменить работу человеческого мозга. Как считал Н.Винер [Мое отношение к кибернетике. Ее прошлое и будущее] «человеческий мозг служит своего рода показателем того, на что способна автоматическая машинерия, и подчиняется тем же принципам».

Философской проблемой кибернетики и семиотики, обозначенной еще Ч.У.Моррисом [Основания теории знаков], является двоякое отношение семиотики к другим наукам: с одной стороны, «семиотика - это наука в ряду

других наук, а с другой стороны, это - инструмент наук», в том числе и кибернетики. Как было показано выше, процесс функционирования кибернетической машины включает в себя два аспекта семиозиса, т.е. если пренебречь синтактическим измерением семиозиса, то предмет кибернетики [П.К.] включает в себя предмет семиотики [П.С.]. Что касается объектов этих наук, то знак, как объект семиотики [О.С.], является частью программного кода, определяющего функционирование кибернетической машины, т.е. объект семиотики принадлежит объекту кибернетики [О.К.] (рис. 1).

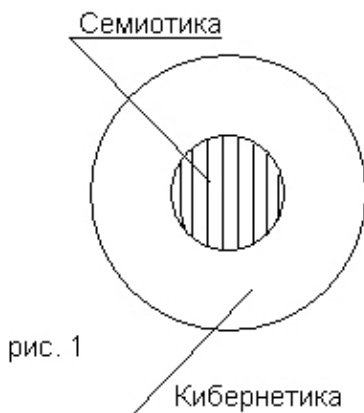

рис. 1

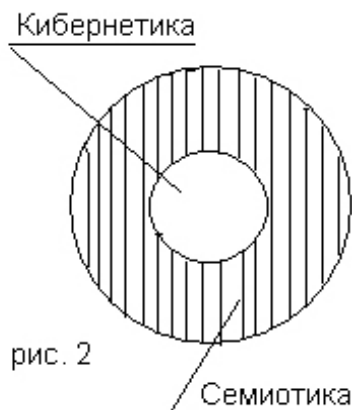

рис. 2

Если же учитывать синтактический аспект, рассматривая искусственный интеллект, то получается, что семиотика охватывает большую область знаний, чем кибернетика. Следовательно, $П.К. \subset П.С.$ и $О.К. \subset О.С.$ (рис. 2). Здесь выявляется дуализм семиотики: семиотика является частью кибернетики (рис. 1), занимаясь не только кибернетическими проблемами, но проблемами, возникающими в других науках (рис. 2).

Объединяя методы семиотики и кибернетики (кибернетика позволяет создавать алгоритмы решения задач, семиотика обеспечивает информационное наполнение и взаимодействие этих алгоритмов), можно получить необходимое, но недостаточное условие для решения проблемы искусственного интеллекта.

**РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О НАЧАЛЕ И СУЩЕМ
В ИОНИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ***

М. Н. Вольф

Институт философии и права СО РАН

Среди проблем онтологического цикла в досократической философии наиболее важной видится проблема отношения начала и сущего как наиболее остро поставленная в самой досократической философии, так и потому, что она оставалась не менее актуальной вплоть до завершения периода древнегреческой философии.

Решая эту проблему, досократики исходили из признания наличия базового познавательного метода, иными словами, только определив исходные условия познания (в первую очередь, признав саму возможность познания), можно задумываться о том, что именно подлежит познанию, т.е. оценивать его с позиций применимости метода и познаваемости «вещи» (в самом широком смысле этого слова, или объектов познания). Гносеология здесь определяется позициями «как познавать» (чистый метод) и «что вообще может быть познано», базой для нее являются категории «явное-скрытое».

Переход от гносеологии к онтологии определяется следующим образом. Когда мы начинаем познавать нечто с использованием какого-либо метода, то важно определить, на что конкретно будет направлено познание, или ввести иерархию познаваемых вещей, исходя из наиболее простого или общего, чем может являться, например, *arch*, начало. Исходя из познаваемости начала и благодаря ему при условии наличия метода познание сущего видится (во всяком случае, на первых этапах развития философии) вполне осуществимым, но эта простота кажущаяся, поскольку по мере становления ранних досократических философских концепций завершается формулировка проблемы начала и наступает осознание ее сложной структуры. Уже анализ философии Милетской школы показывает, что проблема начала видится предельно структурированной и ответить на вопрос, что такое начало, каким оно представляется и каковы его функции не так-то просто.

* Работа выполнена при финансовой поддержке программы Рособразования «Университеты России», проект УР.10.01.223.

То, что множественность неприемлема в качестве основания для познания вещей и мира в целом, видно уже в изречениях Фалеса: «Много слов отнюдь не выражают мудрую мысль. Ищи одну мудрость, выбирай одно благо» (*Diog. Laert.* I, 35). Аналогичный смысл мы найдем потом в гераклитовском понятии *polumaiñ*. Фалес в каком-то смысле является переходной фигурой и известен скорее не благодаря своим философским высказываниям, а гномами, как один из семи мудрецов, тем не менее, проблема начала им уже актуализирована. Более того, уже со времен Фалеса мы в состоянии зафиксировать определенную неоднородность характеристик начала. Начало у Фалеса материальное и согласно Аристотелю, относится к разряду материи: это то, из чего как из первого, все сущие состоят, возникают и во что, как в последнее, они уничтожаются. Кроме того, Аристотель указывает на наличие неких переходных состояний между сущими и началом: «это они [философы – *M.B.*] полагают элементом и это – началом сущих» (*Метафизика*, I, 3, 983 b 6). Видно, что помимо начала и сущих существует особая структурная группа, т.н. элементы. Элементы могут пониматься по-разному, но наиболее приемлемый вариант – это различные фазы исходного материального состояния (как результат инаковения, в данном случае – воды, в концепции Анаксимена – воздуха). Но помимо признания воды в качестве материального начала, сохранились приписываемые Фалесу гномы, в которых он рассуждает о богах, но также в терминах начала, например: «старше всех вещей – бог, ибо он не рожден». Характеристики «не рожден» и «не умрет», разумеется, принадлежат тому, что понималось последующими философами в качестве начала, или иными словами, божество – это то, у чего «нет ни начала, ни конца» и, следовательно, оно само способно выступать в качестве начала иного. Таким образом, помимо материального начала («того, из чего все») у Фалеса было еще начало, функцию которого пока определить трудно, и помимо прочего, оно недостаточно отделено от божественного. В любом случае это то, благодаря чему все происходит.

Анаксимандр, вслед за Фалесом задается вопросом «из чего все». Его концепция выглядит уже более аналитично и рационально. В первую очередь, поскольку она предполагает доказательство и аргументацию как собственно философская, в отличие от гном, которые являются просто некоторыми бездоказательными утверждениями.

Крайне сложно реконструировать, каким именно образом понималось *arçh* Милетской школой. Несмотря на то, что всех философов милетской школы интересовал окружающий мир, или вещи в мире, тем не менее, при описании этого мира они исходят из характеристик *arxē*. Милетцы нигде не говорят о вещах как таковых, не определяют их статус как сущего, более того, *вещи* и *явное* не различимы как сущее. Собственно сущие и вещи упоминаются, как правило, в интерпретациях доксографов. Сами же милетцы – во всяком случае, в сохранившихся фрагментах, – используют безличные конструкции, в которых субъекта рождения и гибели нет, но есть указание на кон-

кретную ситуацию, например «а из каких рождение, в те же и гибель совершается», т.е. только исходя из характеристик действия, мы можем заключить и о самих сущих. Об *архэ* из фрагментов, как правило, известно гораздо больше, более того, исходный тезис милетской школы мы могли бы сформулировать следующим образом: «чтобы понять каковы вещи, нужно исходить из характеристик порождающей их субстанции». Эта позиция представляется в некоторой степени неизжитым генетизмом, когда характеристики порождающего в той или иной мере соответствуют характеристикам порождаемого.

Тем самым видно, что сущее и его начало противопоставляются как по статусу, так и по своим характеристикам. Само начало не есть сущее, а является чем-то совершенно иным по отношению к нему.

В философии Анаксимандра мы находим два типа характеристик начала. Во-первых, самостные или внутренние характеристики начала. В свидетельствах и фрагментах, касающихся доктрины Анаксимандра, мы не встретим однозначной позиции относительно ряда таких возможных характеристик: начало есть беспредельное или бесконечное и лишенное антропоморфных характеристик; оно либо разумно, либо лишено разума; либо едино, либо следует признать множественность начал.

Во-вторых, внешние или инструментальные характеристики, то есть то, каким образом начало проявляет себя (например, такие действия как «объемлет» и «управляет»). И здесь, в добавление к схеме рассмотрения начала у Фалеса – «то, благодаря чему» и «то, из чего все», – мы вынуждены ввести еще одну дополнительную характеристику, характеристику действия: «то, посредством чего» начало действует или его инструментальную характеристику. Она четко не зафиксирована в концепции Анаксимандра, но тенденция к ней намечена в самом блоке рассмотрения внешних характеристик начала. Характеристики действия, как правило, соотносят начало и сущее. Начало есть нечто порождающее, но не ясно как оно порождает вещи. Этот процесс может осуществляться различными способами (согласия среди доксографов относительно сути этого процесса нет): механически (роль демиурга), биологически (сущие возникают из семян, либо вследствие процесса дыхания – начало «выдыхает» мир), либо вследствие процессов, выраженных словами *genesiv* или *fusiv* (аналогично «порождению»[1]), либо вследствие инаковения (например, сгущения или разрежения материального начала). Отдельно среди характеристик действия должен быть рассмотрен порядок порождения сущих вещей (элементы как «строительные блоки» для миров или миры непосредственно).

Гераклит уточняет позицию Анаксимандра в отношении начала. Его *arjh* уже трояко. Ум или мудрый (*Gnwah, to sofōn*) как управляющее начало – собственно архэ и его самостная характеристика, Огонь – материальное начало, «то, из чего» и, наконец, Логос – инструментальное начало, «то, посредством чего» осуществляется сообщение и контроль над миром. Но, помимо начала, у Гераклита более четко прописана и структура сущего, задан-

ного через противоположности, и противоположности – это способ описания космологии чувственного мира.

Что касается самого сущего, то у Гераклита представление о нем более дифференцировано, чем у милетцев, сосредоточенных буквально на космологии – космических телах. Для Гераклита это не только космические объекты – Солнце, Луна, но и вещи в самом широком смысле, хотя и не ясно, включены ли в разряд сущего природные явления (такие, как молния), события (болезнь или здоровье) и все то, что создано человеком. В отношении концепции Гераклита, как и всех предыдущих концепций, четко просматривается желание доксогографов понимать под собственно сущими скорее набор элементов (влажное, сухое, горячее, холодное), из которых будет собран весь мир во всех его проявлениях.

Итак, начало как в пределах самостных характеристик, так и в отношении к сущим в ионийской философии оказывается даже более сложным объектом, чем порождаемые им вещи и вся их совокупность. Постепенно вопрос о начале элиминируется (представление о начале уже достаточно противоречиво в доктрине Филолая), и в Элейской школе подменяется иным актуальным вопросом, ответ на который в данном контексте видится более простым, чем в предыдущем случае. Это вопрос «что такое сущее», и только ответив на этот вопрос, можно понять, что такое начало, или (как оно теперь понимается) – природа (*fusiū* сущего. С позиций невозможности реализации установки на познание через усмотрение общего и единого как начала в ионийской философии вполне объяснимым выглядит смещение Парменидом акцентов с познания начала на познание сущего. При этом Парменид не предлагает некий вариант единства начала и сущего, а скорее устраняет начало из философии, переводя его характеристики на сущее, но на сущее переносятся только самостные характеристики начала, а не количественные, материальные или инструментальные. Более того, ничто в природе не может быть принято в качестве фундаментальной сущности с характеристиками начала, а потому сущее Парменида – это сугубо умозрительная конструкция, вполне допускающая при такой интерпретации тождество бытия и мышления.

Примечания

1. Важно помнить, что если в Милетской школе ключевым в данном случае было понятие *genesiy* уходящее корнями к традиционным представлениям о генетизме и о порождающем начале, и речь, тем самым, шла о природе начала, то на последующих этапах философии это понятие вытесняется новым понятием (*fusiū*), и о начале вещей теперь принято говорить как о природе вещей в смысле условий возможности сущего.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ГАРМОНИИ В ФИЛОСОФИИ ЭМПЕДОКЛА

А. С. Кузнецова

Новосибирский государственный университет

Со становлением полиса происходят изменения политические и социальные, которые с необходимостью накладывают отпечаток на сознание. Эти изменения связаны с открытостью в отношении проявлений как общественной, так и духовной жизни. Кроме того, эти проявления становятся доступными для критики и борьбы мнений со стороны всех граждан. Политические изменения означают так же замену старых иерархических отношений господства и подчинения новыми типами общественных связей, основанных на симметрии и взаимности отношений между «подобными» и «равными» гражданами; отказ от традиции, которая больше не считается незыблемой и почитаемой. Все это не ускользает от взоров философов, которые стремятся ответить на вопрос «почему». Они возвышаются над повседневностью, выстраивая свои картины мира и пытаясь вписать в них окружающую действительность. Поскольку новый тип общественных связей основан на симметрии и взаимности отношений, то и в мировоззрении философов возникают мысли о гармонии, что она такое и есть ли она в мире.

Одним из философов, в учении которого данная тема получила свое развитие, является Эмпедокл.

По Диогену Лазртию время «расцвета» Эмпедокла падает на 444-441 гг. до н.э., а по Аполлодоровой хронике год его рождения 483-482 до н.э.

Эмпедокл вводит две силы – Любовь и Вражду. Вполне справедливо можно считать, что на происхождение данного представления повлияло учение Гераклита. Уверенность этому добавляет то, что обе силы не исчезают, они всегда находятся в противоборстве, но каждая знает свой черед. Любовь собирает все вещи в одно и уничтожает космос Вражды, творя из него Сфайрос. Вражда же снова разделяет все элементы и творит хаос (Эмпедокл, фр. 117 (A52), А. В. Лебедев, ФРГФ).

Результатом влияния на элементы силы Любви является Сфайрос. Или следуя фрагменту (Эмпедокл, фр. 92 (B27) А. В. Лебедев, ФРГФ): «Так, под плотным покровом Гармонии, там утвердился шару подобный, окруженный покоем гордящийся Сфайрос», можно заключить, что Сфайрос есть воплощенная Гармония, представляющая собой итог длительной эволюции соединения разрозненных элементов. Особенностью состояния космоса в период господства Любви является абсолютное неразличение элементов, их полная слитность.

Очень важным является момент, связанный с необходимостью различения Сфайроса и Гармонии. Древние комментаторы, такие как Аристотель, Симпликий, так и называют Сфайрос богом и иногда обозначают его в среднем

роде, что указывает на некоторую бескачественность. И действительно, ни один из элементов не сохраняет в нем свою форму и нельзя в нем выделить никаких антропоморфных черт. На это указывают строки, процитированные Ипполитом (Эмпедокл, фр. 97 (В 29), А. В. Лебедев, ФРГФ):

«Ибо из спины у него не прыщут две ветви [= «руки»],

Нет у него ног, ни быстрых колен, ни детородного члена:

Это был Шар (Сфайрос), со всех сторон равный [самому себе]».

Ранее уже было сказано, что Сфайрос погружен в сильную потаенность Гармонии и собственно все элементы внутри него скреплены ее божественным клеем. Если бы Сфайрос и Гармония были бы одним и тем же, то Эмпедоклу не нужно было бы вообще различать их поименно. Скорее всего, Гармония это свойство Сфайроса или главный его признак. И, кроме того, она является правильной связью между элементами внутри Сфайроса.

В некоторых фрагментах против Вражды находится не Любовь, а Гармония. И действительно такое понимание Гармонии (равной или тождественной Любви) вполне возможно, так как она есть только в Сфайросе, ни в хаосе Распри, ни в переходные периоды от Любви к Вражде и обратно гармонии нет. Однако не стоит все-таки полностью допускать такое отождествление, поскольку Любовь сила вечная, а Гармония становящаяся.

В понимании гармонии у Эмпедокла так же можно выделить гносеологический аспект. Раскрывается он через тезис, что подобное познается подобным. Это видно из фрагмента, который приводит Аристотель (Эмпедокл, фр. 522 (В109), А. В. Лебедев, ФРГФ):

«Ибо Землю мы видим Землею, Водю – Воду,

Эфиром дивный Эфир, а Огнем – Огонь истребляющий,

Нежностью – Нежность, а Ненависть – злой Ненавистью».

Похожие представления можно встретить и у пифагорейцев, которые утверждают, что познание происходит, когда вещи в душе гармонично прилаживаются друг к другу и, как бы занимая каждая свое место, становятся доступными мысли.

Гармония есть либо в Сфайросе, когда речь идет о слитности всех элементов, либо употребляется в противовес Вражде. Но никогда гармония не является действием между двумя образующими мир силами (Любовью и Враждой). Гармония появляется вместе с действием силы Любви. Она постепенно, по мере того, как отступает Вражда, гармонично складывает разрозненные элементы. И когда Вражда отступает к самым пределам Сфайроса, все вещи внутри него становятся погруженными в плотную потаенность Гармонии.

Таким образом, гармония это особое состояние соединенности элементов в период Любви и это состояние покоя. В принципе, можно было бы не противопоставлять покой движению, а понимать его метафорически как состояние безмятежности, уравновешенности, спокойного протекания дел, размеренного ритма жизни и т.д. Но у Симпликия (Комм. к «Физике») есть фрагмент, где описывается состояние элементов в разные периоды. Он указывает,

что поскольку непрерывное чередование элементов никогда не прекращается, «постольку они есть всегда, неподвижные в круге» (Эмпедокл, фр. 68 (В 26), А. В. Лебедев, ФРГФ). Получается, что мы все-таки имеем дело с антиномией покой-движение, где Любовь – покой, Вражда – движение. А поскольку в период господства Любви все элементы склеены божественным клеем гармонии, то и гармонию нужно понимать как статичное, зафиксированное состояние. Движение приходит в мир вместе с Враждою.

Итак, из всего сказанного о гармонии в философии Эмпедокла, становятся понятными основные пути его мысли в данном направлении.

Сфайрос есть воплощенная Гармония или особая форма гармоничного соединения всех элементов, правильной связи между ними под действием силы Любви, представляющая собой итог длительной эволюции. Таким образом, Гармония это главная характеристика Сфайроса. Скорее всего, именно поэтому она часто пишется с заглавной буквы.

Гармония есть только в Сфайросе, ни в хаосе Распри, ни в переходные периоды от Любви к Вражде и обратно ее нет. Гармония – становящаяся связь элементов под действием силы Любви.

Есть также некоторые намеки на то, что гармонию у Эмпедокла можно понимать и в гносеологическом аспекте. Раскрывается он через тезис, что подобное познается подобным. Имеется в виду, что познание происходит, когда внешние вещи находят соответствие в душе и гармонично там соединившись, становятся доступными мысли.

Гармония появляется вместе с действием силы Любви. Она постепенно, по мере того, как отступает Вражда, гармонично складывает разрозненные элементы. И когда Вражда отступает к самым приделам Сфайроса, все вещи внутри него становятся погруженными в плотную потаенность Гармонии.

Если верно утверждение о том, что в философии Эмпедокла возможно обозначить антиномию покой-движение, где Любовь – покой, Вражда – движение, то и гармонию можно понимать как статичное, зафиксированное состояние, поскольку в период господства Любви все элементы склеены божественным клеем гармонии.

АПОФАТИЧЕСКИЙ СИМВОЛИЗМ ДИОНИСИЯ АРЕОПАГИТА

Г. М. Тарнапольская

Томский политехнический университет

В «Божественных именах» Дионисий раскрывает возможность богопознания через имена, которые выступают в качестве катафатических символов. А в недошедшем до нас трактате «Символическое богословие» и в «Послании Титу...» дается иная концепция символа как «несходного подобия», указующего на сакральное через самоотрицание.

С.С. Аверинцев истолковывает символическое изложение истин в корпусе Ареопагитик в соответствии с архетипом загадки [1. С.135-156]. Архетип загадки проявляется уже в самой стилистике произведений Ареопагита, выражаясь в противоположностях («Божественный Свет, который есть Божественный Мрак», «многословное и многовоспеваемое молчание» и т.п.). В «Послании Титу» архетип загадки воплощается не только на уровне текста, но и на уровне отдельного образа. Однако загадка всегда раскрывает содержание через иное, т.е. является аллегорической формой выражения. Казалось бы самоотрицающийся символ будет назван аллегорией, но Дионисий называет его именно символом.

Аллегория - сказание через иное. Уже в этимологии заложена идея о нетождественности сущности и ее выражения в ином. Загадка есть всегда сокрытие смысла, она предполагает обходной путь к нему - хотя и через подобное, но все же через иное. Поэтому структура загадки с необходимостью аллегорична, а не символична. Если бы загадка была символом, то она всем своим содержанием указывала бы на подразумеваемое в ней, а это лишило бы ее самой загадочности.

Символ, с одной стороны, являет онтологическое единство образа и сущности, с другой - указывает на сущность собой как целым. Аллегория указывает на смысл только своим частным признаком, остальные же свойства аллегорического образа никакого отношения к указуемому смыслу не имеют. Воплощение Христа – это онтологическая точка, где реально осуществилось единство тварного и нетварного. Это единство явилось обоснованием символического, а не аллегорического воплощения нетварного в тварном, стало основой христианского символизма.

Символ божественного Дионисий Ареопагит раскрывает как такой образ, который не только возводит созерцание к Высшему, но и являет действие Высшего на человека. Образ может быть в чем-то подобен Высшему, утверждая своим подобием положительное понимание этого Высшего. Однако «значительно выше ценит автор «Ареопагитик» «несходные подобия», которые он соотносит с апофатическими обозначениями Божества, полагая, что «если по отношению к божественным предметам отрицательные обозначения ближе к истине, чем утвердительные, то для выявления невидимого и невыразимого больше подходят несходные изображения»» [2. С. 89]. Например, для обозначения сакрального более подходят образы презренных предметов, таких как животные, растения, камни и даже черви, чтобы созерцатель не останавливал свой ум на грубых материальных формах. Чтобы отличить «несходное подобие» от других символов будем именовать его «апофатическим символом».

Поскольку несходное подобие является образом профанной вещи, противоположной сакральному, не следует ли апофатический символ считать аллегорией? На основании трудов Леонтия Византийского видно, что нетварная сущность и ее тварное выражение могут быть онтологически едиными. Леон-

тий ввел понятие «воипостазирование», обосновав, что тварная сущность может быть воипостазирована в нетварной ипостаси. А раз природа может быть реальна в иной ипостаси, то и в символе нетварное может быть онтологически едино с тварным. Апофатический символ не только возможен, но с необходимостью является именно символом. Это было подтверждено опытом исихазма, свидетельствующем о непосредственном явлении Нетварного в виде божественного света. Этот опыт определил различие сущности и энергии, которое применимо также и к апофатическому символу.

Исходя из вышесказанного, можно сделать выводы:

В пользу того, чтобы отождествить «несходные подобию» с аллегорией можно привести такие аргументы:

1) Пропась между нетварным и тварным позволяет выражаться нетварному только через иное по отношению к себе - а это уже есть аллегория. Эта аллегория возможна т.к. она может пониматься не только как абстрактная аллегория басенного типа, но как онтологическая аллегория, несколько не умаляющая содержания, на которое указывает;

2) «Несходные подобию», как и весь стиль Дионисия Ареопагита, воспроизводят архетип загадки, которая по определению аллегорична;

3) Дионисий Ареопагит сам подчеркивал чуждость нравственно или эстетически неприемлемых «несходных подобий» являемому ими божественному содержанию.

В пользу того, чтобы отождествить «несходные подобию» с символом можно высказать следующие аргументы:

1) Сам Дионисий называл их символами;

2) Признание возможности символического выражения божественного для Дионисия принципиально, поскольку подчеркивает возможность реального воплощения тварного в нетварном в рождении Христа;

3) Сама необходимость в «несходных подобию» указывает на первоначальное допущение единства внутреннего содержания и внешнего выражения. Если с самого начала подразумевалось бы аллегорическое отношение, то не возникло бы нужды прибегать именно к «несходным подобию», так как в аллегории и без того заранее предполагается принципиальное различие между сущностью и выражением;

4) Символическое единство нетварной сущности и тварного выражения имеет прочное теоретическое обоснование в концепции «воипостазирования».

Таким образом, в апофатическом символе выявляются два пласта: аллегорический и символический, которые антиномически явлены в нем. Из этого следует, что не стоит абсолютизировать ни точку зрения, отождествляющую «несходное подобие» только с символом, или только с аллегорией. Апофатический символ следует понимать как антиномичность аллегоричности и символичности.

Литература

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.:CODA, 1997.
2. Бычков В.В. Малая история византийской эстетики. Киев: Путь к истине, 1991.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРИРОДЕ БОГА В РЕЛИГИОЗНОМ ИРРАЦИОНАЛИЗМЕ

П. А. Бутаков

Институт философии и права СО РАН

В истории европейской философии принято выделять целую группу религиозных мыслителей, выступавших с резкой критикой рационального познания. С самого начала попыток синтеза христианской веры с греческой философией периодически раздавался голос тех, кто открыто выступал против такого синтеза и провозглашал приоритет веры над философским знанием. К этой группе, среди прочих, относятся имена Тертуллиана, Петра Дамиани, Мартина Лютера, Серена Кьеркегора и Льва Шестова. Годы их жизни выпадают на переломные этапы в развитии европейской религиозной мысли: Тертуллиан представляет собою эпоху зарождения христианской философии, Петр Дамиани стоит на рубеже между периодами патристики и схоластики, Мартин Лютер предвещает Новое время, а творчество Кьеркегора и Шестова выпадает на этап современной философии. Каждый раз, когда назревала необходимость смены «способа философствования», идеи иррационализма оказывались особо востребованными, и появлялись те, кто становился глашатаем этих идей [1].

В современной историко-философской науке всех мыслителей религиозного иррационалистического направления принято относить к единой традиции лишь по факту их выпадов против рациональной философии, а более подробный сравнительный анализ их позиций обычно выпадает из области интересов исследователей. Но и основания, и методы критики рационального познания могут быть принципиально разными, и может оказаться, что ставить имена этих мыслителей в один ряд будет не совсем корректно. Нам представляется важным извлечь правильные уроки из прошлого и дать адекватную оценку традиции религиозной иррационалистической философии.

Одним из перспективных направлений в попытке адекватного сравнения позиций данных мыслителей является анализ их учения о природе Бога и о

том, чем Бог руководствуется в Своих действиях, существуют ли для Бога какие-либо ограничения, и если да, то какие.

В результате проведенных исследований мы пришли к выводу, что представления Тертуллиана, Дамиани и Лютера о природе Бога явно тяготеют к позиции рационализма, в то время как взгляды Кьеркегора и Шестова являются последовательно иррационалистическими. На основании этого мы считаем, что говорить о единой традиции религиозного иррационализма в западной философии не представляется возможным.

Тертуллиан нередко говорит о рациональности божественной природы: «Разум есть дело Божье, так как Бог – Творец всего сущего – все предвидел, расположил и устроил согласно разуму и не желал, чтобы что-нибудь рассматривали и понимали без помощи разума» (*De paen.* I) [2]. В трактате «Против Маркиона» Тертуллиан утверждает, что справедливость как атрибут присуща Богу в той же мере, как и благодать, и что в Боге вообще нельзя даже мысленно отделить одну от другой. Благодатью Он сотворил мир, и справедливостью устроил его. С появлением греха Его функция Вершителя справедливости не изменилась, но приняла карательные формы, при этом, не переставая быть неотъемлемой от блага: все наказания, в конце концов, обращаются во благо, а страх перед Судом также способствует распространению добра, а не зла (*Adv. Marc.* II, 12-13). Но даже если Божий Суд выносит кому-либо окончательный суровый приговор, то это тоже благо, так как справедливо. Правосудие и милосердие присутствуют в Боге в равной степени (*Adv. Marc.* II, 17). Тертуллиан как бы «уравновешивает» в Боге справедливость и милость к кающимся, причем и та, и другая являются равноценными и нераздельными божественными атрибутами или характеристиками. Итак, Бог, согласно Тертуллиану, в Своих действиях руководствуется разумом, милосердием, благом и справедливостью.

В истории философии *Петр Дамиани* больше всего известен за его утверждение о том, что Бог может изменить прошлое. В своем трактате «О божественном всемогуществе» Дамиани заявляет, что с точки зрения христианской веры для Бога возможно все. Тем не менее, Дамиани все же пытается привести рациональное обоснование своему тезису о том, что Бог может все, даже сделать бывшее небывшим. Основная канва его рассуждений выглядит так: для Бога весь поток времени – и прошлое, и настоящее, и будущее, – является равно доступным, и Он «все лежащее перед Ним видит как бы в настоящем», «одним лишь и простым взглядом... все разом постигает»[3]. Поэтому то, что можно правильно сказать о Боге в настоящем и в будущем, настолько же правильно будет сказано и о Боге в прошлом. Здесь мы видим явное стремление Дамиани найти хоть какое-нибудь рациональное обоснование не поддающемуся разуму утверждению о способности Бога менять прошлое.

Называть Дамиани проповедником абсолютного божественного волюнтаризма было бы не совсем корректно. Он действительно указывает на то, что

Бог по Своей воле может сделать все, что пожелает, что причиной существования или несуществования всего является воля Создателя, но, все же, при чтении его трактата напрашивается вывод о том, что воля Бога, на деле, оказывается ограниченной. Дамиани не один раз повторяет, что Бог, хоть и всемогущ, но в Своих поступках руководствуется благостью, милосердием и справедливостью. Дамиани уверен в том, что «то, что есть зло, Бог не может причинить, ибо не может даже и желать», а «что поистине есть благо, то может Он желать и делать»[4]. Весь мир Бог сотворил потому, что к этому Его «лишь благость подлинного милосердия призвала»[5]. Итак, все желания Бога определяются благостью, милосердием и справедливостью. Подобные представления мы обнаружили и у Тертуллиана, который также утверждал, что справедливость и благость являются неотъемлемыми атрибутами Бога, которыми Он и руководствуется во всех Своих действиях.

Похожие рационалистические тенденции в представлении о природе Бога мы наблюдаем и в работах *Мартина Лютера*. Снова, как и в случае Тертуллиана и Дамиани, мы можем с уверенностью сказать, что Бог у Лютера обладает совершенным разумом, по образу и подобию которого создан разум человека. Бог в Своих действиях также руководствуется справедливостью, «ибо Бог не может отвергнуть Свою собственную природу. То есть Он не может избавиться от ненависти к греху и грешникам. И Он делает это по необходимости, ибо в противном случае Он был бы неправедным и любил бы грех»[6]. Очевидно, для Лютера Бог не является волюнтаристом – Его действия нормированы Его разумной и справедливой природой, вопреки которой Он поступать не может.

Переходя к представлениям о Боге *Серена Кьеркегора*, мы должны отложить в сторону понятия добра и справедливости и вооружиться понятием «абсурда». В его работах «абсурд» выступает в роли некоторой парадоксальной силы, полагаясь на которую человек может верить вопреки здравому смыслу. На примере библейского Авраама Кьеркегор показывает, что вся его жизнь – «ужасный парадокс», в который мысль не может проникнуть ни на волосок [7]. Авраам «верил силой абсурда; ибо все человеческие расчеты давно уже кончились»[8].

Абсурд у Кьеркегора как бы гипостазирован, и в некотором смысле стоит даже выше Бога, так как именно Абсурд, а не Бог, является основным объектом веры. Он призывает «довести до конца движение веры... закрыть глаза и с полным доверием броситься в Абсурд»[9]. Интересно, что Кьеркегор готов приписать страх и страдание даже Самому Богу. В своих предсмертных дневниках он пишет «Мне кажется, что еще страшнее было Богу... Быть таким неизменным – это ужасно. Но нет, не в этом еще самое страшное – но в том, чтобы быть таким неизменным и притом быть любовью. Бесконечное, глубокое, неисповедимое страдание»[10]. Говоря о Тертуллиане, Дамиани и Лютере мы отмечали, что действия Бога определяются Его разумной, благой и справедливой природой. Другое дело у Кьеркегора: природа Бога парадокс-

сальна и является источником страха и страдания, над всем господствует сила Абсурда.

Льва Шестова можно смело назвать самой яркой фигурой во всей философской традиции противопоставления религиозной веры разуму и здравому смыслу. Ни Тертуллиан с его парадоксами, ни Дамиани с попытками отстоять всемогущество Бога, ни Лютер с его приматом откровения над разумом, ни даже Кьеркегор, искавший спасения от страхов в абсурде, не дошли до такой степени отрицания рациональности и законов логики. Все многочисленные работы Шестова направлены на борьбу с господствующими в философии представлениями о необходимости, законе логического противоречия и «истинах разума». Шестов отвергает все, что претендует на звание «всеобщего» и «необходимого». «Человеку, — пишет он, — мало обладать истиной. Он хотел иного — как ему казалось, "лучшего": — чтоб его истина была истиной "для всех"»[11]. Философское представление об объективной истине Шестов считает химерой: «Последняя, подлинно достоверная истина... заключается в том, что в метафизической области нет достоверных истин»[12]. Даже закон логического противоречия, согласно Шестову, был и остается непреодолимой преградой для человеческого разума. Шестова смущает то, что «если закон противоречия всемогуществу Бога не подлежит, то, стало быть, он держится сам собой и от Бога независим»[13]. Если так, то Тертуллиан, Дамиани и Лютер тоже должны подпасть под осуждение Шестова, ведь они были убеждены, что Бог в Своих действиях руководствуется чем-то, что от Него не зависит, а именно справедливостью, милосердием и благостью. И даже Кьеркегоровский Абсурд Шестов считает ограничивающим Божественное всемогущество.

Можно уверенно констатировать, что ни у одного из рассмотренных нами философов иррационалистическая тенденция не доходит до такой степени отрицания рациональности и логики, как в работах Льва Шестова. Отвергая знание, здравый смысл, законы логики, и призывая полагаться лишь на субъективные глубоко внутренние чувства, Шестов демонстрирует крайнюю степень религиозного антирационализма.

Вкратце подытожим представления рассмотренных нами философов о природе Бога. Тертуллиан считает, что разум человека является подобием Божественного разума, что Бог по природе рационален, Его действия не противоразумны. Справедливость и благость присущи Богу по природе, причем само понятие божественной справедливости включает в себя представление о наличии некоего незыблемого высшего закона. Дамиани пишет, что одни действия Богу присущи, а другие — нет. Бог не может желать того, что является злом, и в Своих поступках руководствуется милосердием и благостью. Лютер также настаивает на рациональной природе Бога и откровения. Бог не может пойти против Своей природы и поступиться справедливостью и милосердием.

Кьеркегор, в свою очередь, готов приписать самой природе Бога страх и страдание, являющееся результатом того, что Бог должен сочетать в себе как любовь, так и неизменность. Лев Шестов убежден, что для Бога нет ни в чем никаких ограничений, даже закона противоречия, поэтому, говорить о том, что Бог не может поступиться Своей природой – это вздор. Бог у Шестова выше всех принципов.

Представления философа о природе Бога являются надежным свидетельством о его мировоззренческой позиции. Таким образом, у Тертуллиана, Дамиани и Лютера мы наблюдаем уверенность в объективности и всеобщности закона справедливости, морали, понятий блага и любви. В представлении Кьеркегора, во всем мироздании заложен непреодолимый конфликт, поэтому неизбежной всеобщей реальностью у него является страдание. Лев Шестов настолько сосредоточен на субъекте, что отвергает всякие представления об объективной и всеобщей истине. Учитывая вышеперечисленные расхождения в позициях рассмотренных авторов можно утверждать, что говорить о единой традиции религиозного иррационализма в философии не представляется возможным.

Примечания

1. Подробнее о переломных этапах в истории философии см. статью В. П. Горана *Переломные этапы истории европейской философии* // Философия науки. №№1, 2 (5, 6), Новосибирск, 1999.
2. Тертуллиан К.С.Ф. *Избранные сочинения*. М., 1994
3. Дамиани П. *О божественном всемогуществе* / Ансельм Кентерберийский. *Сочинения*. М., 1995. С. 371.
4. Там же. С. 363.
5. Там же. С. 371.
6. Лютер М. *Лекции по «Посланию к Галатам»*. Фонд «Лютеранское Наследие», World Wide Printing, Duncanville, USA. 1997. С. 271.
7. Кьеркегор С. *Страх и трепет*. М., 1998. С. 34.
8. Там же. С. 37.
9. Там же. С. 35.
10. Цит. по: Шестов Л. *Афины и Иерусалим*. М., 2001. С. 197.
11. Шестов Л. *На весах Иова*. М., 2001. СС. 16-17.
12. Шестов Л. *Власть ключей* // Шестов Л. Соч. в 2-х т. М., 1993. С. 188.
13. Шестов Л. *Афины и Иерусалим*. С. 245.

ЭТИКА КАК ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ФИЛОСОФИИ КЬЕРКЕГОРА

А. Н. Осокина

Новосибирский государственный университет

В противоречивом по своему характеру творчестве Кьеркегора, проблема этики занимает особое место. Дело в том, что реконструкции этических взглядов Кьеркегора на основе различных произведений дают крайне противоречивую картину.

Целью данного текста являются:

- выявление различных контекстов обсуждения этических проблем в философском учении Кьеркегора
- выявление противоречий
- причины этих противоречий и способы их разрешения

Среди различных контекстов обсуждение этических вопросов в соответствии с содержательными аспектами и особенностями авторского стиля можно выделить можно выделить следующие:

- противопоставление этического и эстетического образа жизни

При противопоставлении этической и эстетической сфер экзистенции, утверждается безусловная ценность этического образа жизни. Ценность этического образа жизни определяется антропологическими характеристиками, задающими в целом структуру бытия человека. Обсуждение ведется в терминах «место человека в бытии», «центр личности», «вектор», фиксируется некоторая укорененность этика в бытии, как независимости (в некотором смысле) от внешних условий и настроения.

- преодоление этики на религиозной стадии, противопоставление этики и религии

Данная проблематика возникает в основном в произведении «Страх и трепет», где явно указывается на несовместимость между религиозным мировоззрением и судом этики. «Авраам не может быть понят с точки зрения этики».

В данном случае следует обратить внимание на то, как понимается этика. Этика, которой противопоставляется единичный индивид, прочно связана с общепринятыми социальными институтами. То есть в этой этике вопрос «Морально, то, что законно или законно, то, что морально?» решается в пользу первичности социальных институтов, которые и определяют моральное и аморальное поведение.

- построение христианской этики

Попытка построения христианской этики представлена в произведении «Понятие страха». Вторая этика (христианская) должна взять в качестве предпосылок христианскую догматику и, прежде всего понятие греха.

Хотелось бы обратить внимание на то, что рассмотренные взгляды на этику и соответствующие им произведения имеют различное «авторство». Все эти произведения относятся к так называемому периоду непрямо́й коммуникации, когда Кьеркегор не подписывает произведений своим именем. Каждое из указанных произведений подписано различными псевдонимами. С учетом этой особенности можно сказать, что ни одна из указанных точек зрения не репрезентирует точку зрения автора. Более того, можно говорить о том, что целью данного приема является не определить точку зрения автора, а прояснить различия между различными сферами экзистенции.

Однако, можно сказать о том, что третья позиция наиболее близка Кьеркегору, что подтверждается дальнейшими произведениями. К таким работам относится, например, «Деяния любви», которая по утверждению ряда исследователей как раз и представляет пример этических рассуждений на основе христианских положений, в частности в «Деяниях любви» пристальное внимание уделяется новозаветному «возлюби ближнего как самого себя» и возможных следствиях из этого. Хотелось бы отметить, что «Деяния любви» принадлежат к периоду «прямо́й коммуникации», то есть, написано Кьеркегором от собственного имени.

Практически все произведения этого периода имеют религиозную или религиозно-этическую направленность. В заключение, хотелось бы отметить, что произведения этого периода не переведены на русский язык, и рассмотрение затронутой в этих произведениях проблематика в целом может изменить наше представление о творчестве данного мыслителя.

КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: ПРОБЛЕМА СУЩЕСТВОВАНИЯ

М. В. Бабак

Институт философии и права СО РАН

«Критическая теория» (в дальнейшем: КТ) — бренд так называемой Франкфуртской школы, которая как таковая (т.е., именно как «Франкфуртская школа»; далее: ФШ) заявила о себе уже спустя десятилетия после выхода статьи Хоркхаймера, в которой впервые был предложен термин КТ (см. об этом [1: стр. 368]). Существует обширная литература, говорящая о КТ или апеллирующая к ней. Многие авторы пытаются придать авторитет своим построениям ссылкой на то, что они оперируют КТ (см. об этом [1–4]). В нашей стране, в советско-марксистский период, при изложении КТ внимание сосредоточивалось на критике как самой теории, так и воззрений ФШ вообще (см., напр., [2]; вопрос о том, насколько эта критика являлась просто внешней формой изложения взглядов «буржуазных» философов, продиктованной идеологическими соображениями, оставляется здесь в стороне — как несущее

ственный для содержания работы). Внимание уделялось обоснованию шаткости этой теории, ее порочности в идеологическом плане – но не вопросу о том, существовало ли вообще нечто, о чем можно было бы говорить как о КТ. В наше время настоящим – и, вероятно, главным – адептом КТ в России является В.Н. Фурс, посвятивший ей свои (многословные и невразумительные) публикации и (такого же характера) докторскую диссертацию. Фурс служит ценным источником имен тех авторов, которые так или иначе использовали термин КТ. Несмотря на все попытки Фурса откреститься от гипостазирования того, что понимается им под КТ, он, тем не менее, постоянно говорит о ней, как об объективно существующей целостности, которую стоит лишь осознать – и отечественная философия спасена (таков пафос его работ – может быть, за неимением лучшего обоснования, обосновывающий актуальность занятий Фурса; см., напр., [3: стр. 6; 4: стр. 5]).

В постановке вопроса о существовании КТ я обращаюсь к концепции К. Поппера о «трех мирах», по которой существуют на равных основаниях, т.е., независимо друг от друга материальный мир (physical things), духовный мир (mental things) и мир объектов мышления («World 3», мир объективного знания). Эта концепция представляется мне наиболее ясно излагающей суть обыденного представления о теоретическом мышлении и служащей удобным полем для наглядной иллюстрации в картинках того, как происходит «синтез концепций», «преемственность идей», «заимствование наработок» (особенно излюбленное тем же Фурсом словосочетание). В дальнейшем предполагается, что концепция Поппера способна служить лишь метафорой, предварительно проясняющей суть дела, и что никакого третьего мира *не существует* ни в каком смысле (вопрос о существовании духовного мира здесь не затрагивается). Итак, здесь становится ясной главная установка данной работы: никакой КТ в смысле некоего объекта третьего мира не существует. Это сразу ставит под вопрос утверждения членов ФШ о том, что нечто, объединяющее их, – это КТ. Фурс в своих произведениях уверяет, что то, что он называет «современной КТ», – имеет лишь формальное отношение к ФШ, однако это не мешает ему пытаться произвести реконструкцию (какой бы «типологической» она ни была; см. [4]) КТ, которая относилась бы к деятельности как современных авторов, так и «первого поколения» ФШ, т.е., как некий ресурс «третьего мира», который эксплуатируют – причем совершенно сознательно – различные авторы.

В этом смысле, вопрос о существовании КТ не представляет собой проблему: эта теория не существует, как любая другая теория, как и вообще любое нечто, обычно называемое теоретическим или символическим объектом. Более интересен вопрос о том, насколько реализованы те благие пожелания, которые Хоркхаймер и Маркузе вкладывали в свои рассуждения о том, какой *должна быть КТ* (они первые заговорили о диалектической теории, которая получила затем название критической; см. [1: стр. 376–377]; к сожалению, первоисточники, т.е. ранние статьи этих авторов мне в настоящее время не-

доступны). Судя по тому, что писал Маркузе – три десятилетия спустя после первых попыток представить себе КТ – о том, что она *должна из себя представлять* (в работе «Одномерный человек» он говорит о необходимости разработки критических понятий или о возвращении уже имеющимся понятиям их критического содержания (?)), – никакого прогресса в реализации КТ не произошло. Все 250 страниц своей книги Маркузе пытается высосать всевозможные ассоциации из своей метафоры одномерного человека и общества, оставаясь на достаточно примитивном уровне *действительного* теоретического рассмотрения общества, которое он рассматривает (см. об этом мою статью [5]; Маркузе, как представителю ФШ, я намереваюсь посвятить свое диссертационное исследование; это обуславливает то, почему на этом авторе я останавливаюсь несколько здесь более подробно, чем на остальных представителях КТ).

Для настоящего рассмотрения не имеет большого значения то, что «вопреки обычному словоупотреблению, термин “критическая социальная теория” используется для обозначения не теории как относительно завершенной и внутренне согласованной системы знания, а специфического режима теоретической работы, который находит свое проявление во множестве разнородных теорий» ([4: стр. 18]; несмотря на некоторую расплывчатость, эти слова достаточно ясно выражают суть противопоставления Хоркхаймером «традиционной» и «критической» теорий). Какие бы оговорки ни приводились, сторонники КТ подразумевают под ней некий устойчивый, объективный смысл, который людям необходимо воспринять, чтобы освободиться от ложного сознания и заполучить истинное ([6: стр. 260], например; почему же тогда не считать основателем КТ в чистом виде – *Парменида* с его «путем истины» и «путем мнений»? Фурс, озверев, вообще доходит до того, что насчитывает 4(!) основоположения КТ, считая, видимо, что чем больше основоположений – тем солиднее теория и тем прочнее стоит она на ногах; см. [3].) К сожалению, насколько я показал в [5], стремление как можно больше высказать о том, чем должна быть КТ и какие перед ней стоят задачи, в некоторых случаях (а именно: в подавляющем их большинстве) мешает автору принять этот «специфический режим теоретической работы» и приступить к полномасштабному изучению самого предмета теории. Попытка как можно более выпукло позиционировать свою теоретическую установку приводит к тому, что все слова о критичности КТ по отношению к догматизму традиционных теорий оказываются случайными высказываниями и легко забываются (см., например, о травле Фромма другими членами ФШ (Хоркхаймером, Адорно, Маркузе) за отступление от *ортодоксального* фрейдизма: [7]; цель травли, согласно Маклафлину, – укрепление позиций бренда КТ в среде американских интеллектуалов, которые любили ортодоксального Фрейда, а не неофрейдизм; отстаивание ортодоксии не вполне вяжется с «критической установкой» первого поколения ФШ).

Естественно, окончательный ответ о наличии некой КТ (в смысле последовательного анализа действительности) у представителей первого поколения ФШ может дать лишь исчерпывающий анализ их трудов в 30-е–60-е гг. XX в. Однако поздняя работа Маркузе «Одномерный человек» своим поверхностным обращением к действительности позволяет предположить, что результат исследования будет неутешительным для сторонников КТ: ведь сколь бы популяризаторской ни была эта работа, тем не менее, наличие серьезных результатов применения КТ к анализу общества позволило бы сделать книгу гораздо более насыщенной конкретными, соответствующим образом структурированными сведениями, удостоверяющими приложимость теории, – чего не произошло.

Итак, *предпосылками* своего исследования КТ вообще и творчества Г. Маркузе в частности я считаю следующее:

(1) Никакой критической теории не существует (и, следовательно, любой разговор о КТ – как и о любой другой теории – без непосредственного последовательного обращения к предмету самой теории бросает на автора тень подозрения в том, способен ли он *хоть как-нибудь* исследовать реальность, которую он якобы намеревается с помощью выпячиваемой им теории анализировать, – не говоря уже о способности *критически* ее исследовать. В частности, это касается – видимо, единственного – представителя КТ в России: В.Н. Фурса.). Поэтому, вторая предпосылка:

(2) чем больше автор разглагольствует о *теории*, тем больше путаницы он вносит в понимание *предмета* этой теории, т.е., предмета теоретического исследования.

Литература

1. Иванов Д. Критическая теория Франкфуртской школы // Немецкая социология. Отв. ред. Р.П. Шпакова. – СПб.: Наука, 2003. С. 367–419.
2. Социальная философия Франкфуртской школы (Критические очерки). – М., «Мысль», Прага, «Свобода», 1978.
3. Фурс В.Н. Контурсы современной критической теории. – Мн.: ЕГУ, 2002.
4. Фурс В.Н. Критическая социальная теория в западной философской мысли 70–90-х гг. XX в.: типологическая реконструкция. (Автореф. дисс. д.филос.н.). СПб.: 2002.
5. Бабак М.В. Понятие трансцендирования в работе Г. Маркузе «Одномерный человек» // Философия: история и современность. – Новосибирск, 2005. С.319–333.
6. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.

7. McLaughlin N. Origin Myths in the Social Sciences: Fromm, the Frankfurt School and the Emergence of Critical Theory // Canadian Journal of Sociology 24, 1 (1999) 109–139.

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕРМЕНЕВТИКИ Ф. ШЛЕЙЕРМАХЕРА

С. Б. Рахимгулова

Новосибирский государственный университет

Герменевтика является одним из актуальных направлений в области филологических и философских исследований современности. До 19 века она развивалась в основном в прикладных и дидактических целях, являясь вспомогательной дисциплиной для теологии, филологии и юриспруденции. Становление ее в качестве самостоятельной дисциплины и формирование ее философских аспектов связано с именем немецкого филолога, философа и теолога Ф. Шлейермахера.

Шлейермахер ставит перед собой задачу разработать основания герменевтики, которые бы носили научный характер. Исходным пунктом его исследований послужили труды Вольфа и Аста, которые он считал наиболее значительными в данной области. Реконструкция взглядов указанных авторов и их критическое рассмотрение представлены на основе работы Шлейермахера «Ueber den Begriff der Hermeneutik mit Bezug auf F.A. Wolfs Andeutungen und Asts Lehrbuch» (1829).

Оба предшественника Шлейермахера видели в герменевтике лишь прикладную дисциплину для науки о древности (у Вольфа) и для формирующейся филологии (у Аста). Сфера ее действия ограничивается теологией и наукой о древности, поскольку задача герменевтики, как утверждает Аст, способствовать реализации главной цели духовной жизни – «воспроизводимое единство греческой и христианской жизни» [2, 312].

Вольф называет герменевтику искусством отыскания мыслей писателя, смыслов. Она исследует произведения античной литературы. Знание древнегреческого и латинского языков является обязательным условием для правильного истолкования. Им были выделены такие типы истолкования как грамматическое, риторическое и историческое. Понимание, по убеждению Вольфа, должно носить необходимый, однозначный характер. Несовершенство герменевтики как теории он объясняет отсутствием фундаментальных исследований, которые следует проводить в области филологии («...исследование значение слов, смысла предложения, связности речи..» [2, 312]) .

Другим важным исследователем в области герменевтических изысканий был, по мнению Шлейермахера, Аст. В качестве предметной области герме-

невтики он выделял литературу высокого духовного содержания. Герменевтическая задача возникает тогда, когда мы сталкиваемся с чуждым, под которым он понимал чужие язык и литературу как продукты деятельности духа. Ценной является идея о том, что часть может быть понята через целое. Читая произведения, мы понимаем его части, исходя из «предчувствия» целого. Понимание части произведения предполагает понимание целого. Целое может быть понято из его частей. Аст подчеркивает мысль, что следует избегать возвратного движения к началу, когда у нас по мере прочтения углубляется понимание сочинения. Он не отождествляет понимание и истолкование. Истолкование есть лишь посредник, сообщающий, как было понято сочинение. Им были предложены такие виды герменевтики как герменевтика буквы (историко-грамматический уровень понимания), герменевтика смысла, герменевтика духа (понимание духа писателя и эпохи).

Критика Шлейермахера была направлена против следующих идей Вольфа и Аста:

- ограничения сферы герменевтики областью теологии, филологии и наукой о древности.

Хотя герменевтика используется в различных областях жизни человека, и каждой из них будет соответствовать своя герменевтика, над всеми специальными видами должна стоять герменевтика как учение, имеющее научное основание. Шлейермахер в данном случае говорит, по нашему мнению, о герменевтике как о метатеории.

- выделения в качестве предмета герменевтики только письменных источников. Он полагал, что разговор, частная беседа тоже должны быть отнесены к предмету теории. Основанием для такого тезиса является взгляд, что они суть жизненного выражения духовной сущности говорящего, один из моментов жизни, связанных друг с другом. Этот аспект, считает Шлейермахер, при анализе отдельного произведения упускается из вида.

Убежденность Вольфа в необходимом характере понимания, по его мнению, необоснованна. Часто это невозможно в силу характера толкуемых произведений (например, Новый Завет), метода (объяснение из тотальности жизни), а также в тех случаях, когда связь мыслей в интерпретируемой части сочинения неочевидна и для понимания приходится идти путем догадок. Соотношение формы и языка одинаково для всех языков и это является основанием для возражения против идеи о том, что знание древних языков является обязательной предпосылкой правильного понимания

Шлейермахер ставит под сомнение тезис Аста о «предчувствии» целого и задается вопросом, откуда оно возможно? Разделение герменевтики на три вида он считает неправомерным, т.к. они все сводятся в конечном счете к одной – герменевтике смысла.

Использование герменевтических правил в сфере родного языка Шлейермахер относит к культурной норме и, следовательно, не согласен с Астом в

том, что герменевтика должна применяться только к текстам на чужом языке.

Реконструкция герменевтики Ф.Шлейермахера осуществлена на основе его работы “Hermeneutik und Kritik”(1838). Основополагающим для его теории является положение о связи языка и мышления. Мыслительная деятельность невозможна без языкового оформления. Язык – средство формирования и выражения мыслей. «Без слов мысль еще не готова и не ясна»[1, 77]. Придавая ей статус теории, Шлейермахер говорит, что герменевтика должна заниматься не деталями, а поисками «идентичности языка с мышлением» [1, 84].Ее задачи – предупреждать трудности в реконструкции речи и мыслительного процесса. Условием адекватного понимания Шлейермахер выдвигает знания языка, истории, эпохи автора интерпретируемого текста.

Герменевтика рассматривает речь как один из моментов жизни автора. Предметом герменевтических изысканий являются выдающиеся сочинения: классика, гениальное, оригинальное. Они представляют абсолютную ценность. Но большинство исследуемых произведений находятся между ними и тем, что имеет нулевую ценность для герменевтики

Автор рассматриваемой концепции представляет понимание как единство двух сторон – грамматической и психологической. Они являются равноценными составными.

Цель психологической интерпретации - совершенное понимание стиля автора. Задачи герменевтики при этом – найти ответ на вопрос, каким образом пришел он к созданию произведения и как этот период возникновения замысла соотносится со всей остальной жизнью. Методы решения задач - дивинационный и компаративный. Дивинационный метод состоит в том, чтобы «превратиться» (sich verwandeln) в другого и понимать его индивидуальность непосредственно, компаративный - находить самобытное, отличное от себя в другом.Техническая сторона (составная часть психологической) интерпретации направлена на понимание того, как задуманное реализуется автором в конкретное произведение, как оно структурируется.

Важным методическим правилом является рассмотрение части через целое и наоборот. Понимание произведения складывается из понимания частей. В тоже время части понимаются из контекста целого. Анализируемое произведение - это часть творчества автора. Само творчество автора тоже рассматривается как часть, для которого целое - историческая эпоха и язык.

Категория понимания в концепции Шлейермахера включает в себя следующее:

понимание направлено на содержание мышления и состоит из понимания речи как языкового явления и как акта мышления. Оно представляет собой единство грамматического и психологического. Предмет понимания - речь как момент жизни говорящего, который познается в его обусловленности всеми предыдущими моментами жизнь, историческими и социокультурными

условиями. Для правильного понимания необходимы способность к языкам и к психологии (талант к пониманию человеческих характеров).

Шлейермахер формулирует «позитивные формулы» герменевтики»: объективно историческая и дивинационная, субъективно историческая и дивинационная реконструкция речи. Под объективно исторической реконструкцией речи понимается рассмотрение ее как продукта языка, под объективно дивинационной – как фактора развития языка, с точки зрения того, как индивиды, используя язык как средство выражения мыслей оказывают влияние на сам язык. Субъективно историческая реконструкция речи есть анализ ее как факта мышления, а субъективно дивинационная - понимание того, как мысли, выраженные в речи влияют на говорящего. Используя данные формулы, толкователь должен понимать речь также и даже лучше, чем автор. В силу того, что мы не знаем автора непосредственно, мы прилагаем усилия проникнуть в содержание его сознания и таким образом нам открывается доступ к тому, что остается для автора неосознанным.

Таким образом, Ф.Шлейермахер, отталкиваясь от существующего в его время представления о герменевтике как технического навыка, разработал ее как методологию работы с текстом вообще, придал ей универсальный характер. При этом в качестве методологического принципа он использовал тезис о связи языка и мышления.

Литература

1. F. Schleiermacher “Hermeneutik und Kritik”: mit einem Anhang sprachphilosophischer Texte Schleiermachers. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1999
2. F. Schleiermacher “Ueber den Begriff der Hermeneutik mit Bezug auf F.A.Wolfs Andeutungen und Asts Lehrbuch” in “Hermeneutik und Kritik”: mit einem Anhang sprachphilosophischer Texte Schleiermachers. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1999

ДИНАМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТА И ВЛАСТИ В ФИЛОСОФИИ М. ФУКО

Н. А. Грозина

Институт философии и права СО РАН

На разных этапах своего творчества французский философ М.Фуко по разному подходил к понятию власти, хотя никогда не пытался его онтологизировать. В «генеалогический» период Фуко рассматривал структуры власти как принципиально децентрированные образования, которые со всех сторон воздействуют на сознание индивидов с помощью различных взаимодействующих дискурсов. Отношения власти, по Фуко, глубоко укоренены в соци-

альном ядре, они не являются добавочной структурой, которую можно было бы убрать.

Подводя итоги своей многолетней работы, Фуко говорил, что вся она была посвящена субъекту. С одной стороны, Фуко категорически отрицал возможность существования трансцендентального субъекта. С другой стороны, развивая тему диффузной власти-знания, Фуко приходит к тому, что в его модели индивидуальные субъекты оказываются полностью детерминированными властью, и всю дальнейшую социальную динамику он строит на отношениях власти и сопротивления. Но тогда возникает логическое противоречие – исчезает источник сопротивления, поскольку он не может находиться в отвергнутом трансцендентальном субъекте, а индивидуальные субъекты полностью конституированы дискурсами власти.

Таким образом, чтобы сохранить важное для Фуко понятие сопротивления, нужно допустить существование источников образования субъективности не со стороны внешней власти, а внутри самого субъекта. Эти очаги субъективности, которые впоследствии могут стать источниками сопротивления, возникают и взращиваются индивидами, благодаря заботе о себе, «техникам себя». Обратившись в конце жизни к античности, Фуко ищет там корни субъективации, т.е. превращения человека в ходе истории в субъекта. Индивид стремится приобрести статус субъекта, которого он никогда не имел до этого, ведь ему самому нужно было создать субъективность, раз трансцендентального субъекта не существует.

По мнению Фуко, в античном обществе сама возможность заботы о себе была связана со стремлением осуществлять политическую власть над другими людьми: невозможно руководить другими, невозможно превратить свои привилегии в политическое воздействие на других, не проявляя заботы о самом себе [1]. Это можно понять таким образом, что, когда власть на каком-то историческом этапе пытается полностью конституировать индивидуальных субъектов, они (но не все, а только некоторые) в ответ начинают «заниматься собой» и благодаря этому сами получают возможность осуществлять власть над другими.

В последний период творчества, который в комментаторской литературе принято называть периодом «техник себя», Фуко уже описывает власть как способ, которым некоторые действия могут структурировать поле других возможных действий, то есть отношения власти это способ воздействия на поведение [2]. Власть – это отношение, она существует только, когда она приводится в действие. Будучи всегда очень чувствительным к языковым тонкостям, Фуко обращает внимание на то, что французский термин *поведение* происходит от терминов со специфическими отношениями власти, так как, когда говорят «вести» других {*conduire*}, обычно подразумевают определенные, более или менее строгие, механизмы принуждения, а поведение {*la conduite*} может реализовываться в пределах более или менее открытого поля

возможностей. Осуществление власти состоит из направления возможного поведения и приведения в порядок возможного исхода.

Если обратиться к этимологии слова «субъект» в английской транскрипции «subject», то оно означает находящийся в подчинении, подданный, подневольный. То есть само понятие «субъект» и реальное существование субъектов неразрывно связано с проявлениями власти над ними.

С другой стороны, в философии именно субъект может осуществлять власть над объектом своей деятельности. Хотя в терминологии Фуко власть над материальным миром, «власть, которая происходит от способностей, прямо присущих телу, или приданных внешними инструментами» [2, 217], это, скорее, насилие. Насилие является примитивной формой власти, тогда как развитые отношения власти между людьми подразумевают свободу. Власть, по Фуко, может исполняться только над свободными субъектами, и только постольку, поскольку они свободны. Это значит, что они имеют несколько возможных способов поведения. Там где все исчерпывают детерминирующие факторы, там нет отношения власти; в этом смысле Фуко считает, что рабство не является отношением власти, в этом случае речь идет скорее о физическом принуждении. Но как бы то ни было, в социуме власть проходит стадии и насилия и принуждения, прежде чем прийти к своим развитым формам.

Тогда, продолжая мысль Фуко, можно допустить, что отношения власти не только диффузны и приходят извне. Не стоит думать, что внутри субъекта возникает лишь сопротивление. Отношения власти тоже имеют источник внутри самого субъекта. Устанавливая и развивая этот источник власти внутри себя, исторический человек создает свою субъективность, обретает власть над неживой материей, переходит от насилия к более развитым формам власти, изобретает изощренные способы влияния на поведение других. Он переносит центр своего внимания на свой разум и рациональность и изобретает трансцендентального субъекта.

Таким образом, процесс становления субъекта происходит в неразрывном единстве с появлением и проявлением власти. Субъект порождает власть, а власть одновременно формирует субъекта, и вопрос о том, с чего все начинается, столь же лишен смысла, как и «что было раньше - яйцо или курица?».

Литература

1. М. Фуко. Герменевтика субъекта. Социо-Логос: Социология. Антропология. Метафизика. Вып.1: Общество и сферы смысла - М.: Прогресс, 1991. сс. 284-311.
2. Foucault M. The Subject and Power //Afterword of Dreyfus H., Rabinov P. Mishel Foucault, beyond structuralizm and hermeneutics The university of Chicago press. Chicago, 1983. PP. 208-226.

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ

М. Н. Чистанов

Хакасский государственный университет, г. Абакан

Понятие социальной онтологии не относится к числу широко обсуждаемых категорий в философской литературе как прошлого, так и настоящего времени. Точнее, используется он как структурирующее понятие в социальной философии и социологии, где под данным термином подразумевается «учение о природе и сущностных характеристиках самой социальной реальности» [1; 228], существующее наряду с социальной гносеологией или эпистемологией и социальной праксиологией, то есть в рамках классического для отечественной философии подхода к любой проблемной ситуации. Таким образом истолкованная социальная онтология представляет собой техническое понятие, призванное объединить разрозненные концепции и теории общества и социальных явлений. Другими словами, она предстает как «связь предельно общих понятий и категорий, используемых при описании и исследовании истории и современности человеческих сообществ» [2; 147].

Представляется, что подобная интерпретация не исчерпывает потенциальные возможности использования термина, обедняет его, поскольку ставит его в подчиненное, зависимое положение по отношению к понятию социальной вообще. В этом случае онтологический статус социальной выступает как изначально неясный. Причина этого – в определенной идеологической ангажированности подобного подхода. И дело тут вовсе не в том, что такая социальная онтология имеет смысл только в марксистском ключе. Будучи наследницей классического философского дискурса (читай – картезианской метафизики), отечественная философия, явно или неявно, не может воспринимать социальность иначе как понятие производное по смыслу от бытия природного, являющегося предметом естественных наук.

На самом деле, социальное или общественное бытие в рамках классического дискурса – категория несколько искусственного характера. Причем «искусственность» ее может быть истолкована в нескольких смыслах. Во-первых, само общественное бытие выступает как частный случай бытия вообще, то есть как более узкое, ограниченное понятие. Во-вторых, социальное бытие не только более узкое понятие в логическом смысле, оно и исторически вторично, возникая из природного бытия путем его преобразования в

процессе человеческого труда. Наконец, в-третьих, социальное бытие носит абстрактный, умозрительный характер и является гипостазированной родовой сущностью человека.

Кто-то может возразить: но ведь общество на самом деле существует, это видно невооруженным глазом, достаточно посмотреть вокруг, какие еще нужны доказательства? На это можно ответить, что восприятие чего-либо (семьи, предметов труда, правовых и иных отношений, духовной культуры) как социального феномена изначально уже предполагает наличие понятия социальности (или его кореллята) в сознании воспринимающего субъекта. Поэтому наличие у нас чувственных ощущений отнюдь не является еще гарантом существования социальности.

Представляется, что решение проблемы социальности необходимо искать гораздо глубже, не скатываясь на уровень дифференциации эмпирических данных. Традиционное выделение социального бытия из бытия физикалистского толка основано на применении познающим субъектом банального принципа аналогии по отношению к себе подобным. Как раз это и вынуждает гипостазировать собственную родовую сущность, рассматривать «естественного человека», «человека вообще», Его, или трансцендентального субъекта как некоторую реальность, подобную реальности мира материальных вещей.

Новую онтологическую перспективу в понимании социальности можно обнаружить при реализации герменевтико-феноменологического проекта. В самом деле, феноменологический метод, задуманный Гуссерлем как способ сущностного усмотрения «самих вещей», без шлейфа физикалистских, психологических или исторических интерпретаций на проверку неизбежно выводит нас на проблему новой онтологии, причем онтологии, изначально носящей социальный характер, конституирующей мир как мир социальный, мир Я и Ты.

Правда, у самого Гуссерля социальный характер мира (то есть в его терминах «интерсубъективность») обосновывается достаточно громоздко. Однако и он согласен с тем, что проблема «другого» -- это по сути и есть проблема бытия мира вообще: «Проблема ставится, таким образом, прежде всего в специальном аспекте, а именно, как проблема существования «других» для меня и, следовательно, как тема трансцендентальной теории опыта «другого», так называемого вчувствования. Однако сразу же выясняется, что область действия этой теории гораздо шире, чем кажется поначалу, что на ней основывается и трансцендентальная теория объективного мира, взятого целиком и полностью, что, в особенности, относится к объективной природе.» [3; 437] Таким образом истолкованная, социальность выступает в качестве горизонта конституирования реальности любого другого рода. В этом смысле, социальная онтология есть основная наука.

В силу основного характера социальной онтологии выведение «опыта другого» из трансцендентального Его оказывается практически неосуществимым. Интуитивная ясность другого Я для меня Гуссерль истолковывает

как распространение индивидуального опыта переживания Я на других индивидов. Здесь, по нашему мнению, кроется причина неудачи его трансцендентальной феноменологии в деле построения теории социальности. Опыт «другого» есть первичное, априорное, а не конституированное бытие. Поэтому проблема социальности так и не решается Гуссерлем сколько-нибудь удовлетворительным образом.

Подобной ошибки избегает, на наш взгляд, Хайдеггер, отказываясь рассматривать Другого как объект какого то ни было рода. Бытие как присутствие фактически всегда есть Бытие-с: «Феноменологическое высказывание: присутствие есть по сути со-бытие, имеет экзистенциально-онтологический смысл. Оно не имеет в виду онтически констатировать, что я не один фактически наличен, а бывают еще другие моего вида. Если бы тезис, что бытие-в-мире присутствия по сути конституировано событием, такое подразумевал, событие было бы не экзистенциальной определенностью, присущей присутствию от него самого из его образа бытия, а свойством, возникающим всегда на основе явления других. Присутствие экзистенциально определено событием и тогда, когда другой фактически не наличен и не воспринят.... Событие есть определенность всегда своего присутствия; соприсутствие характеризует присутствие других, насколько оно высвобождено для события его миром. Свое присутствие, насколько оно имеет сущностную структуру события, есть лишь как встречающее для других соприсутствие» [4; 144-145].

Таким образом, отношение к другому, отношение социальное не является следствием бытия Я, но напротив, собственно бытие *Dasein* конституируется присутствием другого Я. «Хайдеггер указывает, что «с» и «также» следует понимать экзистенциально, а не категориально... Мир наличного бытия есть «мир-с» (*Mitwelt*). «Бытие-в» (*In-sein*) есть событие (*Mitsein*) с другим. Это внутримировое в-себе-бытие (*Ansichsein*) есть сосуществование. Именно экзистенциальное, а не категориальное понимание взаимосвязи существования с другими отличает позицию Хайдеггера от других феноменологических подходов» [5; 41]. Сама эта исходная социальность должна быть понята как изначальная открытость, непотаенность. Тем не менее, даже таким образом трактуемой социальности необходимо выделение разных уровней, доступных для анализа. Очевидно, что только самая нижняя, первичная социальность выступает как абсолютно негативная, доинтенциональная характеристика, так как порождает интенцию, а не является ее предметом. Последующие уровни и структуры социальной онтологии уже являются конституируемыми региональными онтологиями, проекциями. Экзистенциально-онтологические категории феноменолого-герменевтических систем: язык, традиция, речь, письмо, перцепция и даже публичное действие [6] – все это сущности, конституируемые в рамках построения социальной онтологии. Это не снижает их значимость, но делает возможным рассматривать эти и подобные им подходы как способы тематизации исходной социальности как социальной онтологии.

В чем, на наш взгляд, состоит преимущество данного подхода перед уже имеющимися? Дело в том, что типичная для феноменологической традиции практика выделения некоей базовой категории в качестве последнего бастиона перед редукцией к «неизреченной открытости», зачастую порождает проблему связи этой категории со всеми остальными феноменами социальной реальности. Если в качестве такой категории берется сама социальность, то возникает возможность рассмотрения любой социальной теории как региональной проекции первичного присутствия. В этом случае, построение какой-либо типологии обществ или их динамической теории, в том числе и в области философии истории, может быть проинтерпретировано как реализация тех возможных проектов, которые содержатся в социальной онтологии как данности. Это позволяет объединить все существующие и возможные новые теории в области социальных исследований на принципиально новой основе.

Конечно, и здесь возникает ряд проблем. Ведь по сути, Хайдеггер делает явными лишь основания последующей онтологии. Даже соратники Хайдеггера по феноменологическому движению отмечают: «Об «онтологии» в последние десятилетия мы слышали неоднократно. Сюда относится не только то, что публикуется под этим титулом, подобно трудам Х. Конрад-Мартиуса и Г. Якоби. Следует также назвать и теорию предмета Мейнонга, метафизические начинания Шелера, «Бытие и время» Хайдеггера, равно как и некоторые менее яркие опыты.... Во всех этих начинаниях... грядущая онтология лишь провозглашается, но нигде не предпринимается попытка действительно осуществить ее саму. Отчасти они задерживаются на стадии предварительного исследования, касающегося отношения познания и бытия, причем в этом случае онтологически не проясненное понятие познания а *limine* делает иллюзорным все дальнейшее; отчасти смешивают вопрос о бытии с вопросом о данности или даже само сущее – с соотносимым с субъектом «предметом»; отчасти же, по-картезиански, вообще ищут отправную точку в субъекте, все равно толкуется ли он теперь как человек, как личность или как «вот-бытие»» [7; 63-64].

Может возникнуть вопрос о возможном родстве предлагаемого подхода к проблеме социальности с реализуемым в рамках проекта так называемой «феноменологической социологии». Сама идея использования феноменологии для анализа природы социальности, безусловно, является общей, как впрочем, и для доброго десятка других. Однако отличия, как нам кажется, есть и они достаточно значительны.

Дело в том, что уже Альфред Шюц, родоначальник феноменологической социологии, принципиально отказывается искать корни социальности в онтологии чистого сознания, заимствуя, по существу, лишь метод феноменологической редукции, то есть только инструментальную технику: «эмпирические социальные науки найдут себе подлинное основание не в трансцендентальной феноменологии, но в конститутивной феноменологии естественной

установки» [8; 159]. То есть, социолог начинает с того самого места, где философ уже заканчивает. Для Шюца и его последователей понятие *Lebenswelt* (жизненного мира) является исходным, тогда как оно уже есть практический результат конституирующей деятельности сознания. Получается, что в феноменологической социологии сама онтологическая проблематика фактически не присутствует. Во многом это, кстати, объясняется уже упоминавшимися выше проблемами в применении гуссерлевской теории Другого. Как пишет сам Шюц: «выдающийся вклад Гуссерля в социальные науки состоит не в его неудачной попытке конституирования трансцендентальной intersубъективности в пределах редуцированной эгологической сферы, не в непроясненном понятии эмпатии как основы понимания, наконец не в интерпретации общин и обществ как intersубъективностей более высокого порядка, природа которых должна быть описана эйдетически, но, скорее, в богатстве его анализа, относящегося к проблемам жизненного мира (*Lebenswelt*), который он намеревался развить в философскую антропологию.....Гуссерль раз и навсегда установил принцип, согласно которому анализ, осуществленный в редуцированной сфере, сохраняет свою значимость и для области естественной установки» [8; 159-160].

Таким образом, в рамках феноменологической социологии естественная установка возникает как уже данное и потому онтологически укорененное. Несмотря на, до известной степени, правомерность такого подхода (речь ведь идет о конкретных социологических исследованиях), представляется, что подобный шаг обедняет потенциальные последствия его применения, лишает их философского содержания. Впрочем, социология, кажется, на это и не претендует. Поэтому создание работающей философской концепции в сфере социальной онтологии – задача, еще ждущая своего исследователя.

Литература

1. Резник Ю.М. Введение в социальную теорию. Социальная эпистемология. – М.: Институт востоковедения РАН, 1999. – 327 с.
2. Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. – М.: Логос, 2002. – 656 с.
3. Гуссерль Э. Картезианские размышления. / Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 752 с.
4. Хайдеггер М. Бытие и время. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.
5. Долгов К.М. Метафизика Мартина Хайдеггера. / Социальная теория и современность. Вып. 20: Феноменологическая онтология Мартина Хайдеггера: история, смысл, значение. – М., 1995. – С. 25-65
6. Арент Х. *Vita activa*, или о деятельной жизни. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.

7. Гартман Н. К основоположению онтологии. – СПб.: Наука, 2003. – 640 с.
8. Шюц А. Значение Э. Гуссерля для социальных наук. / Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1056 с.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОЙ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

О. К. Трубицын

Новосибирский государственный университет

Широко распространенными (хотя и не общепринятыми) в современной социальной науке являются представления о происходящей в мире глобализации экономической жизни. Гораздо меньшее единство наблюдается, однако, в вопросе о том, как глобализация экономики сказывается на процессах в сфере культуры. Конкретно говоря, ведет ли это к унификации культур, исчезновению национальных и цивилизационных традиций и специфики. У.Макбрайд[2] выделяет три точки зрения на цивилизационное развитие в XXI в.: 1. Цивилизации сливаются, сам цивилизационный принцип становится не важен, господствует универсальная потребительская культура. “Наш Единый мир... состоит прежде всего из единственной глобальной экономически ориентированной культуры, в рамках которой еще можно найти несколько очагов сопротивления и, быть может, еще несколько мест, столь бедных, бессильных и маргинальных, что они не стоят усилий капиталистических миссионеров даже самого низкого уровня ради вовлечения их в эту систему”[1,с.82]. 2. Цивилизации сохраняются во всем своем своеобразии, поскольку представители различных культур не понимают друг друга, имеют разные фундаментальные ценности, что может стать и основанием для конфликтов. 3. Возможен межкультурный диалог, сотрудничество при сохранении самобытности.

Предположения о сохранении фундаментальных культурных различий между цивилизациями или даже о принципиальной невозможности выйти за рамки, установленные традицией, основываются на идеалистических философских предпосылках. Поэтому решение вопроса о возможности формирования единой мировой культуры требует критического рассмотрения подобных взглядов с позиции материализма.

Постмодернисты (Р.Рорти, Ж.-Ф.Лиотар и др.) делают упор на непреодолимость герменевтической проблемы, препятствующей пониманию между представителями различных культур. Например, В.С.Ротенберг и В.В.Аршавский[см.2] считают, что интеграция культур желательна, но трудновыполнима, так как требует взаимопонимания людей, воспитанных в усло-

виях разных культур. Ф.К.Кессиди[2] утверждает, что мировая цивилизация разделена на техногенный Запад, склонный к аналитическому мышлению в силу правополушарности мозгового строения европейцев, и традиционалистский Восток, с его синтетическим мышлением, осуществляемым левым полушарием мозга. Отсюда надежды (или опасения) интеграции культур, образования глобального суперэтнуса беспочвенны.

Эти рассуждения крайне сходны с широко распространенными представлениями начала XIX в. о немцах, как о нации, способной лишь к философской и поэтической деятельности. Экономический и военный подъем Германии в конце того же века камнем на камне не оставил от подобных иллюзий. Надо думать, технологическое лидерство Японии также не строится на традиционалистской созерцательности и поэтическом синтезе. Даже если не учитывать научную спорность выделения лево- и правополушарного мышления, необходимо признать, что способности к различным типам мышления в большей степени развиваются в процессе деятельности, хотя, возможно, имеют значение и индивидуальные генетические особенности.

Более серьезным выглядит аргумент о наличии герменевтической проблемы. Действительно, при переводе именной системы языка проблем не возникает (this is a table - это стол), а при переводе понятийной системы существует масса проблем (a state - государство или порядок?). Чисто теоретического решения герменевтической проблемы не существует. Проблема эта, тем не менее, успешно решается практикой. Смыслы появляются в процессе практического взаимодействия людей в ходе решения определенных проблем. Общий язык (одинаковый набор символов, сочетания звуков и т.п.) образуется в результате взаимодействия людей в ходе совместной деятельности. Затем язык транслируется из поколения в поколение, но смысл многих слов при этом теряется или искажается, так как меняется сама практика. В результате представители разных поколений или разных социальных слоев одного народа, использующие одни и те же слова, могут неадекватно понимать друг друга ввиду того, что эти слова обладают для них разными смыслами. В то же время, социальные и технологические универсалии, т.е. сходство решаемых задач и образов жизни у различных народов, говорящих на разных языках, приводят к выработке у них одинаковых смысловых систем, выражаемых, однако, разными словами. Представители этих народов, не зная чужого языка, совершенно не понимают друг друга, но они обладают способностью адекватно понять друг друга в случае изучения другого языка.

Таким образом, технический и социальный прогресс ведет, с одной стороны, к тому, что представители более поздних поколений любого народа не понимают *действительно* своих предков, с изменением образа жизни каждый раз заново прочитывают и переосмысливают свою культуру, в том числе по-новому понимают священные тексты. А с другой, он создает сходные смыслы у народов, относящихся к разным языковым и религиозным традициям. Фабрика и офис своей рутинной воспитывают человека больше, чем

церковь своими проповедями. Смысл проповедей и вообще любых мировоззренческих идей пропускается сознанием через фильтр понятий, выработанных в ходе обыденной, прежде всего производственной деятельности. Глобализация же, т.е. интеграция деятельности людей во всем мире ведет к реализации этой потенциальной способности к пониманию представителей различных традиций на практике. Английский язык в мире, как русский на постсоветском пространстве становится языком межнационального общения. Это ведет к тому, что специфика национальной культуры все более будет определяться не традиционной цивилизационной принадлежностью, а положением страны в миросистеме, т.е. принадлежностью ее к группе стран ядра, полупериферии или периферии.

Литература

1. У. Макбрайд. Глобализация и межкультурный диалог // Вопросы философии №1, 2003, с.80-87.
2. Ф.К. Кессиди. Глобализация и культурная идентичность // Вопросы философии №1, 2003, с.76-79.

ИДЕОЛОГИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: К ВЫРАБОТКЕ АДЕКВАТНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Е. В. Рыжененков

Институт философии и права СО РАН

Глобализация как ведущий процесс мирового развития не только изменяет традиционные представления о социальной реальности, но и ставит вопрос о критическом социально-философском переосмыслении целого ряда классических социально-философских положений. В полной мере это касается концептуально-теоретических разработок проблемы идеологии, ее специфики, роли и значения в современном обществе.

Однако выявлению специфики феномена идеологии в современном глобализирующемся мире должно предшествовать 1) рассмотрение основных этапов развития интерпретации феномена идеологии, оценки его роли и значения в общественной жизни; 2) формулирование общего адекватного определения идеологии, позволяющего исследовать специфические черты данного феномена на современном этапе.

Понятие «идеология» введено Десто де Траси в 1796 г. Во Франции, где появилось само понятие «идеология» оно, первоначально воспринималось как абстрактное доктринерство, оторванное от реальности. Характерным было негативное, пренебрежительное отношение к идеологии.

Маркс и Энгельс в значительной мере опирались на такую интерпретацию идеологии, дополняя и развивая его [1]. Идеология, в понимании классического марксизма являет собой иллюзорное сознание того или иного класса в отношении самого себя и окружающей его реальности. Ее возникновение обусловлено социально-экономическим развитием, продуктом которого являются, в частности, классы (социальные группы, различающиеся по своей роли в производстве), которые, нуждаются в групповом самосознании и производят его. В этом отношении идеология возникает объективно и является относительно адекватным отражением социальной реальности. В то же время, иллюзорность этого сознания связана с другой важной характеристикой идеологии – конфликтностью. Самосознание определенного класса опирается на противопоставлении себя другому классу. Так, самосознание класса буржуазии предусматривает жесткое противостояние класса пролетариата. Однако какого бы накала ни достигало это противостояние на деле, в действительности оба этих класса вовлечены в общую практику (производство), поэтому, в конечном счете, не могут представить свое существование вне этого противостояния. Именно здесь лежит марксистское объяснение ограниченности и иллюзорности идеологии как классового сознания.

В 1929 г. К. Мангейм в своей работе «Идеология и утопия» выделил из «идеологии» два подвида: собственно «идеологию» - учение, призванное обосновать стабильность и неизменность существующего порядка (орудие элиты) и «утопию» - революционную идеологию перемен [2] .

После окончания Второй мировой войны в социально-философских работах, затрагивающих проблему идеологии происходит постепенное смещение исследовательского интереса с проблемы выявления природы феномена идеологии как такового в сторону рассмотрения роли и значения идеологии в современных условиях.

Так, в конце 50-х гг. XX века в общественных науках на Западе появляется концепция «деидеологизации», провозглашающая конец идеологии как системы направляющих идей. Ее место должна занять либо политика (Р. Арон), либо наука (Д. Белл), поскольку прагматическое инженерное («технократическое») мышление делает излишним мобилизацию масс для масштабных социальных проектов, обесценивает идеологические постулаты [3] . Формирование данной концепции было тесно связано со спецификой текущей политической ситуации на Западе: универсальной политикой построения на Западе модели «государства всеобщего благосостояния», в котором приняли участие политические силы самой различной идеологической ориентации, а также с внушительными успехами научной революции в 60-е гг. Однако в начале 70-х гг., новый всплеск идеологического противостояния в западном обществе привел авторов концепции «деидеологизации» к ее полному пересмотру.

После распада СССР и крушения системы «реального социализма» в социальной философии значительную популярность приобрела идея существ-

венного снижения роли и значения идеологии. Примером тому может служить концепция «конца истории» Ф. Фукуямы, которую американский философ и политолог представил широкой общественности еще в конце 80-х гг. XX века. По мнению философа, триумфальная победа Запада в «холодной войне» означала, в том числе и победу в сфере идеологии. Поскольку у либеральной идеологии больше нет серьезных конкурентов, способных бросить ей вызов, следовательно, потребность в ней будет неуклонно снижаться. «Конец истории» должен обозначить и «конец идеологии» [4].

В середине 1990-х гг. С. Хантингтон сделал вывод, что с завершением «холодной войны» эпоха «конфликта идеологий» Запада и системы «реального социализма» значение идеологии серьезно уменьшилось. Мировая динамика современного развития планеты, по мнению ученого, связана с противостоянием различных цивилизаций, а не идеологий. Последние, согласно Хантингтону, являются исключительным порождением западной цивилизации. Поэтому, «по мере того, как мир уходит от господства Запада, сходят на нет идеологии, олицетворяющие позднюю западную цивилизацию, и на их место приходят религиозные и другие культурные формы идентификации» [5], – заключает ученый.

Итак, рассмотрев основные этапы развития интерпретации феномена идеологии, концептуальные социально-философские интерпретации его роли и значения в обществе, попытаемся сформулировать общего адекватного определения идеологии, позволяющего перейти к исследованию характерных особенностей феномена идеологии в условиях современного глобализирующегося мира.

Идеология – коллективное сознание различных социальных групп, классов, обществ, отражающее их групповые интересы и выражающееся в системе взглядов, идей, убеждений, ценностей и установок, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты; а также - содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение существующих общественных отношений.

Примечания

1. *Маркс К. Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Собрание сочинений. т. 3, М., «Политиздат», 1955.
2. *Мангейм К.* Идеология и утопия // <http://club.fom.ru/books/manheim3.zip>
3. См., например, *Арон Р.* Воспоминания М.: Ладомир, 2002.
4. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004.
5. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003, .с.70.

ИДЕОЛОГЕМА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТ В СТРУКТУРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

С. В. Карпович

Институт философии и права СО РАН

1. Социальное конструирование в естественных науках. – это восстановление причин и следствий, причем среди причин при этом числят не только события, но объекты, возможно (и как правило) ненаблюдаемые. Объекты как причины и акторы можно считать особенностью социального конструирования в познании. Например, понятие вируса введено по аналогии - болезнь переносится, ergo есть тот, кто или что ее переносит. Этот объект и есть причина болезни. По существу это понятие представляло собой конструктор из обыденных представлений и смыслов, связанных со словом «носить».

В общественных науках к причинам добавляют мотивы и цели субъекта, принципиально непосредственно ненаблюдаемые. Через мотивы люди становятся акторами, звеньями причинной цепи - что оправдано опытом интроспективных оценок своего присутствия в мире.

2. Традиционно к идеологии относят особый вид интерпретации событий. Идеологически к причинам относят цели Природы, Космоса, Общества. Телеология - суть идеологии. Социальный конструкт здесь – мир, природа или общество как актор, обладающий своими финальными целями (ср. Поппер против Маркса в книге «Открытое общество и его враги» и «Нищета историзма»). Мир становится актором, самосоздающим себя по своим установкам (нормам).

Перенесение оценок на природу, одушевление природы и наделение целями - это и есть идеология. Аристотель (греки вообще и немцы с ними) идеолог в области естествознания (космологии), Маркс - специально и особенно в обществоведении. Производительные силы превращаются в акторов общественного развития, поскольку они стремятся естественным образом к максимальному воплощению потенциала в производительности труда, в результате чего общество устремляется к коммунизму как высшей стадии развития производительных сил, приобретших соответствующую общественную форму.

Результатом социального конструирования в идеологии становятся нормы, а значит, не объекты, а процессы. Отсюда и диалектический пафос немецкой классической философии и марксизма как в его оригинальной версии, так и в виде гуманистического марксизма. Метафизика просвещенческого естествознания, будучи классифицирующей наукой, конструирует объекты-акторы, теория эволюции вводит представление о нормированном процессе, который целенаправлен, а поэтому по-разному реализуется в разных обстоятельствах - так вода течет вниз, но конкретный путь ее определен конфигура-

цией среды. Аналогичным образом марксисты говорят, что революция неизбежна, но конкретные формы ее зависят от общественных условий.

3. Таким образом, любая общественная наука, в том числе и экономическая, может быть построена как по идеологическому образцу, так и по образцу естествознания. Весь вопрос в том, в каком качестве берутся субъективные установки в цепочке причин и следствий. Если «субъективный образ объективного мира», – мнения, установки и ценности субъекта – фигурируют как причины и следствия, то мы имеем дело с естественнонаучным по существу подходу к общественным явлениям. В этом своем качестве экономическая наука вне идеологии. Если же эти же образы берутся как «самоотражение системы», т.е. рефлексивно, то экономическая наука трактуется как идеологическая дисциплина – как это и было в марксизме. Таким образом, утверждение о принципиальной рефлексивности любого обществоведения, характерное, например, для марксистского мировоззрения – это, фактически, придание идеологического статуса тем структурам знания, которые, в принципе, могут и не быть идеологически нагруженными.

ГЛОБАЛИЗМ, КАК ИДЕОЛОГИЯ ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ

В. В. Оглезнев

Томский государственный университет

Современная эпоха поставила национальные элиты в некоторое промежуточное положение: между собственным народом и международными центрами власти. Причем вектор изменений совершенно определен: по мере нарастания тенденций глобализации национальные политические и экономические элиты все меньше прислушиваются к голосу своих избирателей и все более связывают себя принятыми за спиной народов решениями нового интернационала.

Таким образом, как выражался А.С. Панарин, «формируется двойная мораль и двойной язык». Одни термины, унаследованные от классической либеральной эпохи, теперь выполняют фактически лишь манипулятивную роль, усыпляя тем самым гражданскую бдительность народов. Другие выстраиваются в параллельный ряд с ними и отражают «новую реальность». Стоит лишь сопоставить эти два ряда, и сразу же обнаруживается их роковая несовместимость.

С идеологической точки зрения наиболее важным является выявление истинного отношения складывающейся идеологии глобализма к ценностям классики модерна – демократии, равенству, прогрессу. Современные глобалисты все еще уверяют в незыблемости этих ценностей, но их тайный язык, предназначенный для своих, давно уже обозначает другое: новую, глобаль-

ную сегрегацию народов, делимых на избранных и изгоев, на всемогущий центр и бесправную периферию.

В самом деле, при ближайшем рассмотрении оказывается, что большинство из массовых завоеваний великой эпохи модерна не совместимы с логикой глобализации. В первую очередь это касается священного понятия демократии, или политического суверенитета народа. Никто не осмеливается заявить прямо, что между глобализмом и демократией намечилось глубочайшее противоречие: если демократия означает суверенитет народа – электорально-большинства, контролирующего своих правителей и их решения, то глобализация означает передачу растущей части решений – причем не декоративных, а напрямую затрагивающих вопросы социальной безопасности большинства – наднациональным центрам власти, таким как «вашингтонский консенсус», МФВ, МБ и другие. Таким образом, политология глобализма предполагает, что настоящие центры власти и принятие решений не считаются с велениями местного избирателя и выражают согласованные стратегии международных трестов – экономических и политических.

С горечью, приходится признать, что мы сегодня имеем дело с ухищрениями «недобросовестного» глобализма, пользующегося двойными стандартами! Подлинными глобалистами были те наследники гуманистической классики, которые говорили о едином для всех проекте Просвещения, или о едином индустриальном и постиндустриальном обществе, словом – о единой исторической перспективе всего человечества, сообща поднимающегося с одной ступени прогресса на новую. Современные глобалисты как раз эту единую историческую перспективу человечества все более откровенно отрицают. Одни при этом пользуются «экологической» аргументацией: ресурсов планеты, якобы, не хватит на всех, и, если бы остальное большинство планеты действительно освоило для себя стандарты жизни высокоразвитого меньшинства, она взорвалась бы от экологической перегрузки.

Другие вооружаются изысканиями культурной антропологии и настаивают на качественном отличии западного менталитета от всех прочих. Прогресс с этой точки зрения выглядит не как продукт общечеловеческого развития, а как изначальная монополия западной цивилизации, породившей этот столь уникальный и, в сущности, мало доступный для других феномен. Нас убеждают в том, что человечество не может многими дорогами идти к единому будущему – к нему ведет лишь тот путь, который предназначен для западной цивилизации.

Словом, глобальный мир раскрывает себя как мир привилегированный, элитарный. Усилиями глобалистов, вопреки их либеральной риторике, конструируется мир экономического и политического монополизма, в котором нормальная соревновательность и партнерство подменены делением на привилегированных и непривилегированных, на «золотой миллиард» и бесправную периферию.

Таким образом, вскрывая, вопреки всему, таящиеся в действительности альтернативы существующей тенденции глобализации, мы не только отстаиваем свое право на будущее. Мы при этом защищаем и великие завоевания эпохи модерна, не давая им быть захваченными новым «расизмом», подтверждая тем самым, их универсальный характер, действительно доступный для всех народов земли.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что проблема не в том, признаем ли мы действительность современного взаимосвязанного мира, в котором невозможен изоляционизм; проблема в том, что каким мы хотим видеть этот глобальный мир: действительно плюралистическим, основанном на партнерстве уважающих себя носителей суверенитета, или подчиненным своекорыстным держателям бесконтрольной мировой власти, диктующей народам свою волю и насаждающие идеологию двойных стандартов.

ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ КАК ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Е. И. Сапожников

Институт философии и права СО РАН

Человек умер. Всюду господствует Потребитель. Он есть искажение Человека, его вырождение, и поэтому он обречён. Наша эпоха – эпоха Потребителей, и она подходит к концу. Вопрос в том, сумеет ли Человек вернуть свою утраченную сущность, или же вместе с гибелью Потребителя погибнет и Человек (человечество) как вид.

Гигантский конвейер капиталистической экономики (капитализма, рынка) отчуждает от человека его сущность, а затем, используя, выбрасывает на свалку. Отчуждённые массы обречённо скитаются в холодно-равнодушном, иронично-дегуманизированном культурном пространстве, тщетно пытаясь вернуть свою утраченную сущность. Доминирующая культура кричит им: – «Смотри!!!, Слушай!!!, Потребляй!!! и самое главное – не останавливайся!!!». Думать, творить, непосредственно быть уже не остаётся времени. Жить – не остаётся времени. Человек умер.

Человек есть диалектическое единство противоположностей - души и тела.

Душа – нематериальное, бестелесное начало в человеке, связанное с его внутренним миром, в отличие от материального, природного начала. Душа понимается и осмысливается через противопоставление его телу. Душа - динамична, тело (как вещь) – статично, душа – активна (самореализация, становление личности), тело – реактивно (пассивно, конформно), душа – идеальна (мышление, сознание, разум), тело – материально, душа отображает внутрен-

ний мир человека, тело - внешнее поведение. Духовность – есть высшая способность души.

Высшие проявления души не даны нам в форме наочно-явной действительности, но лишь потенциально. Дух есть субстрат высших способностей человека как существа, одарённого разумом и волей. Дух есть генетическая производная души, но качественно отличен от её низших пластов.

Духовные способности человека заключаются в познании подлинного Бытия, устремлённом к Истине, в творчестве, как выражении трансцендентной Красоты Бытия, в вере – исходящей из подлинной экзистенции воле утверждения Добра, и всем им присуща Любовь. Духовным способностям соответствуют исторически сложившиеся области человеческой деятельности: философия, искусство и религия.

Человека есть единство и борьба противоречий, борьба духа и тела. Душа служит связующим звеном между ними. Духу соответствует модус бытия, телу – модус обладания/потребления. **Тело является антропным основанием общества потребления.**

Диалектика духа и тела индивидуума проецируется в истории человечества как диалектика духовной и материальной культуры. Движущей силой материальной культуры являются **технологии**, в основании духовной культуры лежат **ценности**. Преобладание материальной культуры в западной цивилизации проявляется в **индустриализации** (относительно технологий) и **секуляризации** (относительно упадка духовной культуры). Духовные ценности вытесняются материальными, потребительскими ценностями. Новые (потребительские) ценности и технологии взаимодополняют, подталкивают друг друга.

Материализм, секуляризованность являются необходимыми предпосылками для появления общества потребления. Таким образом, в западной секуляризированной культуре появляется общество потребления.

К середине XX века в Западных странах возникает общество потребления, как единство технологий (индустриализации) и ценностей. Возникновение общества потребления взаимосвязано с такими процессами и институтами, как рыночная экономика, капитализм (частная собственность на средства производства), либерализм, информатизация, преобладание сферы услуг, вестернизация, глобализация, демократизация, массовидность, постмодернизм.

Описание общества потребления производится по первоначально построенному портрету потребителя, его образа жизни, а затем, на основе выбранных показателей

Во-первых, **поведение индивидуумов в обществе потребления акцентируется на потреблении, и удовлетворении от потребления, оно является конечной его целью. Поэтому, доля расходов на потребление в структуре полученного дохода домохозяйств будет иметь тенденцию к росту.**

Следующим индикатором развития общества потребления является появление и широкое распространение институтов потребительского кредитования (кредитования частному сектору). С одной стороны, развитие кредитования говорит о востребованности данной услуги обществом, с другой – распространение институтов кредитования предоставляет новые возможности для потребления – покупки товаров в кредит.

Динамика нормы потребления является одним из важнейших индикаторов наличия общества потребления, но не единственным. Другим важнейшим проявлением общества потребления является **распад семьи**. Распад семьи двоекствен. С одной стороны, **распадаются отношения** между супругами, с другой стороны, **стремительно снижается рождаемость**. Потребительское отношение супругов (или, возможных супругов) друг к другу не могут быть основой для длительного и прочного брака. Количество разводов растёт, а браков уменьшается. Дети для потребителя — это прежде всего потраченные ресурсы, это силы, время и деньги, а значит – резкие ограничения потребления. Потребитель не заинтересован в детях.

Для потребителя характерен поиск новых ощущений, поэтому его тяга к путешествиям и туризму станет неотъемлемой частью его образа жизни. И действительно, население западных стран стало больше путешествовать.

Второй составляющей исследования общества потребления является аксиологический анализ произведений массовой культуры, занимающих первые строчки в рейтингах, т.е. наиболее востребованных обществом. В первую очередь, рассматриваются сферы кино, телепередач, музыки, журналов, **литературы**. Массовая культура и социальное поведение находятся в диалектической взаимосвязи.

РИСК СУБЪЕКТА В ТЕМПОРАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

А. Н. Гришанов

Новосибирский государственный технический университет

В исследованиях феномена риска можно выделить два основных направления. Сторонники первого считают, что риск – это форма объективно существующей опасности, которая опосредуется социальными и культурными стереотипами и процессами. В рамках этого направления риск нередко определяют как меру какой-либо характеристики, например, как меру возможного ущерба или меру неопределенности ситуации. При таком подходе к феномену риска в исследовании практически исчезает субъект, как носитель состояния риска, и вводится в рассмотрение среда обитания этого носителя (“общество риска”) с ее потенциальными возможностями в инициировании риско-

вых состояний у сообщества нормативных субъектов. При этом всевозможные риски все больше приобретают характер символических форм, которые в концентрированном виде несут архетипику ситуаций риска в истории культуры и общепринятые способы их проживания. Онтологический статус этих символических форм – быть основой среды обитания, а гносеологический – быть средством познания пространства рисков.

Сторонники второго направления утверждают, что риск объективно не существует, а есть только краевые области существования объектов, их свойств, характеристик, в которых у субъекта формируются пограничные состояния, определяемые как риск. В рамках такого подхода, например, Е.Букина и О.Разумовский дают следующее определение риска: “Риск – это субъективная по природе форма реакций рефлектирующего субъекта деятельности на опасности и экстремальные ситуации, она - продукт отрицательной обратной информационной связи субъекта с объектом” [1].

Действительно, истоки формирования риска следует искать в определенных состояниях субъекта. Эта «форма реакции» связана с внешним миром, но не зависит от него целиком, в силу способности субъекта уходить в сферу воображения и фантазии. Формирование феномена риска связано с прогнозированием будущего в контексте текущего восприятия, которое активизирует желание измениться. Дальнейшее осознание и признание объективных ограничений пространства – времени, что характерно для более высокого уровня психики, подчиняющейся принципу реальности, приводит к рефлексии по поводу оценки (прогноза) будущего в контексте желаемого в настоящий момент времени. Обычно содержание прогнозов изначально несет в себе оттенок негативных ожиданий, как – будто субъект заранее готовит себя к худшему исходу, но предполагает действовать так, словно в реальности произойдет лучший вариант событий. При этом предполагается, что не все зависит от воли и усилий субъекта, а есть некие сторонние силы, способствующие получению результатов вне негативных ожиданий, что позже может быть приписано «счастливому случаю», «стечению обстоятельств», «везению» и т.д. То есть риск субъекта изначально амбивалентен, представляя собой смесь надежд и негативных ожиданий.

Риск субъекта существует только в настоящий момент времени, однако его содержание тесно связано с модусами прошлого и будущего. Важность рассмотрения темпоральных аспектов феномена риска обусловлена тем, что именно восприятие времени, а не пространства (соотносимое с пространством символов риска), является определяющим в содержании рефлексии пребывания в риске. Вне связи со временем, риск можно рассматривать лишь в варианте меры или символа, которые приложимы к состоянию риска, его носителям и их среде обитания.

Риск, как обратная отрицательная связь в процессе прогностической деятельности, позволяет определить образы желаемого будущего, исходя из потребностей настоящего, а также «настроить» образы настоящего на цели в

будущем, т.е. синхронизировать содержание модусов настоящего и будущего времени. При этом возможные отклонения от желаемого можно определить через обобщенную характеристику - риск, которую в духе синергетических подходов можно было бы обозначить как параметр состояния системы.

Однако о возможных отклонениях, способствующих формированию феномена риска, можно говорить и в другой ситуации – когда рассматривают модус прошлого и сравнивают возможные отклонения в настоящем при вариациях прошлого, т.е. ситуация «если бы тогда произошло по – другому, то сейчас...». Если содержание моделей будущего – это синтез образов реальности и идеальных построений, отражающих наши желания, то синтез в моделях прошлого - это объединение образов памяти и идеальных построений настоящего, которые не осуществились.

Итак, в первом случае рассматривают желаемое и возможные отклонение от него в будущем при попытках его достижения. Во втором случае – рассматривают возможные отклонения не от желаемого в будущем, а от реального в настоящем. Эти отклонения – продукты воображения и никогда не будут реализованы. Однако и здесь происходящее можно отнести к прогностической деятельности и определить как проявление феномена риска, но не по отношению к модусу будущего, а по отношению к прошлому. Этот вид риска можно определить как риск воображаемый.

Для чего необходим такой вид прогностической деятельности, который, видимо, носит вспомогательную роль? Подобная деятельность в обращении к рискам прошлого опыта и построение их моделей снижает риски будущего, словно освоенные в воображении риски прошлого поглощают возможные риски будущих ситуаций.

В зависимости от предпочитаемого модуса времени, можно определить два варианта пребывания в феномене риска и соответствующие типы поведения субъекта. К первому типу можно отнести тех, кто ориентирован на успех и прогнозирует в модусе будущего. Для них риск связан с вероятностью недостижения успеха, т.е. с поражением. Прошлое для них – это сфера обогащения своего опыта. Проработка рисков прошлого помогает осуществить минимизацию рисков будущего и формирует большее доверие к нему. В этом проявляется адаптивная функция риска.

Ко второму типу можно отнести тех, для кого главное – не потерпеть поражение. Они ориентированы на прошлое, которое есть область сожалений об упущенных возможностях и предостережений о возможных опасностях. В этом случае прошлое не обогащает опыт субъекта, не минимизирует будущие риски, а усиливает их, вызывая к осторожности и формируя недоверие к будущему.

Подобное разделение на два типа пребывания в феномене риска можно соотнести с феноменологическими представлениями о том, что люди в разной степени интересуются своим прошлым и будущим. Индивиды проспективного типа ждут будущего и ориентируются на него, ретроспективные

индивиды больше склоняются к прошлому [2]. Можно предположить единство темпоральных моментов, лежащих в основе двух рассмотренных разделений, и некоторое сходство ретроспективных и проспективных индивидов с индивидами склонными и не склонными к риску.

Литература

1. Букина Е., Разумовский О. Оптимальность и риск. Проблемы их взаимосвязи и роли в прогнозировании будущего//Полигнозис. 2002, 2, с.40-55.
2. Любинская Л.Н., Лепилин С.В. Проблема времени в контексте междисциплинарных исследований. – М., 2002. – 304с.

**ФИЛОСОФИЯ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ:
ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Ю. Б. Вертгейм

Новосибирский государственный университет

Что такое массовая культура? Предложим в качестве рабочего социологического определение: массовая культура – это осознанное манипулирование мировоззрением людей с целью извлечения дохода. Заметим, что в настоящее время таким образом построены основные способы производства и потребления культуры. В пределе ситуацию можно описать через метафору «Мидас поп-культуры» – имея в виду то, что все включенные культурные образцы превращаются в массовую культуру. Яркий пример такого превращения – данное одним из популярных певцов в сфере классической музыки определение («поп-классика») (для творчества известных теноров, собирающих стадионы).

Среди культурологов сейчас популярно сближение полюсов, высокого и низкого, сближение различных форм культуры. Возникает вопрос: как далеко заходить? Философский роман, философская лирика (Т. Манн, Г. Гессе, Пушкин, Мандельштам, Бродский) – это привычно. Продолжим ряд: философская рок-поэзия («Наутилус», Дж. Моррисон); философская поп-поэзия (Кристина Орбакайте); НФ-философия (научно-фантастическая философия, термин Роуллендса); философская поп-культура...

Пример такой поп-философии: журнал «Esquire» - журнал для мужчин, общемировой, издается от США до Таиланда; позиционирует себя как наиболее интеллектуальный среди глянцевого журналов. Второй номер, анонс на обложке: «Джордж Клуни о смысле жизни» (Клуни – замечательный голливудский актер). Рубрика «Правила жизни» - одна из ведущих в журнале. Лу Рид, музыкант, предлагает афоризмы в стиле Конфуция и софистов, например: «Имейте хорошего юриста. Крепче держитесь за свой кошелек. Законы несправедливы». Забавно... Теперь представьте, что это вся живая философская традиция...

Откуда же появляются мыслители?

Сфера образования терпит бедствие. Все больше распространяются технологии «быстрого образования» (неологизм автора, по аналогии с термином «fast food») - манипуляция готовыми упрощенными результатами (ср. гото-

вые сочинения). Реформа образования летит именно по этому пути. Пример: типичный курс обществознания в школе – двадцать часов на все (социология, политология, экономика, культурология, право, этика; таким образом на введение в право приходится примерно 45 минут)... Как итог такого образования ЕГЭ – готовые ответы, одни на всех. Основная литература для школьников – решебники к экзаменам и тренинги к ЕГЭ. В свободное время – Гегель в комиксах, весь Платон на двух страницах. В вузе – нашумевшая ликвидация гуманитарных предметов. И вот продукт такого «быстрого образования» стремится к быстрому философствованию... еще одолеет ли текст Клуни...

Как сохранить философскую культуру в такой среде?

1. Первая стратегия: отстаивать академическую автономию и свободы, соорудать сеть гетто из слоновой кости, плодить заповедники философов. Пример: касталийская утопия Гессе. Высокий риск того, что закончим, как степные волки...

2. Вторая стратегия: адаптироваться, производить «философию для туземцев».

Яркий пример: Марк Роулэндс, книга «Философ на краю Вселенной. НФ-философия, или Голливуд идет на помощь: философские проблемы в научно-фантастических фильмах» (В оригинале в названии нет термина НФ-философия: «Философия, объясненная через научно-фантастические фильмы»). Приведем впечатляющую цитату, представляющую способ изучения философии (инструкция): «...сходите в местный видеопрокат, возьмите там нужный фильм, достаньте из холодильника пиво, а из микроволновки пиццу и устройтесь поудобнее для встречи со старыми знакомыми: роботами, пришельцами, киборгами, звездными войнами – словом, с философией!» (М., 2005, Стр. 11). Представьте себе, например, чтение Платона в такой позе... Словом, место в культуре уже определено – философия как поп-корн! Вообразим теперь философию, «объясненную» через тексты «Ласкового мая»... Или «боевик-философию»... Это тоже возможно. Пример: роман Андрея Воронина «Слепой. Число власти», проблема рациональности. Вновь цитата: «Так вот, – сказал Потапчук, – как старый оперативный работник, я, конечно, склонен подыскивать всему на свете рациональное объяснение. Но кто возьмется с уверенностью обозначить рамки рациональности?» (Минск, 2004, Стр. 90).

3. Третья стратегия: этнофилософское антропологическое исследование, реконструкция фрагментов философского содержания. Смягчим требования, будем понимать философское содержание как «метамировоззренческие модели с элементами рефлексии». Интерес философского этнографа; философское содержание привлекается, как руда из металла; по аналогии с термином «мифо-поэтический» вводится термин «мифо-философский» (ср. Ницше, Розанов). Пример: анализ философской рок-поэзии. Группа «Наутилус», композиция «Гороховые зерна». Трансформация основного образа: зерна – пули – гири – камни – стены. Идея: человек сам полагает себе предел.

Однако рок-поэзия – увлечение для меньшинства. Что происходит с большинством? Реконструкция основных символов и текстов такого мировоззрения – предмет для социологического исследования. Наметим контуры: в школе – «быстрое образование», письменные тексты – СМИ на уровне глянцевого журнала «Все звезды», кино «Ночной дозор» – и все... Как возможно «объяснить» философию через содержание такого мировоззрения? как возможна рефлексия над таким мировоззрением?

4. Четвертая стратегия: именно попытка такой непостижимой рефлексии.

Яркий пример: Джейк Хорсли, книга «Воин Матрицы» (по фильму). Невероятное смещение субъективного идеализма, мистики, Кастанеды, социальной критики...

5. Пятая стратегия: признать, что идет битва за умы, в башне не отсидеться, нужно «идти в народ», влиять на способы образования. Отложим на время профессиональную литературу, займемся написанием учебников. Сейчас самое слабое звено – развивающая педагогика в школе. Традиции развивающего образования поддерживает примерно 5 – 10% образовательных учреждений, вот за них и будем бороться. Пример: серия энциклопедий для детей издательства «Авантэ».

В целом, «век пепси» не обещает философам легкой жизни. Уйти в трэш «поп-философии», раствориться в гламуре глянцевых журналов, рефлексировать над символами рекламы, – или остаться?

КОЛЛЕКТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Э. А. Баторова

Институт философии и права СО РАН

В большой степени жизнь людей определяется действиями, совершенными от лица различных коллективных общностей: государств, корпораций, религиозных и этнических групп. Некоторые из таких действий люди склонны оценивать в моральных категориях, то есть рассматривать как морально значимые. Более того, некоторые подобные действия могут идти вразрез с представлениями о «справедливых», «правильных» действиях, поскольку наносят незаслуженный ущерб людям. В создании концепций социальной справедливости, философы пытаются найти аргументы для требований возмещения такого ущерба. Некоторые из них (например, П. Френч, А. Корлетт, Н. Решер) предлагают использовать понятие «коллективной моральной ответственности».

В либеральной этической традиции, основанной на уважении «индивидуального выбора», понятие коллективной моральной ответственности еще не имеет достаточно разработанного обоснования. Моральная ответственность

за действия другого человека становится предметом размышлений в контексте принадлежности индивидов к одной общности, иногда понимаемой предельно широко, например «человечество», а иногда предельно узко, в рамках закрепленных нормативных отношений, например «юридическое лицо». В либеральной философской литературе существует два подхода к определению моральной ответственности: подход совокупной моральной ответственности (ответственность сообщества как единого целого) и подход заместительной моральной ответственности (ответственность каждого члена сообщества за действия другого). Оба подхода изначально основываются на свободе «индивидуального выбора» как пределе «коллективной ответственности».

Проблема обоснованности коллективной ответственности в либеральной традиции сводится к вопросу моральной оправданности наложения негативных санкций на индивидов, не совершавших морального проступка. То есть необходимо прояснить, каковы условия ответственности и возможна ли в их рамках коллективная моральная ответственность.

Аристотель первым описал формальные условия моральности субъекта. В книге III «Никомаховой этики» он подробно рассматривает условия приписывания морального действия субъекту. Субъект по Аристотелю должен обладать «способностью к сознательному выбору» [1], то есть способностью принимать решения. Само же моральное действие должно быть добровольным/. Добровольное действие, во-первых, должно исходить от самого субъекта, а во-вторых, субъект должен осознавать моральность поступка или его возможных последствий.

П. Френч разработал применительно к коммерческим структурам условия их моральной ответственности, принципиально не отличающиеся от условий моральности Аристотеля. Он настаивает на том, что под «лицом» можно понимать такой действующий субъект, который обладает следующими свойствами: 1) способность к намеренной деятельности, нацеленной на определенный результат, 2) способность к корректировке поведения на основе прошлого опыта, в особенности на основе учета совершенных ранее ненамеренных, но причинивших ущерб действий, 3) способность принимать в расчет планы и интересы других лиц.

С ним согласен и А. Прокофьев, который определяет подход П. Френча как подход «совокупной моральной ответственности», представляющей собой «ответственность определенного сообщества как единого целого» [2], например, корпораций и государств. Единство подобного сообщества связывается со способностью к намеренным действиям, нацеленным на общий результат. При совокупной ответственности вина непосредственно ложится на корпоративные структуры принятия решений. А. Прокофьев подчеркивает, что «индивидуальная ответственность за те же морально неприемлемые результаты коллективной деятельности должна строго отделяться от совокупной».

В отличие от совокупной ответственности, заместительная коллективная ответственность обращена на каждого члена группы и охватывает «ответственность индивидов за те действия, которые совершили другие лица, связанные с ними общей принадлежностью к определенной группе» [2], например, этническим, религиозным группам. Ее предметом могут быть только такие действия, которые причинно связаны с особенностями группового мировоззрения или культуры и имеют тенденцию к превращению в устойчивые практики.

Основаниями для заместительной ответственности являются 1) нахождение индивидов, принадлежащих к группе, в непрямом причинном контексте морального проступка, под которым подразумевается создание соответствующей психологической атмосферы и попустительство; 2) наличие у индивида таких взглядов и убеждений, которые превращают его личное неучастие в несправедливых действиях членов группы лишь в дело случая. Также А. Прокофьев добавляет два таких основания: 3) получение индивидом благ и преимуществ от институализированной несправедливости или ее исторических последствий; 4) глубокую личную идентификацию индивида с определенной группой.

Стоит обратить внимание, что первое и второе основание заместительной ответственности описывают ситуацию, возникшую в результате индивидуального морального выбора (мера этого выбора также определяет и меру ответственности), а значит в рамках либерального подхода, вполне оправданно приписать ответственность всем членам общности. Отметим также, что два условия, приведенные А. Прокофьевым, описывают скорее основания для принятия морального обязательства восстановить несправедливо нанесенный ущерб, а не несения моральной ответственности, поскольку в случае положительного морального поступка изложенные аргументы не были бы достаточны для приписывания ответственности.

Итак, не обоснованно относить совокупную моральную ответственность к коллективной ответственности, поскольку в такой ситуации невозможно возлагать моральную вину на каждого члена коллектива. Исходя из посылки «индивидуального выбора», невозможно приписать ответственность субъекту, не совершавшему морально значимого выбора. Более обоснованно присвоить рассматриваемым общностям моральный статус и приписывать им моральную ответственность.

Литература

- [1] Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т.4. – М.: Мысль, 1984. – 830 с.
- [2] Прокофьев А. В. О возможностях реабилитации идеи коллективной ответственности // Вопросы философии. 2004. №7

СИМВОЛ КАК КОД КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Н. Л. Микиденко

Сибирский государственный университет телекоммуникаций
и информатики, г. Новосибирск

Символ рассматривается нами как один из кодов культурной информации. Можно утверждать, что символы возникли вместе с человеком, обеспечивая взаимодействия в формирующемся обществе. Символ изначально выступал в качестве специфической информационной структуры, предназначенной для трансляции социально-значимой информации.

Символическая коммуникация явилась основой, на которой складываются и функционируют различные формы общественного сознания. Символическая коммуникация обладает рядом особенностей. Она обладает способностью упорядочивать отражательную психическую деятельность человека, что снижает уровень стихийности, имманентно присущий непосредственному отражению фатов действительности. Это, в свою очередь, определяет возможности символической коммуникации как мощного инструмента социального развития, поскольку в этом случае возможно создание. Передача и восприятие сообщений рационального и иррационального характера.

Выступая на первых шагах гомогенеза как очевидный результат рефлексизирующего «Я», символическая коммуникация по мере исторического развития и в один из инструментов сохранения, стабилизации или изменения человеческого общества. Представляется, что в современном обществе роль символа как специфического информационного образования не только не ослабевает, но и в определенные моменты развития общества способна возрастать.

Известно, что объём информации, накопленный за все века существования человечества и продолжающий неуклонно возрастать, превышает способности субъекта любой модальности переработать данный объём. Усиленная информационная нагрузка стала реальным фактом, вследствие чего информационные связи становятся детерминантами в социальных системах, когда развитие каждого отдельного индивида и социальных групп и слоев определяется тем, каким образом они усваивают и используют уже накопленную социальную информацию. При этом каждый изначально развивается на основе двух информационных систем. Первая из них – это биологическая информация, заключенная в хромосомах, передаваемых от родителей, вторая – это та социальная информация, накопленная в социальной системе, к которой принадлежит индивид. И то и другое передается по диахронно-синхронному каналу, но в первом случае – по хромосомным механизмам, а во втором – по социальным.

Обмен информацией в современном обществе неуклонно интенсифицируется. Такое нарастание потока информации усиливает потребность в символе, но не в символе как таковом, а в его субстанционально-информационном качестве. Субстанция информации является внутренним содержанием символов и выступает одним из детерминантов развития символов как единства знаковой формы и информационной структуры.

Везде, где есть информация, есть знаки и их значения. При этом значение – это особая форма содержания отражения объективной реальности (а, следовательно, в определённой степени содержания информации), которая неразрывно связана со знаковыми системами, в том числе и символической как разновидностью знаковых. Значение может включать в себя как понятийные, так и чувственные, эмоциональные компоненты. Использование символов позволяет значению существовать в предметной форме в виде чувственно-воспринимаемых символов-образов.

В разном социальном и политическом контексте могут быть реализованы разные для данного символа значения. Здесь проявляется способность символа выделяться из своего семиотического окружения и входить в новое. Смысловая нагрузка символа при этом раскрывается преимущественно в процессе непосредственного общения в рамках определённой культурно-исторической среды и «живой» связи отношений между людьми.

Выходя за границы своего времени, символы живут в веках, причём нередко более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности. Пронизывая по вертикали все синхронные культурные слои, символы реализуют процессы диахронного информационного взаимодействия, чем активно участвуют в процессах интеграции, преемственности в обществе. Символ никогда не принадлежит какому-либо синхронному срезу культуры – он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Память символов всегда древнее, чем память его несимволического окружения.

Основные характеристики символа с точки зрения его информационного наполнения таковы:

1. способность к упорядоченному хранению и трансляции информации о специфике национального бытия;
2. актуализация информации, хранимой в семантических структурах символа, в соответствии с требованиями текущего момента;
3. существование цепи обратной связи между символом и органами чувств;
4. структурная информационная надёжность;
5. кумулятивность;
6. полисемантичность;
7. программирование символом управляющих процессов, протекающих в социуме;

8. способность транслировать информацию как рационального, так и иррационального характера.

Указанные свойства символа делают его не только своеобразным, но и емким уникальным информационным образованием в поле человеческой культуры, превращающемся в предмет философского анализа.

МИФ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ СИСТЕМА¹

Н. А. Лукьянова

Томский политехнический университет

Миф существует неизбежно, он приходит к нам из прошлого и живет в настоящем, поскольку миф – это информационная система. У информации есть свойство *транслируемости*, благодаря которому возможна передача с носителя на носитель без потери смысла. В своих рассуждениях о судьбе мифа в истории культуры, мы рассматривали синхронический и диахронический процессы, связанные с реализацией идей, заложенных в мифическом образе и воплощенных в многообразных повествованиях сегодня. [1] Следуя логике нашего изложения, одним из этапов существования мифа в истории культуры будет миф – коммуникативная система.

Как доказал Р.Барт, миф это слово, избранное историей, для определенного социального применения – быть коммуникативной системой; определяющим для динамики мифа является способ, которым он высказывается. Миф на данном этапе не просто образ или повествование, это материал уже наделенный определенным значением и обработанный с целью с целью определенной коммуникации (2, С.235). По сути, это и есть процесс функционирования мифа как оператора – коммуникационной системы, определенный Р.Бартом как значение, третий элемент семиологической системы.(2, С.246). Прибегая к пространственным метафорам Р.Барт, сравнивает значение мифа как итогового элемента вторичной системы со стендом вертушкой, на котором означающее постоянно оборачивается то смыслом, то формой, то языком объектом, то метаязыком, то чисто знаковым, то чисто образным сознанием (2, С.248). Такое сравнение позволяет выявить, что миф, с одной стороны как означающее (*смысл - форма*) он обозначает и внушает, с другой стороны как означаемое (*понятие*) дает адресность и требует понять. Именно в этой игре означающего и означаемого миф, согласно интерпретации Р.Барта, миф проявляется как *похищенное и возвращенное* слово (2, С.250). Живя в меняющемся мире, мы ощущаем целостность мифа, что заставляет нас вспоминать и реконструировать снова и снова, искать пути к истокам нашей памяти. Однако миф становится коммуникационной при соответствующем тезаурусе

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 04-06-80192

(сокровище). При недостаточном тезаурусе не только невозможно создание новой информации на ассоциативной основе, но и первичная информация, содержащаяся в мифе, не будет получена. Для восприятия мифа необходим оптимальный тезаурус, он сменяется во времени и каждое повторное обращение к мифу может означать получение новой ценной информации. Поэтому мы вновь и вновь обращаемся к казалось бы, известным истинам, возвращаем миф, (*похищенное и возвращенное слово*). Но имеется и второй не менее важный фактор, определяющий возможность становления мифа как оператора - коммуникационной системы. У вполне подготовленного реципиента, располагающего оптимальным тезаурусом, может полностью отсутствовать желание вспомнить миф, если это не соответствует определенной цели. Поскольку основным свойством информации на данном этапе является ее действенность – ключевое свойство информации, приближающее систему к достижению цели. Без действенности информация обречена на гибель, ибо сама по себе она бесполезна в силу своей пассивности (3, С.121). Цель управляет включением тезауруса и состоит в актуализации мифического образа для общества сегодня.

Выше было показано, как миф - коллективная память о прошлом, существует в истории культуры и транслируется в диахронии и синхронии (Р.Барт). Однако данное направление семиотики не рассматривает объекты, которые служат динамическим целям коммуникации, поэтому мы обращаемся к тому направлению семиотики, которое представлено именами Ч.С.Пирса и У.Морриса. Ч.С.Пирс впервые, определяет знак как триадическое отношение, которое вызывает динамический процесс интерпретаций. В этом случае семиотика – не просто наука о знаках, но учение о сущностной природе и основных разновидностях возможного семиозиса (4, С.11-12). Развивая вслед за Ч.Пирсом процесс функционирования знака (семиозис – это триадическое действие знака по Пирсу), американский философ и логик Ч.Моррис пишет, что «Семиотика включает в себя три подчиненные ей дисциплины – синтактику, семантику и прагматику» (5, С.10). По сути, в самом мифическом образе заложены каналы трансляции мысль-семантика, слово-синтактика, дело-прагматика, как триада «мысль-слово-дело» (6, С.615). Семиотический потенциал, заложенный в мифе, зависит от множества используемых в данное время кодов и от их реализации или нереализации в языке. Таким образом, цель, определяющая постоянное возвращение мифа заключена в нем самом, как в синкретическом образе - знаке, который в «сжатом» виде проходит этапы информационного процесса. Миф «раскрывается» в операторе благодаря тому, что осуществляются программы ситуация-цель, в соответствии с каналами трансляции, актуализирующими ту или иную сторону мифического образа – мысль-слово-дело (стенд-вертушка по Р.Барту).

Литература

1. Лукьянова Н.А. Семиотические механизмы трансляции мифа// Труды философского всероссийского семинара молодых ученых им. П.В. Копнина. Томск, 2001, Изд-во ТГУ. С.90-94
2. Барт Р. Мифология. – Пер. с фр., вступ. Ст. и коммент. С.Н.Зенкина. – М: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – 312 с.
3. Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян М.В., Тарасенко В.Ф. Методология моделирования нелинейной динамики сложных систем. – М.: Физматлит, 2001. – 272 с.
4. Винфрид Нёт Чарльз Сандерс Пирс // Критика и семиотика. Выпуск ³/₄ 2001 5-32 с. С.11-12
5. Моррис Ч.У.Основания теории знаков // в кн. Семиотика: Антология/ Сост. Ю.С.Степанов. Изд.2-е, испр. И доп. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 702 с.
6. Иванов Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том I. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998 – 912 с. С.615
7. Цит. по Землянова Л.М. Современная американская коммуникативистика: теоретические концепции, проблемы, прогнозы. – М.: Изд-во МГУ, 1995.- 271с.

УПРОЩЕНИЕ ЯЗЫКА КАК ДЕСТРУКТИВНЫЙ ФАКТОР КИТАЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Сюй Шаофэй

Томский государственный университет

Рождение европейской лингвистики приходится на XVIII век, однако основной свой характер она приобрела на материале исследования индоевропейских языков. Именно поэтому она остается в парадигме аристотелевского мышления. Предложение должно четко разлагаться на морфологически оформленные компоненты. Грамматические формы (падеж, спряжение, склонение и т.д.) фиксируют четкую логическую взаимосвязь между ними. Эта структура воспроизводит аристотелевский категориальный анализ и синтез понимания мира. Можно видеть соответствие структуры индоевропейский языков и аристотелевской логики, определившее характер современной европейской лингвистики. Европейская философская традиция опирается на эту лингвистическую структуру европейских языков как на априорную предпосылку познания мира.

На этой основе сформировался европоцентристский предрассудок о том, что структура любого языка должна рассматриваться в соответствии с априорной структурой европейского мышления. Этому предрассудку способствует успешное распространение европейской науки, распространяющей прин-

ципы европейского мышления на мир вообще. В соответствии с пониманием математики как универсального языка для всех областей знания Наум Хомский на основе математических методов создает теорию грамматики трансформации.

Китайский язык строится на принципиально иной основе, не соотносимо с априорной структурой европейского мышления. Он состоит из неизменяемых корней-слов. Словообразование возможно только путем сочетания уже значимых слогов, каждый из которых представляет собой самостоятельное слово. Деление китайских слов на части речи - дань моде, насильственно загоняющей китайскую грамматику в схему европейских языков. Для китайского мышления это разрушительно. Мастер Ли Хунчжи сказал: «Древняя китайская грамматика очень выразительна, краткие предложения коннотируют с глубиной смысла, это - могучий язык. Древние Китайцы говорили о нем как о небесной речи, небесном языке. Когда духовность деградирует, тогда начинает использоваться "Упрощенный китайский язык (байхуа)"»[1].

Дело не в том, что не было китайской языковой теории, а в том, что с началом реформы языка упрощенный китайский язык подменил традиционный. Это сопровождалось попытками загнать китайский тип мышления в структуру европейской логики. Внедрение упрощенного китайского языка во все сферы жизни вызвало отчуждение от традиционной китайской культуры и духовного наследия конфуцианства, даосизма и буддизма.

Обычное китайское слово может иметь множество значений, которые не укладываются в европейскую схему возможных категорий слов. В упрощенном языке оно утрачивает все эти значения, редуцируясь к вариантам, фиксированным в словаре. Глубинный смысл слова оказывается по формальным признакам «грамматически неправильным», и отторгается модернизированным китайским сознанием. В силу этого отторжения процесс упрощения китайского языка начинает обретать собственную инерцию.

Возьмем в качестве примера древнекитайское выражение «лао ву лао». В современном словаре лао - «старик», «старый», ву - древнекитайский вариант местоимения «я». В соответствии с упрощенным языком перед нами грамматическая несуржица «старик-я-старый». Причем тут отсутствует необходимая связка глагол. Однако в древнекитайском не было четкого членения на части речи. И слово лао могло в начале слова означать и глагол, что сейчас невозможно. При этом оно приобретало невероятную глубину - это означает и «уважать старших», и «заботится о старших», и следовать конфуцианскому «сяо» (сыновней почтительности). Смысл звучит множеством различных оттенков. Первый приближительный смысл выражения таков: «почитать (заботится о...) моих старших (родственников)», который перекаливается с чувством любви, благоговения перед традицией, конфуцианской воспитанностью и множеством других невыразимых нюансов.

Здесь иероглиф «лао» ассоциирован и с существительным (старший родственник) и с прилагательным (старый), и с глаголом (заботиться, почитать)

и с дополнением (мои родственники) в одном целом схватывании. При этом грамматически здесь не выражен ни субъект, ни страдательный залог.

С переходом на упрощенный язык разрывается связь с классиками китайской культуры, которые писали на этом языке, свободном от современных представлений о грамматике. Иной раз требуются огромные труды на современном языке только лишь для того, чтобы адекватно передать фразу, написанную на древнем языке. Этого разрыва между древней и современной грамматикой не знают европейские языки. Для европейца понимание древнего текста - это вопрос понимания лексики и корректировки грамматических форм, для китайца - это переход на иной уровень мышления.

Язык определяет восприятие мира. Структура языка становится априорной структурой картины мира и типа мышления. Механическое упрощение языка ведет к утрате целостности картины мира. Это выражается в отчуждении от собственной культурной традиции, а вместе с этим и отчуждении от себя как культурной личности. Говоря проще, упрощая язык, мы упрощаем себя, будучи не способны уместить в себе богатство собственного духовного наследия.

Упрощенный язык утрачивает выразительность и многогранность смысла, а слова превращаются в условные клички типа компьютерных смайликов. В этом случае язык еще функционирует, но он становится безжизненным. Утрата жизни в языке означает смерть культуры. Человеческая история раскрывается в процессе становления культурной традиции. Культура становится духом людей, которые также важны как и материальные факторы, будь то народ или земля. Когда человеческая история прерывается в самоотрицании собственной традиции, тогда культура умирает, а вместе с ее смертью, народ вступает на путь самоуничтожения.

Литература

1. Ли Хунчжи. Проповеди «Фа» в Швейцаре // <http://www.falundafa.org/>

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОБОРНОГО ЕДИНСТВА И ТВОРЧЕСТВА В КУЛЬТУРЕ РОССИИ

А. В. Кирилова

Новосибирский государственный педагогический университет

Ценностно-нормативный плюрализм, который наблюдается в нашей стране с 90-х годов XX века, нередко осмысливается как фактор, препятствующий модернизации России. Современное российское общество представляет собой конгломерат множества социальных, профессиональных, религиозных и возрастных групп, которые объединены институтом гражданства. В связи с

этим актуальным становится обсуждение культурного наследия исторического прошлого России.

Поиск новых ориентиров культуры, интегрирующей основы общества заставляет обратиться к осмыслению базовых ценностей русской культуры, которые не раз в истории доказывали свою необходимость для её гармоничного развития. Одной из таких идей является соборность. Её нередко называют «сердцевиной» русской духовной культуры, которая противостоит западноевропейскому рационализму и индивидуализму¹.

Нашей целью не является анализ непосредственно категории соборности. Нас интересует претворение этой идеи в жизнь в процессе творческой деятельности на примере художественных кружков в России, расцвет которых приходился на вторую половину XIX века. Следует отметить, что соборность как основа творческого единения была актуальна тогда и остаётся такой в современной культуре. Для осмысления этого явления важны некоторые концептуальные моменты.

Русская философия разрабатывала категорию соборности как ценность православного мировоззрения. В научной культурологической литературе соборность нередко понимается как одно из ключевых понятий для характеристики существа русской культурной ментальности. Несомненно, что соборность является прежде всего ценностью религиозного сознания и практики. Но во всей полноте своих проявлений она представляет единение человека с миром и единение людей в пространстве и времени. Соединение духовных и материальных сил – это способ противостояния рассеянию, распаду. В истории отечественной культуры собрание, собор нередко выступали основным условием поддержания гармонии в жизни.

К реальному воплощению соборности в русской культуре можно отнести православную церковь, объединяющую людей в вере, любви к ближнему и познании истины. Соборными символами являются храм с круглым в плане куполом как «собор всей твари» (Е.Н. Трубецкой), иконопись с её идеей круга. Совместная молитва священника и народа в храме также может рассматриваться как соборное деяние.

Одним из наиболее ярких проявлений соборности в русской жизни является сельская община. Сельский сход определял круг вопросов владения землёй, сбора средств на общие расходы, избрания сельских властей. Для В. Розанова идеальным воплощением соборности является семья. В земских соборах и земствах как органах местного самоуправления, в которые входили люди из разных сословий для совместного обсуждения насущных проблем, и русских артелях с их круговой порукой также присутствуют соборные принципы.

Следует отметить, что не менее важным воплощением идеи соборности в культуре являются русские художественные кружки XIX века, такие как Абрамцевский художественный кружок, Санкт-Петербургская артель художни-

ков, Мир искусства. Само слово «кружок» имеет общий корень с пластическим эквивалентом соборности – кругом.

По мнению Н.О. Лосского, соборность означает сочетание свободы и единства многих людей на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям ². В рамках этих кружков мы можем наблюдать творческое единение людей, каждый из которых является неповторимой индивидуальностью, благодаря общим идеям и устремлениям.

В XIX веке кружки были объединениями, где участники, нередко при различии социального происхождения, сходились на общей платформе. Там не наблюдалась идейная напряжённость, не ставилась задача выработки определённого мировоззрения. Такой подход остается актуальным для творчества и в современной культуре. Для участников художественных кружков не были значимы лишь проблемы узких сфер искусства, это общение было частью их жизни, и разговоры велись по самым различным темам, что в свою очередь оставляло отпечаток на творческой деятельности.

Художественный кружок представляет собой полифункциональную форму культурно-художественной жизни в России в XIX веке, которую можно рассматривать как проявление соборности. В нём органично соединились серьёзные, глубокие интересы с развлечением, публичная деятельность с интимным бытом, личное с общественным. Художественный кружок можно назвать творческим альянсом единомышленников, реализующих свои установки, интересы в общении в рамках кружка, диалогах, организуемых выставках и других творческих делах.

Хотя в определении соборности наиболее значимым является религиозный аспект, но он не единственный, поэтому в качестве основы творческого единения она проявлялась в различных направлениях. В русской культуре социальное содержание соборности также было осмыслено в полном объёме, предполагающем национальное единение, культурную преемственность, связь поколений и единство творчества с жизнью. Всё это проявлялось в феномене русского художественного кружка XIX века.

События заставляли людей отнестись к ним, не оставаться равнодушными. Для участников художественных кружков жизнь тесно переплеталась с их творчеством, сложно провести между ними грань. В этих отношениях были доверие и взаимопомощь, что всегда актуально для истинно соборного единства. Соратники в искусстве нередко становились друзьями, а друзья – соратниками. Подлинной соборности противоположны объединения людей, лишь внешние по своему характеру. В них каждый остаётся при своём частном интересе.

В контексте русской соборности человек индивидуален потому, что по своему выражает и осуществляет целое. Многие творческие искания, свойственные как отдельным деятелям культуры, так и представителям кружков, были отражением общей духовной атмосферы в обществе. В художественной культуре XIX века отразилась ориентация на культурную преемственность:

интерес к национальному прошлому, народной культуре, а также внимание к личности, её духовному миру, философско-этическим проблемам.

Следует отметить, что русское православие через идею соборности нередко способствовало культурному единению России, формированию общих нормативно-ценностных ориентиров. В XIX веке происходили изменения во многих сферах жизни, мир находился в состоянии раскола по социально-экономическому развитию, уровню образованности, возможностям использовать достижения научно-технического прогресса. В философии, литературе, живописи наблюдалось разнообразие направлений и смыслов. Именно в такие моменты актуализируется идея соборности как сочетания свободы и единства людей на основе их общей любви к одним и тем же ценностям.

Творческое единение в рамках русских художественных кружков являлось соборным, что можно проследить в следующих проявлениях: добровольное участие, единство творчества и жизни, доверие и взаимопомощь участников, синтез различных форм творчества, ориентация на культурную преемственность через интерес к русской национальной культуре, отражение в произведениях целостного познания мира на основе соединения души и рассудка, веры и разума. Каждый участник кружков являлся неповторимой индивидуальностью, но их объединяла духовная близость, без которой было бы невозможно осуществление подлинной соборности. Эти принципы осуществления творческой деятельности не менее актуальны в современной культуре, тем более что Россия находится на пути модернизации. Следует отметить, что качественный переход на новую ступень развития общества невозможен без должного восприятия культурного наследия.

Литература

1. Засухина В.Н. Соборность как нравственный идеал в русской религиозной философии конца XIX - начала XX вв. Автореф. дисс. к.ф.н. СПб., 2000. 24 с. С. 3.
2. Троицкий Е. Что такое соборность? М., 1993. 104 с. С. 27.

ОНТОЛОГИЯ ТРАНСЛЯЦИИ ЦЕННОСТЕЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В МЕНТАЛЬНОСТЬ МОЛОДЕЖИ РОССИИ

М. Т. Усова

«Молодежь и культура» - одна из важнейших проблем современности – сегодня, в свете решения политико-экономических задач российского общества, считающихся традиционно первоочередными, оказалась потесненной на периферию. Отдаляясь от проблем старших поколений молодежь вынуждена искать новые пути, формы и стили жизни, вырабатывать новые

методы самоутверждения, модели поведения, которые в последующем институируются культурой. Данный процесс приводит к возникновению молодежных сообществ, называемых субкультурами, которые зачастую носят ярко выраженный неконформистский характер и поэтому могут быть зачислены в разряд контркультур.

Проблема «оздоровления» и «обогащения» ментальности современной студенческой молодежи России может быть выявлена и решена в процессе ее музыкально-эстетического воспитания. Музыкальное воспитание – целенаправленное и систематическое развитие музыкальной культуры, музыкальных способностей человека, воспитание в нем эмоциональной отзывчивости к музыке, понимания и глубокого переживания ее содержания [1]. Музыкальное воспитание есть процесс передачи общественно-исторического опыта музыкальной деятельности новому поколению, оно включает элементы музыкального обучения и музыкального образования. В данном процессе заложены не только два основных принципа музыкального воспитания – целенаправленность и систематичность, которые являются непременным условием для успешного осуществления музыкально-культурной деятельности субъекта, но и в функциональной направленности музыкального воспитания, суть которой составляет музыкальная трансляция. Трансляция (лат. – *translatio* – передача) по отношению к музыке понимается не только в узком смысле, т.е. как передача концертного или музыкально-театрального исполнения по радио, телевидению, но и в широком значении – как передача музыкальных знаний, опыта, ценностей от одного поколения – другому. Любые нарушения механизма трансляции музыкальной культуры, как и всей культуры в целом, негативно влияют на процесс преемственности поколений. Так, в современном обществе постепенно нарастает кофигуративность, оно медленно, но верно движется к префигурации, которая неминуемо приведет к трансформации социальных ролей, перестройке системы ценностей [2]. В свете сложившейся ситуации, трансляция культуры, в частности музыкальной, все более приобретает проблемный характер, а музыкальное воспитание молодежи как социальный механизм передачи культуры и сохранения музыкальных традиций приобретает все бóльшую актуальность. Если проследить за историей музыкального воспитания от древности до наших дней, то станет очевидным, что его значение определялось общими задачами воспитания, которые выдвигала каждая конкретная культурно-историческая эпоха по отношению к представителям тех или иных общественных классов, социальных сословий и групп. При этом музыкальное воспитание всегда опиралось на те мировоззренческие, морально-нравственные и эстетические установки сознания, которые были приняты данным конкретным обществом каждой эпохи. Однако каждая культурно-историческая эпоха меняла приоритеты по отношению к данным установкам сознания, что, в свою очередь, приводило к смене приоритетов в аспектах музыкального воспитания.

Каждая культурно-историческая эпоха формирует определенные модели ментальности – мировоззренческие, нравственные, эстетические установки сознания, и в этом процессе музыка как мощное средство воспитания призвана играть большую роль. Однако современное российское общество не в состоянии пока выработать четких и позитивных установок, обеспечивающих всестороннее развитие его индивидуумов, а значит и музыкальное воспитание не способно пока обеспечить стабильный уровень эстетической культуры.

Основная проблема, по нашему мнению, заключается в непоследовательном характере музыкального воспитания, который имеет место в музыкальной культуре современной России. Уровень музыкальной культуры общества зависит не только от насыщенности его жизни концертными и театральными событиями, разнообразия средств репродуцирования музыки. Все эти методы популяризации музыки должны сосуществовать в тесной взаимосвязи с другими, более мощными стимулами художественно-эстетического развития личности, которое должно осуществляться прежде всего в семье, затем общеобразовательной школе, колледже и вузе. Приходится признать, что до сих пор попытки, предпринятые в музыкальном воспитании в отношении последовательного и постепенного приобщения широких слоев населения к музыкальной культуре, дали очень мало. Ко времени обучения в вузе (особенно негуманитарном) молодой человек находится на достаточно низкой ступени музыкальной образованности, его музыкальные интересы и потребности носят однобокий характер. Причина этого на наш взгляд заключается в том, что в музыкознании до сих пор не выработана теория всеобщего музыкального образования, а практика музыкального воспитания имеет непоследовательный характер. Непоследовательность эта заключается в том, что в России музыкальное образование и воспитание всегда осуществлялось в отрыве от общеобразовательной школы, специального учебного заведения, вуза. Система обучения в общеобразовательной школе специализируется на развитии вербально-знакового мышления, а это значит, что почти все предметы, выражаясь терминологией учения об асимметрии головного мозга, – «левополушарные» и направлены на формирование логического мышления. Тот тип мышления, который ассоциируется с интуитивным, образным, тип, обусловленный работой правого полушария, представлен на этих предметах крайне мало. Таким образом, в процессе обучения происходит перегрузка одних информационных структур и невостребованность других, что неминуемо приводит к истощению нервных клеток мозга. Необходимо восполнение затрат энергии путем эмоционального переключения в иную информационную структуру. Эту задачу можно осуществить, только уравновесив вербально-знаковое и образное поступление информации, установив определенный баланс между ними. Поэтому в учебных программах общеобразовательных школ должны быть на равных представлены и предметы образно-эмоционального и поня-

тийно-логического циклов [3]. Поскольку целью любого воспитания, на уровне какого бы звена оно не ни осуществлялось, является формирование всесторонне развитой личности, все более становится ясным, что наряду с общим образованием, которое получает учащийся школы, специальным образованием, которое получает учащийся колледжа и техникума, студент вуза, должно происходить включение обучающегося в процесс художественного образования. Цель же музыкальных воспитателей заключается в том, чтобы максимально насытить жизнь молодого человека проблемами искусства, музыки в том числе, через этот процесс способствовать повышению уровня духовности, цивилизованности как широких масс населения в целом, так и отдельно взятой личности.

Литература

1. Матонис В. Музыкально-эстетическое воспитание личности. – Л.: Музыка, 1988. – 304 с.
2. Мид. М. Культура и мир детства. – М., 1988. – 429 с.
3. Щетинин М. На пути к человеку // Советская музыка. – 1982. – № 2. – С. 3-15.

СПЕЦИФИКА МНОГОУРОВНЕВОГО ПОДХОДА В СИСТЕМЕ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В. В. Петров

Новосибирский государственный университет

Многоуровневый подход в системе современного общего образования подразумевает три уровня подачи информации, отличающихся не только объемом, но, главным образом, глубиной и сложностью изучаемого материала.

Первый, общегуманитарный уровень, содержит лишь те сведения, которые необходимы в повседневной жизни любому образованному человеку. На этом уровне ознакомление с предметом, свойствами и общими принципами происходит на конкретных примерах.

Второй уровень – технологический. На данном уровне учащийся приглашается для обсуждения пройденного материала с попыткой раздумий и последующей привычкой использовать полученные знания в практической деятельности. Этот уровень должен обеспечить умения и навыки, которые позволят успешно продолжить обучение в высших учебных заведениях.

На специализированном третьем уровне производится углубленное изучение предмета, рассматриваются конкретные природные и техногенные си-

туации, которые побуждают учащихся производить сложные логические рассуждения. На этом уровне происходит систематическое возвращение к основным понятиям, которое позволяет постепенно переходить от наблюдений к формулировкам и доказательствам [2].

Многоуровневый подход успешно используется автором при работе с учащимися в Специализированном учебно-научном центре Новосибирского государственного университета при преподавании междисциплинарных общеобразовательных курсов «Наука о Земле» и «Землеведение». Данные курсы находятся «на границе» традиционно изучаемых дисциплин и связывают воедино знания и достижения таких наук, как философия, история, физика, химия, астрономия, география, биология и геология.

Основная цель курсов - мобилизовать ранее полученные знания и достижения таких наук, как философия, история, физика, химия, астрономия, биология, география и других на освещение важнейших биологических, геологических и экологических аспектов развития нашей планеты и жизни на Земле с точки зрения человеческого общества.

При работе с учащимися автор отступает от традиционной схемы построения занятий, при которой занятие разбивается на известные части - опрос домашнего задания, работа преподавателя, самостоятельная работа учащихся.

Альтернативой разделения занятия на традиционные части является выделение отдельно лекционных и практических занятий. На практических занятиях учащимся предоставляется возможность самостоятельно заниматься, используя полученные знания. При этом необходимо создавать такие условия, чтобы человек начал *думать*, а не *вспоминать*.

Когда у человека появляется необходимость что-либо узнать или выяснить, он может этого достичь двумя путями: а) вооружиться справочниками и энциклопедическими словарями, б) прийти к этому самостоятельно, используя знания из «смежных» наук [3].

Особое внимание уделяется «...умению понимать, видеть и пользоваться минимумом фундаментальных знаний для получения новых и порой неочевидных результатов» [1]. Для того, чтобы человек начал *думать* и *рассуждать*, необходимо поставить его в нестандартную ситуацию, то есть проверочное задание не должно быть построено по образцу и подобию разобранного на занятиях материала.

Рассмотрим это на простом примере.

В тестовом задании задается вопрос о площади, занимаемой морями и океанами. В качестве ответа предлагается выбрать одно из трех конкретных значений. Казалось бы, что это простой вопрос, направленный именно на проверку общих энциклопедических знаний. Но особенность заключается в том, что в рамках курса конкретное значение площади, занимаемой морями и океанами, не дается. После того, как учащийся понимает, что он не знает (или не помнит) конкретной цифры, он вынужден *думать* и *рассуждать*.

Примерный ход рассуждений следующий: конкретное значение не известно, но каждый человек неоднократно слышал, что моря и океаны занимают примерно $3/4$ от общей площади земной поверхности. С помощью простейших вычислений (используя известное значение радиуса Земли и формулу вычисления площади сферы) можно узнать общую площадь поверхности, выделить из получившегося значения $3/4$ и таким образом понять, какой из предлагаемых вариантов ответа будет верным.

Описываемый многоуровневый подход к обучению с успехом применяется автором с 1999 года при преподавании курса «Землеведение» и специального курса «Наука о Земле» в Специализированном учебно-научном центре Новосибирского государственного университета.

Литература

1. Биченков Е.И. Принципы обучения физике в новосибирской физико-математической школе //Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Педагогика». Том 1, выпуск 1. Новосибирск: НГУ, 2000.

2. Никитин А.А., Силантьев И.В., Гончаров С.С., Диканский Н.С., Мазуров В.Д., Биченков Е.И., Дымшиц Г.М., Копытов В.М., Яворский Н.И., Марковичев А.С., Москвитин А.А., Барам С.Г., Миндолин В.А., Саблина О.В., Михеев Ю.В., Суменкина М.А., Петров В.В. Специализированное обучение: опыт 40 лет деятельности: Научное издание / Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 2004.

3. Петров В.В. Особенности контроля и оценки знаний в рамках междисциплинарных образовательных курсов //Образ гуманитарных и социальных исследований в XXI веке. Материалы региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук. Новосибирск: НГУ, 2004.

**РАЦИОНАЛЬНОСТЬ, МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И
КОНСТИТУИРОВАНИЕ СУБЪЕКТА ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ
АКТИВНОСТИ***

В. А. Бойко

Институт философии и права СО РАН

Рациональность, выступавшая в классической философии как ключевая характеристика человека, подвергается критическому переосмыслению в ходе современных философских дискуссий: вскрываются внутренние ее противоречия; демонстрируется историческая, культурная и т.п. ограниченность рациональности; детально обсуждается кризис рациональности. Важнейшим фактором пересмотра отношения к рациональности явилось изменение взаимоотношений между философией и наукой. Классические философы, будучи апологетами научного знания, превозносили научную рациональность до трансцендентальных высот, а большинство современных "любителей мудрости" не склонны к поискам уютной гавани для рациональности в безбрежном океане облюбованных ими экзистенциальных глубин.

В ситуации, когда на смену концепции человеческой личности как "индивидуальной субстанции рациональной природы" (Бозэций) пришло понимание ее как отношения, неопределенной возможности, рациональность - и как разумность, и как целесообразность - не может рассматриваться в качестве предельного основания личности. Становление личности сопровождается утверждением определенности, порядка и перспектив ее дальнейшей деятельности, но рациональная ясность и отчетливость отсутствует в восприятии условий разворачивания этого процесса. Субъект в силу своей открытости не способен осознавать себя в полной мере, но это обстоятельство не устраняет возможность его последовательной самореализации.

Рациональность востребована реализующейся в мире личностью в двух основных, обуславливающих друг друга аспектах - этическом и эпистемическом: кардинальной проблемой и этики, и эпистемологии является проблема обоснования. Философская традиция, нацеленная на поиск предельных осно-

* Работа выполнена при финансовой поддержке программы "Университеты России", проект УР.10.01.226.

ваний, истоков человеческого бытия, в лучших образцах своих демонстрировала эту связь этики и теории познания, моральной ответственности и познавательной активности. Широко понимаемый трансцендентализм, включающий не только Канта и его германских коллег, но и Сократа с его учениками, выводил человеческое знание из тупика философского скепсиса, раскрывал новые перспективы движения к истине благодаря обращению к этической проблематике. Взаимосвязь субъекта морального действия и субъекта познания отчетливо прослеживается и в современной философии экзистенциалистского толка. Однако вопрос о том, какую роль играет рациональность в обеспечении координации этической и эпистемической составляющих реализации человеческой личности, требует особого внимания. Я полагаю, что в ходе поисков ответа на этот вопрос можно обнаружить ключ к пониманию процесса становления личности *in concreto*.

Трактовка человека как сущего, природа которого не определена какой-либо внешней по отношению к нему силой, но формируется усилиями самого человека, укоренилась в истории европейской мысли в контексте утверждения антропоцентристского мировоззрения эпохи Возрождения. Так, Пико делла Мирандола писал о человеке как о творении неопределенной природы, поставленным Богом в центр мироздания со словами: "Не даем мы тебе, о Адам, ни своего места, ни определенного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно своей воле и своему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центр мира, чтобы оттуда тебе было удобно обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие, "божественные" [4; с. 249]. Человек предстает не как эмпирически данный объект и не как умопостигаемый субъект, а как *возможное* существование, как *проект*. Человек осмысливает себя как проблему, загадочное отношение между конституирующими его деятельность переживаниями. Рефлексия открывает нам специфическую реальность человеческого существования, которую Ж.П. Сартр на страницах трактата "Бытие и ничто" характеризует как бытие Для-себя, бытие, которое "есть то, чем оно не является, и не есть то, чем оно является". Индивид, осознающий динамический характер своего существования, не может не отдавать себе отчет в том, что существование это носит принципиально открытый характер и не имеет ничего общего с являющимся ему миром четких форм, созданных предметов и идей, реализовавшихся планов.

Человек - это реализующийся проект самого себя. И проект этот всегда конкретен. Конкретность проекта означает, что все многообразие привходя-

щих обстоятельств, "ментального" и "физического" порядка, связывается в ходе проективной деятельности в единое целое. "Я - это я и мои обстоятельства", - повторял Х. Ортега-и-Гассет. Причем целостность достигается вовсе не редукцией Иного к Тожественному. Наоборот, целостность требует осознания различий и противоречий. Целостность - это нацеленность утверждающегося проекта, это возможное решение проблемы человека, это ясность *человеческого* понимающего взгляда. И мыслится целостность *должна* только как открытость.

Но целостность возможно познать только как завершенную систему, как объективированную конструкцию. Философское понятие бытия есть реализация такой возможности. Средоточием целостности как бытия является познающий субъект, наделяющий себя способностью выходить за пределы налично-данного и выносить суждения с трансцендентальной точки зрения, *sub specie aeternitatis*. В рамках философии Нового времени, осуществлявшей рефлексии над основаниями научного знания, человеческое сознание раскрывалось как субъективная данность, нацеленная на выработку предписаний относительно должного существования мира объектов. "Объективность" как характеристика мира служила необходимым коррелятом "субъективности" как характеристики сознания.

Таким образом, перспективы реализации проективной деятельности предельно обобщаются и раскрываются в контексте сопоставления возможных стратегий разворачивания человеческой мысли - понимания и знания. Анализ понимания и знания при всем различии этих аспектов описания проекта человека в действии позволяет раскрыть и их глубинную связь. В трактате "О понимании" В.В. Розанов, с одной стороны, опираясь на классическую европейскую философскую традицию, а с другой, отыскивая средства выражения пронизывающих его личность метафизических интенций, противопоставляет знание и понимание, к которым может быть сведена "вся область умственной жизни человека": знание есть результат отражения и дальнейшего удерживания сознанием "текущих явлений", а понимание есть проявление сознания как деятельного начала [5; с. 21]. Понимание есть выражение успешности проективной деятельности, - добавим мы от себя. Очевидно, что понимание не ограничивается сферой субъективных данностей. Благодаря пониманию проект человека реализуется вне пределов субъективности. Понимание - это событие, которое вскрывает основания человеческого бытия. По М. Хайдеггеру, понимание не есть "акт" субъективности, но - способ бытия.

Экзистенциальная философия разворачивается, реализуя стремление удержать этот способ бытия. "Мы философствуем в той мере, в какой пытаемся выяснить условия, при которых мысль может состояться как состояние живого сознания", - утверждал М. Мамардашвили [3; с. 17]. Понимание как событие, как состояние "живого ума" порождает философию как целостное явление духовной жизни, как образец возможной основательно продуманной реализации антропологического проекта. И проект этот всегда конкретен.

Поэтому философия - это путь мыслящего индивида через многообразие явлений к самому себе, к обретению собственного Я, а "история философии становится каждый раз целостностью, проистекающей из философствования, так, как оно в настоящем происходит" [7; с. 430]. Целостность философии достигается открытостью философствования, которое высвечивает Я в движении, порыве от случайного к необходимому, от объекта к свободе, от налично-данного к должному. Устойчивость, целенаправленность и успешность этого движения есть производные от рациональности. Именно рациональность выступает в качестве отправного пункта разворачивания философского проекта человека.

Механизм рационального действия представляет собой инструмент, посредством которого человеческая личность определяет принципы собственной активности. Активность рационально мыслящей личности проявляется в двух основных аспектах - познании и морали. Личность есть синтез отношений "Я - Мир" и "Я - Другой". Субъектно-объектные и субъектно-субъектные отношения реализуются в различных плоскостях, но предполагают единое Я. Представление о тождественности Я носит нормативный характер: *Я должно быть* доминирует над Я в его явленности. Являющееся Я и его коррелят - мир объектов утрачивают очевидность своего существования при первом пробуждении философского сознания от догматического грез разума. Сознание мирится лишь с *Я должным быть*. Через Я в его долженствовании субъект философствования приводит в действие механизм реализации проекта "Человек". И исходным моментом, первоначальной конкретизацией Я становится моральное действие. Моральное отношение - это встреча Я и Другого, которые не могут быть рационально редуцированы друг к другу. Событие встречи, принятие Другого как Иного запускает процесс самоидентификации Я. Я, обращаясь к Другому, встречаю возможность самого себя. Я принимаю решение удержать эту возможность. Реализация принятого мною решения обеспечивается формирующимся механизмом моральной ответственности, благодаря действию которого впервые дает о себе знать зарождающаяся рациональность.

Я в его долженствовании открывается в соотнесенности с Другим как субъект морального действия, субъект принятия определенного решения относительно реализации себя в виду Другого. Рациональность морального действия заключается в системной взаимосвязи целей и средств, обеспечивающих поступательное движение моего Я в присутствии Другого. Однако это движение Я несет в себе деструктивный момент, если и не уничтожающий, то существование трансформирующий исходное событие принятия Другого: Я приступает к конституированию себя как самостоятельной инстанции, познающей свое Иное в качестве не-Я. Абсолютизация Я приводит к тотальному подчинению Другого, редукции Другого к Я.

Впечатляющая характеристика становления самосознания через исключение "*из себя всего другого*", борьбу индивидуальных самосознаний, диалек-

тику Господина и Раба дается на страницах "Феноменологии духа" Гегеля. Самосознание, по Гегелю, требует искоренения всякого непосредственного бытия, утверждаясь как чисто негативное бытие тождественного самому себе сознания. Утверждающееся самосознание рассматривается как удвоенное в своем единстве, как отношение с другим самосознанием. Каждое из них требует признания со стороны другого. Вступившие в борьбу самосознания существуют друг для друга как индивиды, "обыкновенные предметы". Они достоверно знают себя, но не другого. Но эта достоверность не обладает истинной, ибо истиной самосознания "было бы только то, что его собственное для-себя-бытие" проявлялось бы для него как самостоятельный предмет" [2; с. 99]. Каждое самосознание подтверждает себя и друг друга в борьбе, в ходе которой достоверность себя самих должна быть возвышена до истины в другом и в себе самом. И в конечном счете, для Господина - сознания, сущего для себя и при этом опосредованного другим сознанием, истиной является это опосредующее, лишенное самостоятельности сознание Раба. Таким образом, в феноменологии Гегеля существование Другого есть необходимый момент существования моего сознания как самосознания. Мы являемся друг другу как конкретные предметы, обычные объекты, погруженные в полноту жизни. Другой стоит у истоков моей познавательной активности, делает возможным познание себя как объекта и, соответственно, раскрывает передо мной мир объектов. "Проблема другого не должна ставится, исходя из *cogito*, как раз наоборот - существование другого делает *cogito* возможным как абстрактный момент, в котором я постигаю себя как объект", - замечает по поводу гегелевской концепции Другого Ж.-П. Сартр [6; с. 260].

В познании мира и самого себя воспроизводятся достоверности, открывшиеся субъекту в процессе осмысления моментов самореализации. Субъект познания не пассивно созерцает налично-данное сущее - для такого рода деятельности он не приспособлен, а, опираясь на имеющиеся в его распоряжении способности, продолжает осуществлять проект самореализации. Одна из этих способностей - способность принятия обоснованных решений в эпистемологических вопросах - является преемником той рациональности, которая изначально была явлена в механизме моральной ответственности. Очевидно, что познание не сводимо всецело к рациональному действию. Роль творческой силы воображения, социального конструирования и иных факторов, не укладывающихся в прокрустово ложе рациональности, основательно исследована в истории науки. Создание научной теории - это творческий процесс, а факты и связанные с фактами высказывания есть поле рациональной интерпретации теоретических положений. Однако эпистемическая рациональность несет в себе требование абсолютной достоверности, которое не может быть реализовано в границах, очерченных познавательной активностью. Это требование может быть понято только как отголосок осуществляющейся благодаря механизму моральной ответственности свободной воли. "Всякое создание науки и так называемого познания заключается... в действиях. Поэтому

вся наука должна иметь свои конечные основания в *учении о действиях*,... в этике", - справедливо полагал Х. Динглер [8; с. 32]. Механизм моральной ответственности участвует в конституировании субъекта познания и в силу этого процесс познания разворачивается в неперменном соотношении с нормами и оценками, а "за каждым знанием - осознанно или неосознанно - стоят решения" [1; с. 87]. Абсолютизация Я препятствует пониманию нравственной составляющей наших познавательных усилий. Но когда знание выступает в качестве *человеческого* знания, когда познавательная активность субъекта сменяется ясностью *человеческого* понимающего взгляда, тогда восстанавливается этический направленность проективной деятельности сознания, подлинный смысл проекта под титулом "Человек".

Литература

1. Альберт Х. Трактат о Критическом Разуме. М.: Едиториал УРСС, 2003.
2. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000.
3. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990.
4. Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса. Т.1. М.: "Искусство", 1981.
5. Розанов В.В. О понимании. СПб.: Наука, 1994.
6. Сартр Ж.П. Бытие и ничто. М.: ТЕРРА; Республика, 2002.
7. Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.
8. Dingler H. Philosophie der Logik und Arithmetik. München, 1931.

ТОПОЛОГИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОНИМАНИЯ

О. Б. Соловьёв

Новосибирский государственный университет экономики и управления

Говоря об эволюции жизни, А. Бергсон заметил: «она показывает нам, что способность понимания дополняет способность к действию, представляя собой всё более точное, всё более гибкое и усложняющееся приспособление сознания живых существ к данным условиям существования» [2, с. 33]. Несомненно, что для человека способность к действию означает его практическую, социальную природу, способность к сознательному выбору методов и средств, постановки цели и задач деятельности. Рефлексии – чёткому осознанию собственных поведенческих и деятельностных актов, установке на включение своего «я» – может быть противопоставлена интуиция, которая выражается в способности понимать и находится на границе между созна-

тельным и бессознательным. Зачастую интуиция отождествляется с озарением – внезапно ясным пониманием того или иного явления; подобную понятность М. Хайдеггер именовал *экзистентной*.

Целесообразно различать два уровня использования термина «интуиция». Первый – в том смысле, в каком его употреблял Р. Декарт, – в значении непосредственного пассивного умозрения истины, осуществляемого когнитальным «я», самостью субъекта. Об интуиции речь заходит всякий раз, когда в слове «понимание» содержится психологический оттенок усвоения смысла, которого, к примеру, нет в слове «объяснение»: мы находим его у Ф. Шлейермахера в понятии «дивинаторного понимания», у В. Гумбольдта в проблематике единства грамматической и психологической интерпретаций, у Р. У. Эмерсона в «ощущении бытия», в более поздней традиции – у Г. Зиммеля, который полагал, что понимание как специфический метод гуманитарных наук есть форма вчувствования («*Einfühlung*»), у М. Вебера в «понимающей» методологии («*verstehende Soziologie*»), у Э. Гуссерля в его видении сущностей («*Wesenheiten*»), которые, отрешась от всего психического, мы как бы впускаем в себя, у А. Бергсона в «проникновении в длительность» («*durée*»), у Г. Риккерта и др.

Второй уровень подразумевает деятельное начало в сознании, способность к творчеству, то, что И. Кант называл продуктивным воображением при продуцировании абстракций и способностью суждения при их применении, а Н. А. Бердяев – прорывом смысла во тьму, творчеством смысла, активным осмысливанием. Если в первом случае мы имеем дело с результатом деятельности мышления – актом понимания, экзистентным состоянием данности смысла в сознании, его усвоением, то во втором – с экзистенциальным стремлением понять, с самим процессом мышления, носящим эвристический характер и направленным на достижение понимания.

Действительно, феномен понимания может рассматриваться как некоторое самое простое начало бытия смысла на уровне отдельного человеческого существа (культурно-исторического субъекта), неразложимое и неделимое на части, некое целое состояние диалога культуры с самою собой или с другой культурой. Интеллектуальная интуиция, как правило, отмечена знаком индивидуального существования – понимание есть «совершенно личная и только личная вещь» (М. К. Мамардашвили). Рефлексия и рассуждение, объяснение и наглядная деятельность ведут к пониманию, но собственно пониманием ещё не являются. По отношению к феномену понимания рефлексия и объяснение вторичны: они возникают из и на основе определённо понимаемого мысленного содержания, которое осознаётся как некое сущее, имманентное индивиду.

Понимание как результат – а не процесс – деятельности сознания не есть, строго говоря, знание: в нём не содержится референта; это интуиция в картезианском смысле слова – знаковое «тело», репрезентирующее смысл и прозрачное само для себя. В западной философии следствием интимно-

личностной субъективации понимания и бытия стала утрата идеи адекватного понимания человеческих выражений и действий, будь они символическими, интенциональными или обусловленными конвенционально. В области социальных и гуманитарных наук это обозначает, что герменевтическая философия подменяет рациональное познание интуицией: понимание определяется контекстуально и, по словам К.-О. Апеля, «не умеет больше ничего, как только быть всегда другим» [1, с. 461]. Между тем понимание, по М. Хайдеггеру, есть основополагающий модус здесь-бытия, и несомненный теоретический интерес представляет вывод П. Рикёра, сделанный «для эпистемологии новой онтологии понимания» и основывающийся на первичности бытия-в-мире: «не существует понимания самого себя, *не опосредованного* знаками, символами и текстами: самопонимание в конечном счёте совпадает с интерпретацией этих опосредующих терминов» [3, с. 83]. Учитывая, что «я» познаёт себя не непосредственно, а исключительно через множество знаков культуры, через понимание себя «перед текстом», французский философ делает вывод о символическом опосредовании действия.

Этот эпистемологический итог, выявленный феноменологической герменевтикой, созвучен разработке проблематики понимания в работах отечественных философов, методологов и лингвистов – в представлениях о реальной философии М. К. Мамардашвили, в семиосфере Ю. М. Лотмана, в универсальных сферах деятельности Г. П. Щедровицкого, при этом общей концептуальной основой и отправной точкой служат тезисы К. Маркса о Л. Фейербахе, раскрывающие человеческую природу посредством общественной практики и позволяющие отличать понимающего человека от непонимающего в мире внешней предметной деятельности, выводящей освоенный смысл в единое объектное поле.

По словам Г. П. Щедровицкого, «понять – это значит прежде всего восстановить смысл сообщения, выделить зафиксированные в нём объекты и “взять” их в таком ракурсе и в таких отношениях, в каких их брал второй индивид» [4, с. 492]. Наш вывод гласит следующее: если мы употребляем знаки, это ещё не значит, что мы их понимаем, но если мы что-либо понимаем, мы всегда используем знак. Коммуникативно-смысловая основа понимания фиксируется и в герменевтической философии: «“Понимать” означает... проделывать или проделывать заново лежащую в основе семантической инновации дискурсивную операцию» [3, с. 74]. Хотя никакое опосредование, насколько совершенным бы оно ни было, не в состоянии поднять дискурс (и даже рефлексивное) до уровня интеллектуальной интуиции, понимание, как рефлексивное, так и дорефлексивное, есть непрекращаемое воссоздание смысла вместе с обозначающим его семиотическим дискурсом, с повторением каждый раз заново дискурсивной операции. Объяснение не первично, а вторично по отношению к акту понимания именно потому, что «объяснение, представленное как знаковая комбинация, т. е. как некая семиотика, строится на базе понимания первого уровня, основанного на дискурсе в качестве нераздельного

и способного к инновации акта» [3, с. 75]. Смысловая «нагруженность» актов понимания порождает инновационные способы деятельности, развивает и модифицирует навыки и наклонности индивида, определяет его ценностные и поведенческие предпочтения.

Индивидуальному существованию понимания, таким образом, предшествует его надындивидуальное бытие в семантическом поле историко-культурных смыслов-значений. Первоначально понимание – Г.-Г. Гадамер обозначает его как предпонимание, П. Рикёр как префигурацию – разделено между множеством субъектов в культуре и представлено в традициях словопотребления и предметной деятельности. Как и сознание, понимание выступает в роли нечего, что – *между* нашими головами; вопрос о познающем субъекте, понимающем или непонимающем смысл текста (действия), снимается и заменяется проблематикой «существа, бытие которого заключается в понимании». Именно в этом контексте и, пожалуй, только в нём понимание может быть поставлено в один ряд с такими непреходящими социокультурными объектами, как язык, толерантность, мышление, и изучаемо как предмет онтологии, имеющий значение не только для герменевтики и семиотики, но и для всего комплекса гуманитарных и социальных наук. Только в этом контексте мы вправе утверждать, что понимание – это идентификация, отнюдь не отождествление, одного субъекта с другим. В отличие от отождествления, идентификация предполагает, что при усвоении смысла субъектом рождаются многочисленные свойства, прежде для субъекта не характерные. Овладеть смыслом путём идентификации с его носителем – автором текста, агентом действия – означает сотворить самого себя, вовлечь себя в игру созданных воображением интуитивных изменений самости, о чём небезызвестный французский поэт высказывался не иначе как «Я есть другой». В совместном действии посредством коммуникации с другими людьми, с осмыслением опыта предшествующих поколений происходит, в том числе, самоидентификация субъекта.

Задумываясь о брэнности человеческого «я», Э. Шрёдингер говорил, что вся наша жизнь есть не что иное, как последовательность проходимых нами ирреальных персонажей: субъект не может быть идентичным самому себе, с течением времени он изменяется и вместе со своим телом переживает множество всяческих «я». «Мы меняем души, не тела», – приходил к выводу Н. С. Гумилёв – «колдовской ребёнок», путешественник, воин, поэт. В Новое время эта мысль прозвучала в сентенции о том, что весь мир – театр, а люди в нём актёры. Понимание – акт интересубъективного общения; оно исполняется в жизненной позиции субъекта, возвращая его к самому себе, но не по кругу, в ту же самую префигуративную точку, в которой он находился прежде, но смещая его по «герменевтической дуге» в сторону приобретения нового опыта и приведения избыточного самого по себе мира текста-опыта в действие.

Литература

1. *Апель К.-О.* Проблема феноменологической очевидности в свете трансцендентальной семиотики // Хрестоматия по истории философии от Шопенгауэра до Дерриды. – М.: Владос, 2001. – С. 429–464.
2. *Бергсон А.* Творческая эволюция. – М.: Канон-пресс-Ц, 2001.
3. *Рикёр П.* Что меня занимает последние 30 лет // П. Рикёр. Герменевтика. Этика. Политика. – М.: Капі, 1995. – С. 59–91.
4. *Щедровицкий Г. П.* Рефлексия // Г. П. Щедровицкий. Избранные труды. – М.: Школа Культурной Политики, 1995. – С. 485–495.

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ И ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТИВНОСТИ

Е. А. Наволоцкая

Томский государственный педагогический университет

Понятие субъективности претерпевает трансформации в дискурсе постмодерна. Уникальность ее уже определяется внешними факторами при потере ей самой фундирующей роли в мироздании. Абсолютизация чистой субъективности ставит под сомнение самоочевидность внутренней достоверности субъекта. Подчеркивается иллюзорный характер субъекта, внутренней «неизменной» составляющей субъективности и смыслополагающей деятельности, активности субъекта – культуры, где философия – элемент культуры [1]. В связи с этим, проблема исследования особенно актуальна, поскольку разбирается проблема оснований культуры, которая в настоящее время не имеет удовлетворительного решения.

Целью нашего исследования является изучение самого процесса перехода субстанциальной трактовки Я к несубстанциальной. Мы отвечаем на вопрос каков тот субъект, который традиционная НКФ полагала основанием бытия и познания, следовательно, и культуры [2]. В ходе нашей работы был использован сравнительно-типологический метод и герменевтический: истолкование смыслов в своем собственном горизонте. В работе в качестве основного использовался герменевтический метод в редакциях Хайдеггера и Гадамера [3]. Относительно исследования компонентов проблемы субъективности нами были получены и систематизированы результаты в следующие ключевые пункты:

1. Принцип *cogito* (Декартовское *cogito ergo sum*) находится в основании новоевропейского осмысления субъективности. В картезианстве “Я” – это самотождественная постоянно пребывающая субстанция. Бог – метафизическое условие всеединства картезианского человека.

2. В психологии, феноменологии и постмодернизме субъект оказывается конституированным своей собственной деятельностью - активным и пассивным одновременно, Я как основание бытия оказывается проблемой.

3. Не существует внеисторического, вневременного бытия, соответственно основания культуры.

4. Само абстрактное основание бытия оказывается коррелятом способа полагания этого основания. Следовательно, не существует бытия самого по себе. Существует множество способов отношения к действительности. Всякое познание (смыслополагания) обусловлено «предрассудками» традиции и является отношением не к бесконечности, но к интерпретациям этой бесконечности.

Относительно проблемы субъективности, нами были определены общие корреляции в исследуемых теориях. Установлено, что со структурными компонентами проблемы субъективности значимо коррелируют следующие положения:

- В Новоевропейском мышлении основания бытия и познания понималось как деятельность чистого Я, которое было вневременной постоянно пребывающей субстанцией (самоприсутствием трансцендентальной жизни). Культура творится деятельностью чистого Я;

- В феноменологии, психоанализе и деконструкции чистое Я стало пониматься как конечное Я (фактическое, неабсолютное, временное), следовательно, само бытие стало историческим временным;

- Не существует абсолютного основания культуры, следовательно, не существует монологичности культур, а существует поликультуральность;

- Чистое Я не является основанием культуры (смыслового универсума человечества). Бытие имманентно пониманию. Не существует бытия самого по себе, вне корреляции к способу понимания, существует множество несводимых друг к другу способов конституирования мира (смысла).

Таким образом, результаты проведенного нами исследования позволяют расширить представление о субъекте, который традиционная немецкая классическая философия полагала основанием бытия и познания, следовательно, культуры, а также установить, что современное мышление характеризуется изменением представлений о субъекте как чего-то самотождественного себе с неизменной сущностью.

Литература

1. Батлер Д. Психика власти: теория субъекции. СПб., 2002, с. 168.
2. Мамардашвили М. Картезианские размышления. М., 1990.
3. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1993.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ МЫСЛИ

Р. В. Гадицкий

Новосибирский государственный университет

Современное направление в философии, получившее название философии сознания (philosophy of mind) исходит из представлений бытовой психологии (folk psychology), противопоставляя тем самым себя редукционистской программе в рамках когнитивных исследований. Помимо основных и традиционных проблем философии сознания, таких как проблема причинной связи ментального и физического или проблема репрезентации, от положительного решения которых зависит необходимость существования данной дисциплины и которые, как правило, широко известны, так как в некоторой форме были поставлены уже в древности, существует масса других вопросов, которые составляют содержательную часть философии сознания и являются специфическими для нее.

В настоящее время одной из наиболее обсуждаемых проблем в философии сознания является вопрос о соотношении феноменальных и концептуальных атрибутов ментальных состояний (mental states).

Лорманд[3] показал существование нефеноменальных сознательных ментальных состояний, т.е. таких состояний, которые осознаются человеком, но в то же время не воспринимаются им непосредственно. К таким состояниям Лордман отнес настроения и пропозициональные отношения (propositional attitude), которые сознаются посредством сопутствующих (surrounding) феноменов, не имея при этом своих собственных феноменальных атрибутов. При этом он ограничил сферу феноменального четырьмя случаями:

1. сознательные репрезентации восприятия, такие как вкусовые или визуальные восприятия;
2. сознательные телесные ощущения, такие как боль, щекотание или зуд;
3. сознательные воображения;
4. сознательные потоки (или цепочки) мыслей, когда думают «в словах» или «в картинках».

Четвертый случай представляет особый интерес. Если мысль дается нам в виде образа, то чем ее феноменология отличается от первых трех случаев? Если она дается нам в виде слов, то можно задаться тем же вопросом, т.к. слова сами по себе – лишь звуковые или визуальные образы.

Обычно в философии сознания используют измененное фрегевское понимание мысли, т.е. мысль понимается не как смысл предложения[2], а как ментальное состояние представляющее собой экземпляр (a token of the type) этого смысла. Концептуальным же атрибутом ментального состояния можно считать то, что так или иначе связано со смыслом, и, в конечном счете, с вербальной активностью.

Мой основной тезис состоит в том, что мысль как ментальное состояние сочетает в себе наряду с концептуальными свойствами также и феноменальные свойства из первых 3-х, названных Лормандом.

Существует еще две возможные точки зрения:

а) Мысль имеет свою уникальную феноменологию, не попадающую в три первых случая, названных Лормандом. Эта точка зрения отстаивается Питом[4] и я рассмотрю ее ниже.

б) Мысль не имеет феноменологии. В этом случае нет возможности отличить пропозициональное отношение «Я думаю р» от мысли р. Я исхожу из того, что считаю различными мысль как ментальное состояние акта мышления некоего смысла р и пропозициональное отношение к этому р. Поэтому я не буду здесь останавливаться на этом случае.

Обычно феномен мысли демонстрируется как различие между просто видением чего-то и познающим видением (epistemic seeing) (это различие впервые проведено Дретске[1]). Например, понимание смысла предложения отлично от просто видения его на бумаге. Различие заключается в том, что к простому видению подключается «ощущение» смысла. Это «ощущение» и есть якобы феноменальное проявление мысли. Таким образом, акт познающего видения содержит в себе, если принять положение а), два акта:

- i. простое видение объекта;
- ii. «ощущение» смысла некоторого суждения об этом объекте.

При попытке понять, что означает это «ощущение» смысла приходим к двум вариантам:

1. Мысль является экземпляром объективного смысла суждения.
2. Мысль является экземпляром некоего собственного типа феноменологии.

В случае 1), для того чтобы понять, например, что видимый нами объект F есть A, нужно «ощутить» смысл предложения $p = \langle F \text{ есть } A \rangle$. В этом случае для смысла р имеем два экземпляра: сам объект F и конкретное ощущение смысла р. Для того чтобы прийти к суждению «данное конкретное ощущение выражает смысл р» нам нужно ощутить смысл этого суждения и т.д. до бесконечности.

В случае 2), мы, наблюдая F, имеем также ощущение из некоторого типа Р. Но как тип Р связывается в сознании со смыслом р, если феноменология мысли, а, следовательно, и тип Р, недоступны никому кроме конкретного индивида?

Таким образом, показано, что мысль – это ментальное состояние, имеющее как концептуальные, так и феноменальные атрибуты, причем последние не отличаются от атрибутов сознательных восприятий.

1. Dretske, F.I. 1969. *Seeing and Knowing*, Chicago: The University of Chicago Press.
2. Frege, G. (originally published in 1892). "On Sense and Reference"
http://wikisource.org/wiki/On_Sense_and_Reference
3. Lormand, E. 1996. "Nonphenomenal Consciousness" *Nous* 30:242-261.
4. Pitt, D. 2004. "The Phenomenology of Cognition Or What Is It Like to Think That P?" *Philosophy and Phenomenological Research* 69:1-36.

ПОСТМОДЕРН, ПОСТ-ПОСТМОДЕРН, ЧТО ДАЛЬШЕ?

Ю. А. Леонтьев

Хабаровский пограничный институт ФСБ РФ

В последнее время стало модным говорить о так называемом пост-постмодернизме, или о деконструкции деконструкции. Весьма показательно, что "Новейший философский словарь" начинается со статьи "AFTE-POSTMODERNISM", в которой данный феномен определяется как современная фаза постмодернизма.

Постмодернизм, особенно деконструкция, давно уже стали объектом пристального изучения и критики, иногда более эмоциональной, чем логической. Прежде всего, деконструкции вменяется в вину самовзрывающаяся логика: разрушая философские тексты классики, она разрушает саму себя, т.е. происходит деконструкция самой деконструкции. Кроме того, постмодернизм обвиняется в репрессивном отрицании самого принципа принудительности истины.

Причем данные возражения исходят из уст не только приверженцев академического стиля философствования, которые изначально «в штывы» встретили постмодернистский натиск на классику, но и от тех философов, которых скорее следует отнести к представителям пост-постмодернизма.

Именно их критика представляет наибольший интерес, т.к. претендует на построения нового типа философии, на очередной пост-, на этот раз уже пост-пост. Возможно ли продолжать этот ряд до бесконечности? Действительно ли критикам удастся преодолеть те затруднения постмодернизма, которые инициировали их собственные попытки его преодоления?

Для того чтобы попытаться ответить на эти вопросы, кратко рассмотрим одну из наиболее ярких попыток преодоления постмодернизма в русле его собственной стратегии — концепцию possibiliзма М.Эпштейна, сформулированную в работе «Философия возможного».

Постановка диагноза деконструкции автором концепции possibiliзма производится вполне традиционно. Как подчеркивает М. Эпштейн, тотальное устранение всякого реализма неизбежно переводит философствование в план чистого номинализма, что ведёт к реставрации метафизики, поскольку заменяет метафизику означаемых на метафизику означающих, не устраняя метафизику как таковую, вопреки собственным намерениям.

Анализируя концептуальные неологизмы Деррида: "differance", "след", "supplement" и др., Эпштейн разоблачает их «лукавство» и скрытую метафизическую сущность.

Главная мысль критического анализа М. Эпштейна состоит в том, что Деррида не использовал в должной мере единственную, по мнению самого Эпштейна, возможность преодоления метафизики без воссоздания инверсионной метафизики, а именно — перевод философствования из модальности действительного в модальность возможного.

Аргументы, приводимые М. Эпштейном, весьма остроумны, и с критической частью его работы трудно спорить. Относительно же позитивной части работы возникает гораздо больше возражений.

Во-первых, точно также как знак отсылает к означаемому, а след к наследившему, возможное отсылает прежде всего к действительному, а не только к другим возможностям. Возможен не только плоскостной мир номинализма означающих (как совершенно справедливо указывает М. Эпштейн), но и, не менее плоскостной, мир номинализма возможного.

Во-вторых, критикуя деконструкцию за релятивизм, М. Эпштейн заменяет релятивизацию possibiliзацией, претендуя тем самым на устранение затруднений, связанных с релятивизмом. Но ведь в основе и релятивизма и possibiliзма лежит, прежде всего, устранение действительного как коррелята. Бесконечность интерпретации следа вследствие отсутствия объективного означаемого ничем принципиально не отличается от бесконечного умножения возможностей вследствие отсутствия действительного.

Точно также как любая попытка устранения метафизики приводит к реставрации метафизики, так и любая деконструкция деконструкции воспроизводит деконструкцию. Причем следует отметить, что возражения, направленные против деконструкции и против possibiliзма, принципиально одинаковые.

Таким образом, надежды на то, что пост-постмодернизм или еще какой-нибудь следующий пост- будет удачнее предыдущего вряд ли оправдаются. К сожалению или к счастью, метафизика имеет свойство самовоспроизводиться в любых проектах преодоления метафизики. Дело не в метафизике как таковой, а в том, какая конкретно метафизика имеет место, какие мировоззренческие импликации она по необходимости содержит.

Если признать этот вывод справедливым, то становится понятным следующее обстоятельство, на первый взгляд, выглядящее парадоксально. Последние десятилетия XX века породили две противоположные тенденции:

усиление глобалистских проявлений в экономике и политике и постмодернистская (как принято считать — антиглобалистская) мода во многих иных сферах интеллектуальной активности, особенно связанных с философией.

Получается, что чем больше философы выступают против тотализации и глобализации (борьба с метанарративами, с трансцендентальным означаемым и т.п.) в теории, тем успешнее эти тенденции внедряются на практике.

В свете вышесказанного данный «парадокс» может быть осмыслен следующим образом. Антиглобалистская установка постмодерна в целом и деконструкции в особенности, в действительности имеет своей обратной стороной еще большую тотальность и агрессивность к инакомыслию (принципиально запрещает иметь принципы), чем так называемый «проект модерна», обвиняемый в навязчивой принципиальности. Оказывается, что антиглобалистский (в теории) постмодернистский проект на практике направлен, прежде всего, против самих антиглобалистов, так как выбивает у них из под ног почву, поскольку любая моральная философия объявляется беспочвенной и репрессивной. Справедливости ради следует отметить, что постмодернизм подрывает не только антиглобализм, но и сам глобализм. Однако последний — только в теории, но не на практике. На практике постмодернизм, напротив, способствует успеху глобализации.

Таким образом, деконструкцию следует скорее охарактеризовать как последний и самый эффективный проект эпохи глобализма, а вовсе не как антиглобалистский проект. Философскую опору антиглобализм может получить не в дальнейших попытках релятивизации и поппобилизации мира (они содержат одни и те же предпосылки), а скорее в переосмыслении классической традиции, в еще не актуализированных возможностях «проекта модерна» (как считает Ю. Хабермас), в рамках которого мораль, любовь, солидарность не считаются предрассудками и философскими «грехами» тотализирующего дискурса.

ПОСТМОДЕРНИЗМ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

А. Б. Аникина

Новосибирский государственный университет

Почти десятилетие назад А.Я. Гуревич писал, что неотложная задача развития гуманитарного знания в том, чтобы "выявить ведущие тенденции историографии нашего времени, новые проблемы, которые перед ней возникли, короче говоря, ориентироваться в перестраивающемся исследовательском поле истории." [1] Эти слова актуальны и сегодня, поскольку мы до сих пор не успеваем сориентироваться в этом поле. Так, хотя мода на постмодернизм уже почти прошла, для отечественных исследователей он так и остался неиз-

вестен. В то время как постмодернисты предложили ряд идей, призванных обновить историческую науку.

Главный вызов постмодернизма истории направлен против ее представления о существовании внеположенной субъекту исторической реальности. Объект исторического познания воспринимается постмодернистами как то, что конструируется языковой и дискурсивной практикой. Основное положение состоит в том, что прошлое не дано нам непосредственно, а исторический источник – непрозрачен, он не дает нам картину прошлого, но лишь интерпретацию прошлого, которую, в свою очередь, интерпретирует историк.

Исследуя модернистскую историю, Х. Уайт, считающийся основателем постмодернистской истории, сформулировал ряд антиобъективистских выводов об историческом знании: не существует логически определенных теоретических оснований, на основе которых можно было бы судить, насколько одно объяснение прошлого является более реалистичным. Таким образом, мы выбираем между конкурирующими интерпретативными стратегиями при любой попытке рефлексии над историей в целом. Оказывается, что самыми существенными основаниями для выбора одного видения истории перед другими являются эстетические и моральные факторы, а не эпистемологические. Лишенная таким образом своего предмета история, становится просто формой организации мысли.

Какое значение имеют эти нападки постмодернизма для исторической науки? Многие историки-исследователи никогда не слышали об этих изысканиях и продолжают свою научную деятельность, как и раньше. Другие встретили веянья постмодернизма в штыки.

Тем не менее, М.А. Барг определил вторжение постмодернизма в историю как "историографическую революцию"[2]. И для подобной оценки есть основания. Постмодернизм ознаменовал собой кризис сциентистской истории. Критика и проблемы, поставленные постмодернистами, не ими были придуманы, но вызрели в самой исторической науке. Постмодернисты же, заострив внимания на этих проблемах, предложили новые подходы для их решения. Одна из основных идей постмодерна – принятие традиции, но не какой-то одной, чтобы она превратилась в догму, а множества разных традиций, в том числе и сциентистской.

Постмодернизм снимает многие противоречия сциентизма. Например, постмодернисты предложили решение назревшего затруднения исторической науки – непрозрачности исторических источников. Лиотар в своем эссе "Состояние постмодерна" высказал идею, что действительно ценная информация не есть конечный результат, но должна инициировать новую информацию[3]. Такой подход восприняли и историки. Так для модернистов историческое свидетельство есть простое повествование о прошлых событиях, а главная цель работы историка – восстановить картину прошлого так, чтобы к ней нечего было добавить. Но для постмодернистов свидетельство указывает не

на прошлое, но на другие интерпретации прошлого. Голландский философ Ф. Анкерсмит проиллюстрировал это так: "для модерниста свидетельство есть плита, которую он снимает, чтобы увидеть, что лежит под ней, для постмодерниста это – плита, на которую он ступает, чтобы двигаться к другим плитам"[4]. В такой трактовке непрозрачность источника перестает быть проблемой, но, будучи осознана как непреложный факт действительности, встраивается в способы познания.

Другое противоречие сциентистской истории – стремление сделать результат работы историка независимым от его сознания, он его пристрастий и эмоций, которое постоянно наталкивалось на осознание ангажированности историка современной ему реальностью. Но эту зависимость от настоящего постмодернисты выдвинули как обязательное условие исторического исследования, опираясь на результат исследований Гадамера, пришедшего к выводу, что "мы только потому понимаем исторически, что сами являемся историческими существами".

Постмодернизм предстает как маленькая провокация, предпринятая для того, что бы обновить историческую науку, что бы от своих догм она обратилась к современным достижениям гуманитарного знания. В книге "История и тропология", исследуя параллели и расхождения постмодернизма и историзма, Анкерсмит обратил внимание на аналогии между ними. Так именно историзму историописание XX века обязано фрагментированием исторической реальности на независимые сущности. Отказ от спекулятивных систем и интерпретаций исторического процесса наподобие гегелевской, погоня за фактом стала отличительной чертой историзма. В постмодернизме эта фрагментация нашла свое крайнее выражение.

Кроме того, Анкерсмит анализируя теоретические основания историзма, приходит к выводу, что в них заложен конфликт. Формула историописания Ранке – исследовать прошлое "как оно было" – требует от историка занять позицию вне времени. Используя метафору "река времени", можно сказать, что историк должен быть где-то вне ее потока. Но другая установка историзма, давшая название всему этому подходу – историзировать любые рассматриваемые феномены. Это значит все помещать в исторический контекст, всему находить историческое объяснение. Доводя эту установку до крайности, можно прийти к необходимости историзировать самого историка, то есть поместить его в "поток реки времени", что противоречит первой установке. Именно такую радикализацию историзма представляет собой постмодернизм, а их разногласия упираются в обозначенный конфликт.

Можно сказать, что постмодернизм стал крайней степенью саморефлексии сциентистской истории, приведшей ее к самоотрицанию, и одновременно – отправной точкой для ее обновления. Преодолевая крайности этих двух подходов – сциентизма и постмодернизма – можно строить историческую науку, соответствующую современному этапу развития гуманитарного знания.

Литература

1. Гуревич А.Я. Историк конца XX века в поисках метода // Одиссей. Человек в истории, М., 1996
2. Барг М.А. Индивид – общество – история // Новая и новейшая история. 1989. № 2. с. 45
3. Лиотар Ж. -Ф. Состояние постмодерна - М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998.
4. Ф. Анкерсмит "История и тропология: взлет и падение метафоры", М., Прогресс-традиция, 2003., с. 330

ПОНЯТИЕ «ФИЛОСОФСКИЙ ТЕКСТ» В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

М. Ю. Немцев

Институт философии права СО РАН

1. Исследование философии как типа общественной духовной практики требует введения критериев отличия предмета- философии от смежных областей духовной деятельности – науки и литературы. Эта задача сводится к необходимости введения критериев отличия философского текста. По такому тексту реконструируется мышление автора и его способы выражения хода и результатов своего мышления в виде текста. И критерий отличия «философского текста» от не-философских позволяет выявить функцию такого текста, т. е. позволяет перейти к исследованию функции философского знания в обществе и в культуре.

2. Если принять определение философии как «рефлексивной метамировоззренческой теории» (1), то философский текст (далее ФТ) должен выражать собой эти теоретические представления о мировоззрении. Однако мировоззренческие факты не могут быть предметом доказательного наукообразного описания. Это - ненаблюдаемые факты (в этом состоит различие «философских» и «научных» понятий). Поскольку ФТ должен быть отличен от литературного, его целью нельзя считать эстетическое воздействие, производство образа, как в художественном тексте (хотя любой авторский текст, конечно, обладает признаками авторского произведения - стилем, риторическими приемами, и т.д.). Полагаю, что ФТ отличается от текстов другого типа тем, что *он предназначен для изменения мировоззрения читателя. Его основная функция – трансформирующее воздействие на мировоззрение читателя (пользователя) ФТ.*

3. Для этого ФТ предполагает применение особых техник *чтения*. Вообще, «*текст*» как семиотическое образование отличается от некоторого набора знаков тем, что он целостен и определенным образом упорядочен, и эта упорядоченность предполагает направленное движение через текст его пользователем – читателем. Соответственно, «чтение» – это *последовательное понимающее движение сквозь текст, направляемое имманентным схематизмом этого текста* (что не уточнено, например, в (2)). Чтение не синонимично пониманию, поскольку текст может быть прочитан и использован для изменения индивидуального поведения без понимания, т.е. без реконструкции его содержания. Прочтение текста требует его понимания, которое является только достаточным условием чтения.

Тогда *чтение ФТ* – это чтение, направленное на изменение сознания читающего. Такое чтение является специализированным. «профессиональным» философским чтением, в отличие от неспециализированного чтения ФТ наряду с любыми другими текстами, практикуемого любым образованным индивидом.

4. Для реализации этой функции, ФТ должен быть организован особым образом. При его «специализированном чтении» читатель должен следовать внутренней организованности текста, изменяя установки своего сознания. Результатом такого чтения становится изменение восприятия мира, трансформация мировоззрения и т.п. Такое чтение требует особой интенции сознания. А «философская работа с текстом» состоит во взаимодействии текстуальных структур-организованностей и интендированного чтения философа, приводящего к внетекстуальному результату – изменению мировоззрения.

Можно предположить, что вычленение таких внутренних организованностей ФТ и сопоставление их с методами и техниками чтения позволяет объяснять восприятие отдельных философских текстов и философских традиций, особенности их истории. Это не означает, что автор ФТ сознательно организует его таким образом. Скорее можно говорить о *методологической гипотезе*, позволяющей исследовать конкретные тексты и связывающие их традиции. Вопрос о происхождении таких организованностей пока оставим открытым.

5. Однако сам процесс чтения философом ФТ, обуславливающий изменение мировоззрения этого философа не становился сколько-нибудь проблематичным для самосознания философии до второй половины XX в., поскольку ФТ в связи с общими установками классической философии всякий «текст» считался просто несамостоятельным медиумом – посредником между сознаниями философов. Первым этапом движения к тематизации проблемы текста было обращение логических позитивистов к анализу высказываний и формирование аналитической философии. Затем в рамках немецкой феноменологической традиции был поставлен «вопрос о языке». И несколько позже, в послевоенное время, проблемы языка и, шире, лингвистики, были превращены в предмет философских исследований структурализмом, семиотикой, семи-

ологией и сформировавшимися на их основе науками и философскими учениями. Так постепенно формировался набор концепций, уже объединяемых, например, В. Рудневым в «философию текста» (3).

В явном виде проблема специальной техники чтения ФТ, которая имеет мало общего с проблемами анализа языка, была поставлена Л. Альтюссером и Р. Бартом. Альтюссер при исследовании работ Маркса применял т.н. «симптомное чтение» (4). В соответствии со своей методологией он реконструировал методы чтения, применявшиеся другими философами (5). Ролан Барт предложил различные типологии методов чтения, и обсуждал внутренние организации текста, управляющие его прочтением и влияющие на мировоззрение читателя, применяющего различные методы чтения, хотя он и не выделял ФТ в особую категорию текстов.

6. Советско-американский индолог Д. Б. Зильберман, исследуя функционирование канонических текстов в классической индийской философии, разработал метод анализа установок сознания, т.н. «модальную методологию» (6). Эти установки сознания, обуславливающие формирование или изменение мировоззренческих структур, он реконструировал, изучая ФТ и интроспективно наблюдая собственные понимающие и интерпретативные действия при его чтении. «Модальная методология», должна быть сопоставлена с европейской герменевтикой. В ней предложена формализация процедур понимания, так и не разработанная в герменевтике. Именно с целью концептуализации «модальной методологии» мы вводим понятие «философский текст», и связанное с ним понятие «философское чтение».

7. (Примечание: вероятно, все это относится к текстам, в которых изложена философия бытия, метафизика. Такая философия, связанная с продумыванием «основных вопросов бытия», т.е. с экспликацией и обоснованием мировоззрения, вытесняется неклассической предметной философией на периферию профессионального внимания. В современной предметной философии тексты строятся по парадигме научных текстов. Поэтому они не требуют и не предполагают вышеописанных техник чтения. Пользуясь выражением Гадамера, можно сказать, что они «говорят» нам «нечто иное», чем «старые» метамировоззренческие «метафизические» тексты)

Литература

1. Горан В. П. Предметная специфика и функции философии. Новосибирск, 1999.
2. Усманова А. Р. Чтение // История философии: энциклопедия. Минск, 2002. С 1256-163
3. Руднев В. П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. М.: Аграф, 2000.
4. Автономова Н. С. Этапы идейной эволюции Л. Альтюссера // Современные зарубежные

- концепции диалектики. М.: Наука. 1987. С. 198-201.
5. Альтюссер Л. Ленин и философия. М.: Ad Marginem, 2005.
6. Генисаретский О. И., Зильберман Д. Б. О возможности философии: переписка 1972-1977 гг./ сост., прим., комм. В. Рокитянского. М.: Путь. 2001; The Birth of Meaning in Hindu Thought / Ed. Robert. S. Cohen. D. Reidel Publishing Company: Dordrecht-Boston-Lankaster-Tokyo, 1988.

ПРИНЦИП МНИМОСТИ С ПОЗИЦИИ МЕТОДОЛОГИИ ЕСТЕСТВЕННОГО РЕАЛИЗМА

Э. Ч. Дымчиков

Восточно-Сибирский государственный университет, г. Улан-Удэ

Если в классической европейской философии выбирается какая-либо сторона жизни или познавательная способность, на которой обосновываются все остальные стороны и способности, то в методологии естественного реализма (МЕР) А.Н. Книгина все способы познания существуют в единстве, «это интегральный единый поток созерцания, переживания, мышления, деятельности... Поэтому в МЕР исключается, чтобы одна из сторон экзистенции оценивалась как “главная”, “ведущая” и т.п. Ни одна из сторон экзистенции не может быть судьей для другой... разум не может проверяться созерцанием и наоборот. Переживания не проверяются (т.е. ни подтверждаются, ни опровергаются) разумом, практикой»[1. С. 11].

Выделенное Книгиным соотношение четырех сторон экзистенции (созерцания, переживания, мышления и практики) эвристично и для понимания соотношения онтологических уровней, взятых по иным основаниям. В экзистенциализме выделяются две разные стороны экзистенции: самосознание личностного бытия и отчуждение личностного бытия в социальном измерении. У И. Канта разными сторонами экзистенции являются необходимость в мире феноменов, и ноуменальное царство свободы. В махаяне в качестве сторон экзистенции выявляются сансара и нирвана, феноменальный мир и шунья, повседневное сознание и алая-виджняна, нирманакайя и дхармакайя и т.д. Их соотношение проявляется с позиции МЕР.

Первый принцип МЕР, утверждающий равноправие способов познания, в махаяне выражается в понимании сансары и нирваны как абсолютно равноправных и не обуславливающих друг друга сторон одной и той же экзистенции. Шуньявадины утверждают, что шуньята (пустота) и мир явлений - это два абсолютно равноправных взгляда на одну и ту же реальность. Шунья – самоочевидность с позиции таковости (отрешенности от всякой причинной обусловленности). Мир явлений - самоочевидность с позиции причинной обусловленности. Эти две позиции абсолютно равноправны, причем с одной позиции другая никак не может быть истолкована.

Второй принцип МЕР предполагает равноправие форм существования: «равным образом существует то, что дано в созерцании, и то, что дано в разуме и то, что дано в переживании, и то, что дано в практике. Отсюда и второй принцип МЕР: *одинаково реально* существует все, что дано в одной из ипостасей бытия» [1. С. 12].

В мадхьямике второй принцип МЕР выступает как отрицание абсолютизации реальности одной из сторон экзистенции. Мы в такой же степени можем говорить о реальности или нереальности шуни, как и о реальности или нереальности мира явлений. Ошибочно считать, что мир явлений нереален, и то, что шунья нереальна. Ошибочно абсолютизировать и их реальность.

Третий принцип МЕР показывает равнозначность сторон экзистенции в аксиологическом аспекте: «в разных ипостасях обнаруживается не одно и то же бытие, а это значит, что бытие человека многомерно, и все измерения бытия *одинаково значимы* и ценны для человека» [1. С. 12]. Хотя шунья позволяет понимать нереальность страданий жизни, это несколько не принижает ценность самого феноменального опыта жизни для человека. Опыт погружения в мир явлений и опыт «таковости» (т.е. отрешенности от качеств жизни, обусловленных причинно) одинаково ценны для буддиста. Эта равнозначность и равноценность всех сторон экзистенции и заключается в принципе мадхьямы - непривязанности ни к гедонизму, ни к аскетизму, умение принимать жизнь таковой, в какой бы качественной форме она ни предстала.

Для определения шуни как феноменологического принципа наиболее важен четвертый принцип МЕР, который Книгин определяет как «взаимная фантомность» ипостасей бытия. «Взаимная фантомность означает, что реальное, естественное и обычное в одной ипостаси выглядит как нереальное, неестественное и необычное — в другой. Это давно зафиксировано и нашло отражение в философских идеях “подлинного” и “мнимого” бытия и других подобных» [1. С. 12]. Нельзя доказать что-либо в одной ипостаси бытия через принципы другой ипостаси бытия, так как ипостаси непереводимы друг в друга.

В соответствии с принципом фантомности определяется отношение между шуньей и миром явлений. С позиции шуни мир явлений фантомен, и о нем нельзя говорить не только как о реальном, но даже как об иллюзии. Точно также и шунья с позиции мира явлений фантомна. Ее как бы нет, но в то же время нет и ее отрицания.

Выделив новый феноменологический принцип фантомности, Книгин сделал феноменологическое открытие. В русской философии это открытие было предвосхищено Павлом Флоренским, который пользовался термином «мнимость». Флоренский, в отличие от Книгина, рассматривает мнимость не как универсальный философский принцип, но как его частное значение применительно к философии религии, философии искусства, геометрии, электродинамике и космологии. Суть принципа мнимости заключается в том, что реальность раскрывается на параллельных онтологических уровнях, которые не

обуславливают и не отрицают друг друга, хотя могут при этом символически выражаться один в другом.

Таким образом, можно сделать вывод: принцип фантомности, принцип мнимости и принцип шуны является одним и тем же философским принципом, имеющим общеполософскую значимость. Этот принцип встречается также в других философских традициях. Кант использовал его для описания соотношения свободы и необходимости, но ошибочно путал с антиномичностью. На самом деле в философии Канта свобода и необходимость не являются антиномиями в силу того, что они относятся к разным онтологическим уровням и не могут вступить друг с другом в противоречие. Их отношение определяется принципом мнимости. Принцип мнимости обнаруживается также в экзистенциализме при описании соотношения личностного и социального бытия, в постпозитивизме при описании соотношения между разными научными парадигмами. Особое значение он приобретает для анализа виртуальной реальности.

Литература

1. Книгин А.Н. Философские проблемы сознания. Томск: Изд-во ТГУ, 1999.
2. Дандарон Б.Д. Мысли буддиста. Владивосток, 1992.
3. Дандарон Б.Д. Теория шуны у мадхьямиков // Тибетский буддизм. Н.: Наука, 1995
4. Розенберг О.О. Проблемы буддистской философии // Розенберг О.О. Труды по буддизму. М.: Наука, 1991.
5. Флоренский П.А. Мнимости геометрии. М.: Лазурь, 1991.

Раздел III

Теоретические проблемы права

НАУКА И ОТРАСЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

А. Б. Дидикин

Институт философии и права СО РАН

Проблемы взаимодействия науки и отрасли конституционного права относятся к числу наиболее значимых и фундаментальных методологических проблем отраслевой юридической науки. Несмотря на существенные изменения в структуре предмета конституционно-правового регулирования и качественное обновление содержания самой конституционно-правовой науки, указанные проблемы в научной литературе не получили адекватного обоснования и объяснения. Причиной тому является игнорирование, либо недооценка методологической функции философии, философии права, общественных наук и общей теории государства и права в отраслевых правовых исследованиях [1]. Поэтому цель данной работы состоит в рассмотрении основных проблем взаимодействия отрасли и науки конституционного права с позиции единства и различий эмпирического и теоретического уровней правовопознания, «должного» и «сущего», нормативного и дескриптивного в структуре правовой системы и в правовых теориях. В этом смысле разработка данных проблем предполагает постановку и обсуждение вопросов о соотношении объекта и предмета конституционно-правовой науки с объектом и предметом конституционно-правового регулирования.

В научной литературе наблюдается неоднозначное отношение к проблеме объекта и предмета науки и правовой отрасли, обоснование их отождествления (В. Ф. Коток и др.), либо игнорирование самой проблемы (М. В. Баглай, В. Е. Чиркин, А. Н. Кокотов) [2]. Между тем представление о правовой реальности как объекте юридической науки неизбежно ставит вопрос о разделении правовой сферы и иных сфер общественной жизни, об объективном статусе и структуре правовой реальности. В этом смысле многие авторы отмечают, что в объект правовой науки следует включить совокупность норм права, юридическую практику и иные виды социальной практики, имеющие правовое значение (В. М. Сырых), что объект образуют всеобщие связи государственно-правовой действительности (Д. А. Керимов), либо эмпирические

факты об этой действительности и правовое знание (А. В. Петров) [3]. В методологическом аспекте и с позиции правовых учений следует отметить, что структура правовой реальности состоит из таких элементов как правовая идеология и правосознание («правовая феноменология» Р. Сменда), правовые правила как элементы норм права («правовой концептуализм» и неопозитивизм Г. Харта) и правоприменительная практика («правовой реализм» О. В. Холмса). Следующий шаг предполагает разграничение объектов познания философии права, общей теории государства и права и отраслевых юридических наук на основе, в частности, гегелевских категорий «всеобщего», «особенного» и «единичного». И как указывает Д. А. Керимов, отраслевые правовые науки изучают лишь «отдельную» («единичную») сторону всеобщих связей правовой действительности. Поэтому критерием «научности» становится обоснование самостоятельности конституционно-правовой сферы общественных отношений.

На рубеже XIX – XX вв. под влиянием философского позитивизма представители «классической школы» (А. Эсмен, А. Дайси, Н. М. Коркунов) утверждали, что объектом государственно-правовой науки являются конституционно-правовые нормы и потому к задачам «государственного права» они относят *описание* конституционных принципов, норм и институтов, толкование и оценку правовых норм. В XX веке в «аналитической философии права» была предложена модель двухуровневой правовой системы, состоящей из «первичных» и «вторичных» правил, которые восходят к «правилам признания» (Г. Харт) или «основной норме» (Г. Кельзен) и содержатся в Конституции [4]. В естественно-правовой («рационально-метафизической») традиции объект «общего государственного права», как правило, составляет совокупность естественных и неотчуждаемых прав человека, обладающих абсолютной ценностью (Р. Штаммлер, А. Куницын, Б. Н. Чичерин) [5]. Таким образом, объект конституционно-правовой науки образуют правовые формы политических отношений, связанных с осуществлением власти, суверенитета, свободы личности и общественного порядка (И. Е. Фарбер) [6]. При этом объект конституционно-правового регулирования выступает в виде совокупности фактических общественных отношений в конституционно-правовой сфере. А предмет науки конституционного права характеризуется тем, что не воспроизводит полностью объект науки, поскольку ограничен методологическими средствами данного этапа развития правового знания. В этом смысле предмет правовой науки определяется как совокупность закономерностей функционирования и развития государственно-правовых явлений. Отсюда в структуру предмета конституционно-правовой науки следует включить нормы конституционного законодательства, правоприменительную практику и концептуальный аппарат правовой науки, то есть правовые категории и понятия.

Однако основные дискуссии в современной научной литературе посвящены проблеме определения предмета конституционно-правового регулирования

ния. Большинство теоретических позиций по данной проблеме основывается на методологических подходах государственно-правовой науки XIX-XX вв. В России становление науки государственного права в XIX веке происходило в контексте двух исследовательских направлений: позитивистского и естественно-правового. Особенностью правового позитивизма в этот период стало введение правового мышления в рамки эмпирических методов и приемов исследования и разработка формально-догматического метода анализа правовых источников. Поэтому предметом государственного права становится государственное устройство (Н. М. Коркунов), осуществление целей, верховных прав и полномочий государства (А. Градовский), определение формы государства, формы правления и пределы прав государства (А. Эсмен), правила распределения и осуществления государственной власти (А. Дайси) [7]. Альтернативным подходом становится разработка «общего государственного права» на основе теорий естественного права и общественного договора, предмет которого образуют взаимные права и обязанности государства и граждан. Предпринимаются попытки создания диалектической методологии на материале философии права Г. Гегеля (П. Г. Редкин, Б. Н. Чичерин) и теории «естественного права с изменчивым содержанием» (Р. Штаммлер).

В советский период отдельные авторы указывают на двойственный характер отрасли конституционного (государственного) права, связанный как с закреплением основ конституционных и иных общественных отношений, так и с непосредственным регулированием данных отношений (В. С. Основин, Б. В. Щетинин). Кроме того, двойственная природа предмета конституционно-правового регулирования характеризуется наличием устойчивых элементов и воздействием субъективного фактора на развитие общества (закрепление основ конституционного строя и правового статуса личности), а также изменчивых элементов (административно-территориальное устройство, взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления), то есть регулированием общественных отношений нормами конституционного, либо отраслевого законодательства [8].

Таким образом, на современном этапе развития теории конституционализма особенно актуальным становится совершенствование и разработка методологии конституционно-правовой науки, а также адекватное применение теоретического знания при анализе процессов функционирования конституционного строя Российской Федерации.

Примечания

1. См.: Дидикин А.Б. Проблемно-ориентированный подход к науке конституционного права // Материалы XLIII МНСК «Студент и НТП»: Государство и право. – Новосибирск: СибАГС, 2005. – С. 58-61; Дидикин А.Б. Методологическая функция философии права и проблема предмета конституци-

онно-правового регулирования // Современные проблемы юридической науки. Вып. 5. – Новосибирск, 2005 (в печати).

2. См.: Вопросы советского государственного права. – М., 1959. – С. 4; Баглай М.В. Конституционное право РФ. – М., 2005; Чиркин В.Е. Конституционное право России. – М., 2003. – С. 30-31; Кокотов А.Н. Конституционное право в российском праве: понятие, назначение и структура // Известия ВУЗов. Правоведение. – 1998. - № 1. – С. 15-22.

3. Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т.1.- М., 2000. – С. 99; Керимов Д. А. Философские проблемы права. – М.,1972; Петров А. В. Общая теория права и ее объект. Автореф. дисс. – М.,1978. – С.14.

4. См.: Hart H.L.A. Concept of law. Second edition. – Oxford, 1994; Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Сборник переводов. – М.,1987-1988; Дидикин А.Б. Аналитическая философия права и проблема эмпирических оснований правовой науки // Материалы XLIII МНСК «Студент и НТП». Дополнительный сборник. – Новосибирск, 2005.

5. См.: Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. – М., 1908. – С.6-12; Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч.1. Общее государственное право. – М., 1894.

6. См.: Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. Вып.1. – Саратов, 1967. – С.5, 18.

7. См.: Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т.1. Введение и общая часть. - СПб, 1908. - С.1; Градовский А. Начала русского государственного права. Т.2. Органы управления. – СПб, 1887. – С.3; ЭсменА. Основные начала государственного права. – М., 1898. – С.2; Dicey A.V. Introduction to the study of the law of the Constitution. – Indianapolis, Liberty Classics, 1982. – P. XIX.

8. См.: Черненко А.К. Теоретико-методологические проблемы формирования правовой системы общества. – Новосибирск, 2004.

КОНСТИТУЦИОННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ – ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Д. А. Лабузов

Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск

Проблематика института конституционной ответственности является одной из центральных тем исследований специалистов в области конституционного права последнего десятилетия. Трансформация российской государственности в 90-х годах двадцатого века поставила вопрос о необходимости особого вида юридической ответственности, объектом защиты которого были бы наиболее важные сферы общественных отношений.

Несмотря на множество исследовательских работ по данной тематике (работы Н.М.Колосовой, Д.Т.Шона, Н.Бобровой и Т.Зражевской, других исследователей), множество вопросов конституционной ответственности остаются проблемными.

В частности, проблемным остается вопрос об объекте защиты конституционной ответственности. Некоторыми исследователями высказываются мнения о том, что Целью существования любого вида юридической ответственности является защита конкретной сферы общественных отношений. Очевидно, что объектом защиты конституционной ответственности являются отношения, составляющие предмет конституционного права. Следует согласиться с точкой зрения М.В.Баглая, что предмет конституционного права «...охватывает две основные сферы общественных отношений: охраны прав и свобод человека (отношения между человеком и государством); устройства государства и государственной власти» [1] Таким образом, *объектом защиты конституционной ответственности являются отношения, возникающие в связи с формированием органов государственной власти и их должностных лиц и процессом осуществления ими непосредственно властно-распорядительных полномочий; и отношения, определяющие и защищающие правовой статус личности в РФ.*

С проблемой определения объекта защиты конституционной ответственности связан вопрос об источниках конституционной ответственности (в формально-юридическом смысле). По мнению некоторых исследователей, в частности, Н.Витрука [2], конституционная ответственность - это лишь та ответственность, которая предусмотрена Конституцией РФ и уставами ее субъектов. Н.М.Колосова включает в эту группу и конституционное законодательство[3]. Думается, что данный подход не совсем верен. Отнесение того или иного правового акта к источникам конституционной ответственности зависит не от юридической силы данного акта, а от того, связаны ли генетически закрепленные в данных правовых актах основания наступления и санкции юридической ответственности с объектами конституционно-правовой охраны. Так, ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» от 6 октября 1999 или ФЗ «О гражданстве» от 31 мая 2002 года регулируют общественные отношения, являющиеся объектом защиты конституционной ответственности (отношения, связанные с организацией и осуществлением государственной власти, отношения, связанные с основой правового статуса личности), следовательно, определенные нормы данных правовых актов являются источниками конституционной ответственности.

Основным проблемным вопросом конституционной ответственности является основание ее наступления. Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что выделяются две группы оснований возложения мер конституционной ответственности: формально-правовые и волевые. В первом случае юридические факты, влекущие за собой применение

конституционных санкций четко закреплены в правовых актах, например, совершение конституционного правонарушения. Так, принятие высшим должностным лицом субъекта РФ акта, несоответствие Конституции которого установлено в судебном порядке, и последующая неотмена данного акта после вынесения предупреждения Президентом является в соответствии со статьей 29.1 ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» основанием для отрешения высшего должностного лица субъекта РФ от должности. Другая группа оснований применения мер конституционной ответственности («волевые основания») характеризуется тем, что фактически единственным основанием возложения конституционной ответственности является воля управомоченного субъекта, не связанная какими-либо иными условиями. Так, в соответствии со статьей 19 ФЗ «Об общих принципах...» высшее должностное лицо субъекта Федерации может быть отрешено от должности в связи с утратой им доверия Президента РФ. Очевидно, что в данном случае формально не определено, что считать утратой доверия и в каких случаях она наступает, роль субъективного фактора в вопросе применения в данном случае мер конституционной ответственности очень велика. Правительство РФ также может быть отправлено в отставку и без каких-либо формальных оснований для возложения конституционной ответственности.

Проблема оснований возложения конституционной ответственности влечет за собой проблему определения характера конституционной ответственности. Многие авторы, в частности, Н.М.Колосова, считают, что конституционная ответственность имеет «ярко выраженный политический характер» при сохранении правовой формы. Думается, что наиболее правильным будет тезис не о двойственной природе, политико-правовой природе конституционной ответственности, а о том, что существуют два автономных вида конституционной ответственности: конституционно-правовая ответственность, основания возложения которой определены в законодательстве строго формально, и конституционно-политическая ответственность, возложение которой зависит от воли управомоченного субъекта и диктуется соображениями политической целесообразности. Думается, что данные два вида конституционной ответственности не исключают друг друга, каждый из них имеет свою специфическую цель и свои механизмы реализации. Грамотное, сбалансированное сочетание данных двух видов конституционной ответственности обеспечивает стабильное функционирование системы органов государственной власти и баланс политической системы общества.

Литература

1. Баглай М.В. Конституционно право. Учебник для вузов. М.: Норма, 2003.

2. Круглый стол «Актуальные проблемы конституционной ответственности»//Государство и право. – 2002. - №2

3. Колосова Н.М.Конституционная ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности//Государство и право. —1997. - № 2

МЕТОД ВОСХОЖДЕНИЯ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ В ПРАВЕ

Е. В. Стафиевская

Институт философии и права СО РАН

Существование доктрины оправдано постольку, поскольку она способна решать проблемы, возникающие в практике, и отвечать на них путем формирования рациональных правовых конструкций. В современных условиях, имеющийся достаточно разработанный и богатый понятийный аппарат науки права облегчает процесс познания и изучения новых правовых явлений, фактов. Но не всегда знание об общих закономерностях развития и существования как права в целом, так и общества и мышление достаточно. И, прежде всего это касается сущности правовых явлений. Одним из методов научного исследования, применение которого позволяет познать сущность правового явления – является метод восхождения от абстрактного к конкретному. Это своеобразный метод мышления, метод развития научных определений, который имеет универсальное значение.

Прежде чем перейти к интерпретации этого метода необходимо раскрыть содержание понятий, которые лежат в его основе. Речь идет о понятиях «абстрактное» и «конкретное». «Конкретное» здесь понимается как «единство в многообразии». «Конкретное потому и конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно, поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого так же исходный пункт созерцания и представления.» [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12, С. 127]. То же самое следует сказать и об «абстрактном». Оно так же представляет собой логическую категорию, которая характеризует «все вообще выделенное обособленное, существующее «само по себе», в своей относительной независимости от всего другого, любая «сторона», аспект или часть действительного целого, любой определенный фрагмент действительности или ее отражение в сознание» [«Капитал» К. Маркса, философия и современность. – М., 1968. - С.192]

Соотношение абстрактного и конкретного в таком ракурсе выступает как отношение «целого» к своим собственным моментам, объективно выделяю-

щимся в его составе. «Абстрактное» понимается как объективно выделившийся, внешне обособившийся, хотя и внутренне несамостоятельный момент конкретного целого, понимаемого как «единство в многообразии».

Метод научного исследования, который был разработан К.Марксом, представляет собой двухэтапный путь от эмпирических данных о явлениях, к их правовой сущности, и от нее – вновь к явлениям, но уже взятым в единстве с сущностью. Первый этап пути представляет собой восхождение от конкретного к абстрактному, в процессе которого то целое, которое образует предмет изучения и которое первоначально выступает в виде полного, хотя и хаотичного представления, распадается на абстрактные понятия, простые определения. Абстракция, отмечает Ф. Энгельс, «суть не более, как сокращения, в которых мы охватываем, сообразно их общим свойствам, множество различных чувственно воспринимаемых вещей». [Маркс К, Энгельс Ф. Соч. Т.20, С.550] Этот этап применяется, когда исследуемый объект не изучен и представляет собой разрозненное представление о целом. Чтобы скольконибудь определить структуру, элементы этого целого, необходимо аналитическим путем подойти к более простым понятиям: от конкретного, данного в представлении, ко все более и более «тощим абстракциям». Поэтому, после того как абстракции сформировались в сознании и начинают существовать самостоятельно, они толкают исследователя к тому, чтобы произвести обратную логическую процедуру – изучить реально существующие явления со всеми их специфическими качествами, от которых мы только что абстрагировались при конструировании общего понятия. А это уже второй этап, который собственно именуется «восхождение от абстрактного к конкретному».

При этом следует избегать отождествления отождествлять метод восхождения от абстрактного к конкретному с дедуктивным анализом, который предполагает движение от понятия к понятию, формальное упорядочение и систематизация готовых, независимо и до нее выработанных понятий, выстраивание ряда от самых общих понятий и заканчивая менее общими. За основу здесь берется понятие, уже отражающее сущностные стороны исследуемого (при восхождении от абстрактного к конкретному это является целью исследования). Дедукция позволяет изучить лишь сторону связи между понятиями – их субординацию по степени выражения. Другие связи понятий остаются неисследованными.

Процесс же восхождения от абстрактного к конкретному предполагает поступательное движение, начинающееся с простых определенностей, и в процессе которого последующие становятся все богаче. На каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает всю массу своего предыдущего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего поступательного движения, но и пополняется и обогащается внутри себя. [Денисов С.А., Спиридонов Л.И. Абстрактное и конкретное в советском правоведении. – Ленинград, 1987. – С. 119.]

Применение метода восхождения от абстрактного к конкретному к изучению правовых явлений, по мнению многих ученых, должно проявляться в следовании от многообразия данных в законодательстве и гражданском обороте правовых норм и отношений к реальным общественным отношениям, которые лежат в основе права. Например, Аскназий С.И. полагал, что лишь найдя основу (сущность) анализируемых правовых явлений и преодолев, таким образом, первый этап исследования можно перейти к его второй стадии и совершить «обратный путь» от экономической структуры данной общественной системы ко всему многообразию правовых институтов, в результате чего эти правовые институты оказываются причинно объясняемыми как по их содержанию, так и по их роли и значению. [Аскназий С.И. Общие вопросы методологии гражданского права// Ученые записки ЛГУ. Сер. юрид. наук. – Л., 1948. – Вып. 1. – С.10] Подобный анализ в итоге способствует не только обоснованию правовых категорий, конструкций и институтов, но и выявляет их эффективность на стадии реализации права, а также позволяет обнаружить «пустоты», неохваченные существующими или впервые сформулированными правовыми конструкциями. Тогда восхождение от абстрактного к конкретному представляется как спиралевидный процесс, в ходе которого происходит достраивание права в виде новых конструкций, и в то же время выявляются и исследуются новые явления общественной жизни или отдельные стороны этих явлений, которые ранее не исследовались.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОПЦИОННОГО ДОГОВОРА

Ю. Б. Дидикина

Новосибирский государственный университет

Относительная новизна опционных сделок для российского гражданского оборота обуславливает необходимость исследования отдельных элементов данных сделок. В настоящее время монографий, анализирующих производные финансовые инструменты, и опционный договор в частности, в отечественной цивилистической литературе нет [1]. Однако этот вид срочных сделок позволяет ограничить риск неисполнения обязательств контрагентом, придает устойчивость позиции обладателя опциона и в перспективе может получить широкое распространение.

В дореволюционной цивилистике исследовались сделки с премией, ряд договорных элементов которых и присущий им “условный” характер прав и обязанностей участников, основанный на возможности различного использования “права выбора”, позволяет считать их “предшественниками” опционных сделок [2].

Опционный договор – соглашение, определяющее права и обязанности на получение (передачу) имущества (включая деньги, ценные бумаги) или информации с условием, что держатель опционного контракта может отказаться от прав по нему в одностороннем порядке. Опционный договор есть соглашение между двумя сторонами: покупателем (держателем) и продавцом опциона. Предмет договора – права на будущую передачу прав и обязанностей в отношении реального товара или стандартного (фьючерсного) контракта [3].

Вызывает дискуссию содержание имущественного права, являющегося предметом опционного договора. Некоторые авторы придерживаются мнения, что опционный договор – это договор особого рода – о предоставлении права заключить договор. То есть соглашение, по которому одна сторона приобретает право заключить договор купли-продажи определенного соглашения предмета в будущем по твердо установленной в момент заключения цене, за что уплачивает другой стороне определенную денежную сумму – премию, с возможностью переуступки права на заключение договора купли-продажи на прежних условиях до истечения срока действия соглашения. Здесь предметом является право заключить договор купли-продажи базового актива в будущем, что связано с разграничением двух договоров – основного и договора об исполнении опциона [4]. Данная точка зрения представляется несколько неточной. Предметом опционного договора является право сделать тот или иной выбор, имеющий отношение к сделке, в том числе отказаться от исполнения. “Право выбора” есть право покупателя на основе одностороннего волеизъявления, относящегося к будущему, требовать от продавца передачи определенного количества базового актива по предусмотренной в опционном договоре цене в течение установленного срока (опционного периода) либо в определенный момент времени (срок исполнения опциона) отказаться от исполнения опциона. Данное “право выбора” (опционное право) и является предметом договора. Заключения же дополнительно договора об исполнении опциона, то есть по сути договора купли-продажи базового актива, не требуется, так как реализация опционного права – это уже исполнение опционного договора.

Опционный договор - это условная срочная сделка. Премия – цена возмездного договора и не может рассматриваться в качестве отступного, так как это юридический факт, погашающий обязательство. При заключении опционной сделки никаких обязательств по приобретению базового актива у плательщика премии не возникает (только право). Нельзя в премии усмотреть и неустойку, поскольку она выплачивается при заключении опционной сделки (реже к сроку исполнения), а неустойка взыскивается только тогда, когда обязательство оказалось неисполненным.

Очевидно, что стороны имеют неодинаковые по объему права и обязанности. Тем не менее, опционный договор является двусторонним и консенсуальным.

Существенными условиями договора являются предмет – право на будущую покупку/продажу базового актива (в том числе, количество, качество) приобретателю опциона; премия, взимаемая продавцом опциона; цена, по которой держатель опциона может купить/продать базовый актив; конечный срок и период действия опциона.

Очень часто опционный договор относят к предварительным договорам. Однако, во-первых, заключение второго договора (об исполнении опциона), если предположить, что опционный договор – это предварительный, не требуется, так как передача базового актива – это реализация опциона. Во-вторых, обязанным становится только получатель премии, а покупатель опциона наделяется правом, которое он может реализовать или нет. Так как ГК РФ предусматривает конструкцию не одностороннего, а синаллагматического предварительного договора, то опционный договор – это основной договор.

Все вышесказанное наглядно показывает специфику опционного договора, отличающую его от других типов договоров, предусмотренных ГК РФ. В частности, рамки гражданско-правового договора купли-продажи являются узкими для столь сложного явления, как опцион. Можно сказать, что договор купли-продажи предполагает наличие у продавца имущественного права в качестве самостоятельного объекта. Такое право, например, предоставляет возможность требовать от обязанного лица (третьего лица) совершения определенных действий. Купив имущественное право, покупатель становится кредитором не продавца, а третьего обязанного лица. В опционной сделке обязанной становится сама сторона договора (получатель премии). Предпринимательский риск покупателя ограничивается размером ранее выплаченной премии, и если при купле-продаже лицо заинтересовано в реализации имущественного права, то покупатель опциона по разным причинам может отказаться от реализации своего права. Кроме того, нормы о купле-продаже *применяются* к продаже имущественных прав (п. 4 ст. 454 ГК РФ), так как по общему правилу предметом договора купли-продажи является вещь (товар). Но вплоть до принятия специального ФЗ “О производных финансовых инструментах” или дополнений в ГК РФ, можно по аналогии закона применять нормы договора купли-продажи к правоотношениям из опционного договора.

Стоит отметить, что ещё в 1998 году, несмотря на неразвитость нормативной базы, отечественными компаниями были приняты первые опционные планы (например, «Юкос» и «ВымпелКом»). С помощью программ предоставления опционов на акции служащие компаний приобретали право покупки акций своей компании по фиксированной цене в течение определенного опционного периода. Компания обязывалась через определенный срок продать сотруднику свои акции по заранее определенной цене или предоставить права на получение разницы между рыночным курсом акции и курсом, зафиксированным в опционе, в виде наличных денег, новых акций или того и другого вместе. Такая разница рассматривается как вознаграждение владельца оп-

циона. Помимо мотивации персонала опционные программы помогали привлечь в ряды акционеров широкий круг инвесторов.

В настоящее время ФЗ «О рынке ценных бумаг» определяет статус опционов на акции российских эмитентов. Раньше опционные программы реализовывали на основе заключения договоров с сотрудниками эмитентов, которых планировалось наделять акциями эмитента. Теперь опцион эмитента получил статус ценной бумаги, а значит право на размещение и обращение на фондовом рынке. Однако необходимо помнить, что, во-первых, эмитентом опционов могут выступать исключительно акционерные общества. Во-вторых, опцион эмитента является именной эмиссионной ценной бумагой.

В проектах ФЗ «О производных финансовых инструментах» высказывались предложения оформлять опционный договор в виде ценной бумаги. И это не противоречит гражданскому законодательству, так как право по ценной бумаге может быть реализовано, по общему правилу, при её предъявлении, а поскольку у продавца опциона до предъявления опциона эмитента прав не возникает, а есть только обязанности, то и достаточно наличия ценной бумаги (а по сути договора) у приобретателя опциона.

Таким образом можно сделать вывод, что опционный договор представляет собой договор особого рода, не предусмотренный российским гражданским законодательством. Данная юридическая конструкция позволяет участникам сделки создать устойчивое положение и снизить риск от неблагоприятного изменения цен в будущем на необходимое имущество. Поэтому необходимо внесение изменений в ГК РФ с целью создания определенности такой правовой конструкции как опционный договор.

Примечания:

1. Детальное исследование производных финансовых инструментов, но применительно к германскому законодательству, содержится в работе: Рейнер Г. Деривативы и право. – М., 2005.
2. Цитович П. П. Очерк основных понятий торгового права. - М., 2001. - С. 448.
3. Письмо Государственного антимонопольного комитета РФ № 16-151/АК от 30 июля 1996 г. "О форвардных, фьючерсных и опционных биржевых сделках" // Финансовая газета. - 1996. - № 33.
4. См.: Шеленкова Н. Б. Правовое оформление условных срочных операций с ценными бумагами // Московский журнал международного права. – 1993. - № 1. - С. 132 – 135; Сойфер Т. Сделки в биржевой торговле. / Автореф. дис. к. ю. н. – М., 1996. – С. 14.

ПАТЕНТ – АВТОРСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

А. Ю. Непомнящая

Юридический институт

при Томском государственном университете, г. Томск

В составе интеллектуальной собственности выделяют промышленную собственность, центральным институтом которой являются патентные отношения. Наличие этих отношений в обществе, эффективность их развития – залог технического прогресса. Успех в решении названных проблем во многом зависит от формы правовой охраны патентных отношений, анализу истории которых и посвящена данная статья.

В России первой формой охраны отношений по изобретательству явилась привилегия, которая была утверждена Манифестом 1812 года. Первоначально привилегия воспринималась как проявление формы царской милости за какие-либо услуги. Однако уже закон 1870 г. изменил данное отношение, установив, что этот документ выдается по закону, а не в знак особой милости.

В целом, характеризуя столетний имперский период развития патентного права в России, необходимо отметить, что на этом этапе патентная система возникла и развивалась в цивилизованном общеевропейском русле и была нераздельно связана с документом, представляющим исключительное право на изобретение изобретателю или его правопреемнику. Дальнейшие события в истории России на многие годы резко изменили сложившуюся систему отношений.

Уже одним из первых декретов новой советской власти была перечеркнута сформировавшаяся система отношений. Декрет 1919 г. закрепил принципиально новую форму правовой охраны – авторское свидетельство: за автором изобретения сохранялось право автора на это изобретение, а имущественные права на него принадлежали государству, изобретатель же имел право только на вознаграждение в случае объявления его изобретения достоянием РСФСР. Таким образом, было положено начало становлению советской патентной системы, а Россия выпала из практики цивилизованной патентной культуры на 70 лет.

Однако даже тоталитарное государство не могло отказаться от признанной во всем мире патентной формы охраны изобретений, при которой изобретателю принадлежит не только личные нематериальные права на его изобретение, но и имущественные. Поэтому Постановлением ЦИК и СНК 1931 г. была закреплена уникальная двойная форма правовой охраны изобретений: с этого времени в СССР выдавали патенты и авторские свидетельства. Одна-

ко государство сделало все возможное, чтобы большее распространение получили последние.

Формально, право выбора формы охранного документа на созданное изобретение предоставлялось самому изобретателю. Однако для обладателей авторского свидетельства были установлены льготы: преимущественное право на получение жилья, на занятие научных должностей по месту работы, на получение дополнительного отпуска и т.д. Кроме стимулирующих мер, были установлены прямые запреты: например, изобретение должно было защищено авторским свидетельством, если оно сделано по специальному заданию государственной организации или организации общественного сектора и в других случаях.

Все же полностью отказаться от патента СССР не мог, т.к. иностранцы не знали иной формы правовой охраны изобретений. Хотя именно наша делегация добилась того, чтобы в текст Парижской Конвенции по охране промышленной собственности к перечню охраняемых документов было добавлено авторское свидетельство.

Тем не менее, свобода выбора изобретателя в советской России оказывалась призрачной.

Такое двойственное положение в сфере патентных отношений просуществовало вплоть до 1992 г.

Патентный закон РФ от 23 сентября 1992 г. возродил в России патентно-правовую форму охраны разработок. Как показала практика многих стран и плачевный опыт СССР, именно эта форма охраны эффективно решает одну из главных задач – стимулирование изобретательской деятельности. Авторское свидетельство же по своей правовой природе изначально не могло решить данную проблему. Преобладание авторского свидетельства губительно сказалось на изобретательской инициативе. Положительный момент наличия у России столь тяжелого опыта видится в том, что теперь она вряд ли «свернет» с общепринятого пути развития.

Завершая краткий обзор проблемы формы правовой охраны патентных отношений, нужно сказать, что на изменение этой формы влияли различные факторы, прежде всего исторического плана: смена курса государственного развития, смена власти и связанные с этим изменения в экономической, политической, социальной и духовной сферах жизни российского общества.

Перед современной Россией стоит масса проблем, касающихся патентного права, некоторые из них уже нашли свое решение в Федеральном законе от 24 января 2003 г. «О внесении изменений и дополнений в Патентный закон РФ», другие – нет. Однако решена главная проблема – выбор формы охранного документа. Решение остальных проблем – это дело времени.

ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОСУДИЯ ПО СПОРАМ, ВЫТЕКАЮЩИМ ИЗ АВТОРСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

С. В. Зыков

Институт философии и права СО РАН

Говоря об эффективности правосудия по делам, вытекающих из авторских правоотношений, следует опираться на известное определение эффективности правосудия по гражданским делам [1; 152], подразумевая свойство судебной деятельности по разрешению данной категории споров, вызывающее достижение социально значимых целей. Основной такой целью в сфере авторского права выступает достижение баланса интересов авторов, пользователей и потребителей охраняемых произведений науки, литературы и искусства. Интересы первых носят экономический и психологический характер, вторых – чисто экономический, третьих – культурный (возможность доступа к культурным ценностям).

При этом надо выявить специфические причины неэффективности судебного рассмотрения указанной категории дел, что означает отказ от рассмотрения проблемы «эффективность правосудия по гражданским делам – эффективность правосудия при разрешении споров, вытекающих из авторских правоотношений» в рамках аристотелевской логической оппозиции «родовое – видовое» в пользу оппозиции «общее – особенное».

Неэффективность правосудия по разрешению споров, вытекающих из авторских правоотношений общепризнана. Хотя количество дел данной категории год от года увеличивается, практикующие специалисты в один голос говорят о стремлении судов всеми средствами освободить себя от их рассмотрения. Такой вывод можно также сделать из обзора опубликованной судебной практики федеральных арбитражных окружных судов. В частности, ими часто выносятся постановления об отказе в удовлетворения иска за недоказанностью без исследования доказательств, хотя как следует из самого судебного акта, они представлялись в суд. Ярким свидетельством неэффективности судебной деятельности по разрешению этих споров, является отсутствие до настоящего времени обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, хотя очевидно, что в большинстве таких дел участвует автор – физическое лицо, не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, следовательно споры подлежат рассмотрению в судах общей юрисдикции. В арбитражных судах рассматривается меньшее количество дел, однако Высший Арбитражный Суд РФ представил свои рекомендации в форме известного обзора [2]. Видимо, причиной большего успеха ВАС РФ является, прежде всего, более высокий уровень квалификации арбитражных судей. Кроме того, благоприятна формированию судебно-арбитражной практики система арбитражного судостроительства, которая по-

зволюет формировать судебную практику на уровне кассационной инстанции, территориально отделенной от первой и второй инстанции. Нельзя забывать и о том, что надзорная инстанция по определению - суд, в некотором роде «чрезвычайный» (разумеется в последнем случае речь не идет о том значении слова, которое ему ст.118 Конституции РФ). Однако и с арбитражной практикой не все гладко: окружная практика в значительной части лишь воспроизводит правовые позиции, выраженные в отмеченном обзоре. Встречаются решения, с которыми, при всем желании, трудно связать достижение вышеуказанных социально значимых целей. Например, в Федеральном Арбитражном суде Московского округа было рассмотрено дело [3], с оставлением в силе решение первой инстанции арбитражного суда. Истец – обладатель исключительных авторских прав на основании договора с автором заключил договор с ответчиком, согласно которому ответчик своими силами и за свой счет изготавливает издание книги тиражом 10 000 экземпляров, из которых 3 000 экземпляров передаются истцу, в качестве имущественного возмещения за передачу исключительных прав. Суд посчитал, что передача «права на издание» не означает передачу такого имущественного авторского правомочия, как право на распространение. Иными словами, возмездно получив право на тиражирование произведения его получатель правомерно воспроизвел свою часть тиража, может ее хранить, но распространять каким-либо образом – нет. Ясно, что с точки зрения адекватности экономическому обороту, такое решение абсурдно. Но оно опирается на положения Закона «Об авторском праве и смежных правах» (далее – «Закон») [4], согласно которому права на воспроизведение и на распространение суть различны и формально не связаны друг с другом. Можно ли вынести в данном деле правосудное решение? Можно. Вариантов несколько. Во-первых интерпретация судом «права на издание» исключительно как права на воспроизведение не является единственно возможной. Известно, что под «издательским договором» обычай и прежде существовавшая типовая форма соответствующего авторского договора понимают договор, предметом которого являются права и на воспроизведение и на распространение. Во-вторых, вариант справедливого разрешения дела – применение так называемого «принципа исчерпания прав», закрепленного в п.3 ст.16 Закона на основании аналогии закона (речь в данном случае может идти только об аналогии, поскольку введения в гражданский оборот произведения на материальном носителе посредством продажи в строгом смысле слова не было). Но любой из этих вариантов требовал от субъекта правоприменения свободного владения материей и духом авторского права, чего, к сожалению, суды не проявляют.

Подобного рода социально неэффективные судебные акты выносят и высшие судебные инстанции. Приведем в качестве примера п.8 вышеуказанного обзора [2, С.75]. В описанном казусе истец – юридическое лицо, имеющее исключительные права на созданное его работниками служебное произведение (телепрограмму) передает их в полном объеме ответчику. Ответчик

же не стал использовать полученное им произведение. Истец попытался через суд его к этому обязать. Суд отказал, ссылаясь на то, что в договоре не предусмотрена обязанность начать использование произведения, а в ст.30 и 31 Закона она отсутствует. Заметим, что в этой ситуации почему-то не была рассмотрена возможность применения норм ст.510 ГК РСФСР, до настоящего времени не отмененная, согласно которой организация, получившая право на произведение обязана начать его использование в срок не позднее двух лет со дня одобрения ею произведения. Ведь если вслед за Высшим Арбитражным Судом РФ считать, что обязанности использовать произведение у пользователя по общему правилу не возникает, то легко моделируется ситуация, когда, во-первых, обладатель прав на произведение, передавший их в полном объеме, не получает никакого встречного предоставления (Закон побуждает определять вознаграждения в виде доли доходов от использования произведения), во-вторых, публика лишается возможности доступа к произведению, в связи с тем, что единственный обладатель исключительных прав на произведение его не тиражирует. Таким образом, ущемляются интересы и первоначального правообладателя и потребителей культурных ценностей в пользу недобросовестной стороны.

Возникает вопрос: каковы причины вынесения подобного рода решений? Принцип знания закона судом (*jura novit curia*), если и является презумпцией, то опровержимой. Мы видим, что при рассмотрении авторских споров она опровергается особенно часто. С другой стороны, знание материального права имеет значение не только во время собственно выбора подлежащей применению правовой нормы. Интеллектуальная деятельность судьи носит диалектический характер, разделение его на стадии достаточно условно. Действительно, знание материального права не в меньшей степени необходимо, например, для отбора имеющих существенное значение для рассмотрения дела юридических фактов.

Таким образом, поставленный вопрос сводится к другому: почему судьи плохо владеют законодательством об авторском праве? Основных причин две, их условно можно охарактеризовать как «объективную» и «субъективную». Объективная: очень несовершенно само законодательство об авторском праве; субъективная - недостаточна базовая подготовка отечественных юристов в сфере авторского права, права интеллектуальной собственности. Закон написан так, как будто до него никакого законодательного регулирования авторских отношений не существовало. Он, собственно, на девять десятых является буквальным (в переводе) воспроизведением Типового закона ВОИС для развивающихся стран (Тунисе, 1976), вводящих соответствующие нормы впервые. В России (Российской империи, РСФСР) авторское право развивалось до принятия Закона на протяжении 167 лет, но все эти достижения оказались невостребованными. При этом сам Закон очень несовершенен с точки зрения юридической техники. Его текст: а) неоправданно лапидарен; б) семантически неоднозначен; в) терминологически и структурно не согла-

сован с остальным гражданским законодательством; г) не учитывает традиций отечественного авторского права. Заметим, что развивающиеся страны, для которых, собственно, и был разработан Типовой закон не переписали его, подобно отечественному законодателю, дословно, а основательно адаптировали.

За прошедший период в закон вносились изменения, существенные – в 2004 году [5]. Однако, даже при беглом взгляде на данные изменения видно, что мотивы их внесения были далеки от попыток преодолеть вышеуказанные недостатки (недостаточная включенность в отечественное правовое поле, сложности при применении норм права, в связи с их неоднозначностью и т.п.). Дело, опять же, ограничилось почти дословным включением в текст Закона формулировок международных актов, прежде всего директив ЕС.

Вторая группа причин неэффективности правосудия при разрешении авторско-правовых споров носит субъективный характер.

Ясно, что судьи в качестве базы своей мыслительной деятельности используют знания, полученные в ВУЗе. Споры рассматриваемой категории рассматриваются не слишком часто (хотя число их постоянно увеличивается) поэтому освоиться «на месте» не представляется возможным. Вузовская подготовка по данному разделу материального права всегда не была блестящей. В советские времена авторское право изучалось по остаточному принципу. Заметим, что отчасти это было оправдано, поскольку данные отношения охватывали относительно небольшой круг лиц, а произведения не являлись объектами гражданского оборота, за отсутствием такого. Ситуация изменилась, но подход остался. И сегодня преподаватели предпочитают дать тему «на самостоятельное изучение», а не продираться через малопонятное законодательство. Естественно, представители лиц, участвующих в деле не могут оказать особенной помощи судьям: они учились там же и так же.

Второй субъективной причиной является недостаточная разработанность доктрины авторского права и интеллектуальной собственности вообще. Нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что если история цивилистической доктрины вообще насчитывает две тысячи лет, то доктрине авторского права чуть более двух сотен лет. Разница количественная перерастает в качественную. Особенно это различие проявляется в современной российской действительности. Признанные отечественные цивилисты уделяют сегодня праву интеллектуальной собственности недостаточно внимания. Специалисты в этой сфере преимущественно рекрутируются из специалистов в области патентного дела (чье базовое образование, как правило, техническое), а также лиц прошедших подготовку по различным международным программам. Ясно, что для таких специалистов задача адаптации авторского права в национальное гражданское право выглядит трудновыполнимой. В результате споры идут не о деталях, а отсутствует понимание даже самых общих, принципиальных положений, что особенно наглядно проявилось в дискуссиях о включении норм права интеллектуальной собственности в Гра-

жданский кодекс РФ. Нет даже общепринятого названия подотрасли, обсуждается: «право интеллектуальной собственности», «исключительные права», «интеллектуальные права». Отсутствие четкой доктрины влияет и на уровень преподавания предмета и на возможности совершенствования законодательства.

Основные причины неэффективного рассмотрения дел по спорам, вытекающим из авторских правоотношений, мы постарались разобрать. Ясно, что устранение большинства из них (например, неразработанности доктрины, кардинальной неадекватности законодательства) требует длительной работы. Однако было бы неправильно не попытаться опередить неотложные задачи в целях повышения эффективности рассмотрения данных споров.

1. Курс «право интеллектуальной собственности» должен быть обязательным для студентов, обучающихся по специальности «юриспруденция».

2. Для судебных работников в рамках повышения квалификации должны читаться курсы по праву интеллектуальной собственности.

3. В качестве временной меры можно указать на необходимость специализации судей по данным спорам, однако в каждом суде должно быть не менее двух таких судей.

4. Необходимо вернуться к вопросу о включении раздела «Право интеллектуальной собственности» в Гражданский кодекс Российской Федерации.

Литература

1. Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. – Новосибирск, 1997. – 392 С.

2. Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением Закона Российской Федерации “Об авторском праве и смежных правах”. – Информационное письмо Президиума ВАС от 28.09.1999. – № 47 //Вестник ВАС. – 1999. - № 11. – С.70-80.

3. Постановление ФАС Московского округа от 26.09.2001 № КГ-А40/5269-01 //СПС «Консультант Плюс».

4. Закон Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах» от 09.07.1993 № 5351-1 (ред. от 20.07.2004). – Российская газета. - № 147. – 03.08.1993 г.

5. Федеральный закон «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах» от 25 июня 2004 г. № 72-ФЗ. // Собрание законодательства РФ. - 2004. - N 30. - Ст. 3090.

НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТУРЫ

А. Г. Самохвалов

Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск

Необходимым условием формирования правового государства является расширение и совершенствование судебной защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций.

Важная роль в реализации этого положения принадлежит адвокатуре.

Профессия адвоката имеет свои специфические особенности, что предъявляет высокие требования к деловым и моральным качествам. Правовед, призванный осуществлять благородную функцию защиты прав человека, его достоинство и честь, воспитывать у граждан уважение к закону - это преданный своему делу, знающий право, нравственный и стойкий человек. Добросовестное отношение к работе, честность, принципиальность, справедливость и уважение к человеку - неотъемлемые его качества. Нравственными чертами адвоката должны быть объективность, глубокое уважение к закону и интересам правосудия.

Профессионализм адвоката органически соединяет добросовестность и знание дела. Нравственные начала в деятельности адвоката имеют не меньшее значение, чем получение специальных знаний. Именно адвокатская этика в наибольшей степени способна помочь решению этой проблемы.

История этической и правовой мысли, культурное развитие человечества свидетельствует о том, что справедливость всегда привлекалась в качестве оценки действующих правовых институтов и нравственных предписаний.

В работе Г. Гегеля "Философия права" вопросы права трактовались в органической связи с нравственностью и моралью.

Одна из первых попыток показать значение нравственных требований для правосудия принадлежит А.Ф. Кони, который в нравственности искал средство противопоставить казенному равнодушию чуткое отношение к человеку, способствовать развитию "истинного и широкого человеколюбия на суде".**

С тех пор вопросам судебной этики как учению о нравственных идеалах, принципах и нормах, определяющих нравственное содержание деятельности участников судопроизводства, учеными и практиками уделяется особое внимание.

Стремление адвокатуры к регламентированию нравственных начал своей деятельности просматривается на протяжении всей её истории.

Дореволюционный российский адвокат, вступая в сословие, клялся "не писать и не говорить на суде ничего, что могло бы клониться к ослаблению...доброй нравственности, но честно и добросовестно исполнять обязанности принимаемого на себя звания".

Нравственные кодексы адвокатской профессии разрабатывались во многих странах (в Польше - 1970 г., в Венгрии -1972 г., в Литве - 1974 г. и др.). Принимались они и отдельными коллегиями в России.

31 января 2003 г. Первым Всероссийским съездом адвокатов был принят Кодекс профессиональной этики адвоката, который установил обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности на основе нравственных критериев и традиций адвокатуры. Кодекс состоит из 2-х разделов. В первом разделе изложен перечень профессиональных установок, во втором этические правила рассмотрения дисциплинарных дел. Принятие Кодекса профессиональной этики адвокатов имеет большое теоретическое и практическое значение.

Учитывая, что адвокатская этика является частью судебной этики представляется, что необходимо расширять академическое преподавание этого раздела в сторону подробного исследования.

Известный юрист А.Ф. Кони писал: "И если иной уже давно зрелый судебный деятель в минуту колебания перед тем, какого образа действий надо держаться в том или другом вопросе, вспомнит нравственные указания, слышанные им с кафедры, и, устыдясь ржавчины незаметно подкравшейся рутины, воспрянет духом - преподавание судебной этики найдет себе житейское оправдание ...".*

Литература

*А.Ф. Кони Избранные труды и речи. Тула-2000. с. 107

**Бойков А.Д., Капинус Н.И. Адвокатура России М.: Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова.-2000.с.41

***Барщевский М.Ю. Адвокатская этика. М. "Профобразование",2000.

****Ватман Д.П. Адвокатская этика и нравственные основы судебного представительства по гражданским делам. - М. 1977

ОСОБЕННОСТИ НАСЛЕДОВАНИЯ ПРАВ, СВЯЗАННЫХ С УЧАСТИЕМ НАСЛЕДОДАТЕЛЯ В ОБЩЕСТВАХ С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

С. А. Ветошкина

Институт философии и права СО РАН

Современная экономическая ситуация в России складывается таким образом, что с каждым годом все большее количество граждан становятся участниками предпринимательской деятельности, образуя различные коммерческие организации. Чаще всего они создаются в форме обществ с ограниченной ответственностью, так как процедура образования ООО чрезвычайна

чайно проста и риски участников, связанные с деятельностью данных организаций, сведены к минимуму.

Статус участника общества с ограниченной ответственностью предоставляет его обладателю совокупность прав как имущественного, так и неимущественного характера.

К имущественным правам можно отнести: право на получение части чистой прибыли общества, право участника общества на выплату действительной стоимости доли в случае выхода из общества, право на получение имущества или его стоимости в случае ликвидации общества.

Неимущественными, по сути, являются права, связанные с участием в управлении организацией (право на участие в общем собрании, право созыва внеочередного собрания, право на включение вопросов в повестку дня) и контролем за ее деятельностью (право на получение информации о деятельности, право на знакомство с бухгалтерской и иной документацией организации).

В связи с этим особенно актуальными становятся вопросы правового регулирования отношений по переходу этих прав в порядке наследственного правопреемства.

Согласно п.1 ст. 1176 ГК РФ, в состав наследства, т.е. в наследственную массу, участника общества с ограниченной входит доля этого участника в уставном капитале общества.

Однако, необходимо учитывать, что доля в уставном капитале общества представляет собой не имущество в натуре, а является величиной условной, характеризующей объем прав, связанных с участием в обществе. Участник общества не имеет вещных прав на долю, так как с момента внесения какого-либо имущества в уставный капитал общества, участник утрачивает вещные права на принадлежавшее ему имущество, и оно становится собственностью общества, а участник общества приобретает обязательственные права в отношении общества. Таким образом, от наследодателей - участников обществ с ограниченной ответственностью к наследникам в порядке наследственного правопреемства переходят не доли как таковые, а комплекс имущественных и неимущественных прав, связанных с участием в обществе.

В соответствии с положениями п. 1 ст. 1176 ГК РФ и ст. ст. 21, 23 Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью", доля в уставном капитале общества (и, следовательно, весь комплекс прав, связанных с участием в обществе), автоматически переходит к наследникам в том случае, если уставом общества не предусмотрено, что переход доли допускается только с согласия остальных участников общества.

В тех случаях, когда необходимость получения такого согласия предусмотрена уставом, согласие считается полученным, если в течение 30 дней с момента обращения к участникам общества или в течение иного, определенного уставом общества срока, получено письменное согласие всех участ-

ников общества или не получено письменного отказа в согласии ни от одного из участников.

На практике, вероятно, происходит следующим образом: по истечении 6 месяцев, отведенных на принятие наследства, нотариус выдает свидетельство о праве на наследство в виде доли в уставном капитале общества. После предъявления данного документа обществу созывается собрание участников, на котором решается вопрос о возможности принятия наследника в число участников общества. Анализ норм п. 8 ст. 21 Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью" позволяет сделать вывод о том, что решение о принятии наследника должно быть единогласным. На собрании также решается вопрос о внесении соответствующих изменений в учредительные документы общества. Изменения регистрируются в установленном законом порядке в налоговых органах, и с момента регистрации изменений наследник становится полноправным участником общества, приобретая весь комплекс имущественных и неимущественных права в отношении общества, принадлежавший наследодателю.

В случае отказа в приеме наследника в состав участников общества, доля наследодателя переходит к обществу. При этом в соответствии с п. 6 ст. 23 Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью" и п. 1 ст. 1176 ГК РФ наследник имеет право получить от общества действительную стоимость унаследованной доли, либо соответствующую ей часть имущества. В данной ситуации наследник, по сути, приобретает право требования выплаты действительной стоимости унаследованной доли либо передачи соответствующей ей части имущества общества.

Действительная стоимость доли, определяется на основании данных бухгалтерской отчетности общества за последний отчетный период, предшествующий дню смерти наследодателя.

Согласно п. 7 ст. 23 ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью" моментом перехода доли наследодателя к обществу, в случае отказа на переход доли к наследнику, является получение от любого из участников общества отказа в согласии на переход доли к наследнику. Общество же в свою очередь обязано выплатить действительную стоимость доли или выдать в натуре имущество такой же стоимости в течение 1 года с момента перехода к обществу доли, если меньший срок не предусмотрен уставом общества.

Относительно порядка наследования в ООО можно сделать следующие выводы:

- в состав наследства участника общества с ограниченной ответственностью согласно п. 1. ст. 1176 ГК РФ входит доля участника в уставном капитале общества, однако следует иметь в виду, что речь идет не об имуществе как таковом, так как наследодатель, являясь участником общества, не имел вещных прав на имущество общества, а о комплексе имущественных и неимущественных прав, связанных с участием в обществе;

- с учетом особого порядка наследования в обществах с ограниченной ответственностью объем прав, переходящих к наследникам, может быть различным. Это связано с необходимостью получения согласия остальных участников общества на переход доли к наследнику, если такая процедура предусмотрена уставом общества. В случае получения согласия, к наследнику переходит весь комплекс имущественных и неимущественных прав, связанных с участием в обществе, принадлежавший наследодателю, а в случае отказа в принятии наследника в число участников общества, можно говорить лишь о получении наследником права требования выплаты обществом действительной стоимости унаследованной доли или передачи соответствующей ей части имущества общества;

- на практике, при необходимости согласования с участниками общества перехода доли к наследнику, именно на собрании участников общества решается вопрос о том, что же реально приобретет наследник: статус участника соответствующего общества со всеми предоставленными ему законом и учредительными документами имущественными и неимущественными правами или только обязательственное право на выплату обществом действительной стоимости доли.

ОСНОВАНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ ИНФРАСТРУКТУРЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

Е. В. Ткаченко

Институт философии и права СО РАН

В статье 11 Устава железнодорожного транспорта РФ (далее – Устав), п. 10 Правил об оказании услуг по использованию инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования (далее – Правила) определено, что установление связей между владельцем инфраструктуры и перевозчиком носит длительный характер, так как затрагивает отношения между пользователем услуг железнодорожного транспорта и перевозчиком [1]. Пользователь услуг обязан направить заявку на перевозку груза перевозчику, последний, после чего, подает запрос владельцу инфраструктуры для предоставления необходимого технологического комплекса в целях обеспечения осуществления перевозки. После одобрения заявки перевозчиком, запроса владельцем инфраструктуры заключается договор на оказание услуг по использованию инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования и, затем договор перевозки.

Стоит отметить, что типовая форма заявки составлена так, что она разграничивает понятия инфраструктура и станция, но, согласно, статьи 2 Устава, железнодорожные станции являются частью технологического комплекса, который и представляет инфраструктуру. Также в заявке фигурируют железнодорожные подъездные пути, которые только примыкают к железнодорожным путям общего пользования, видно это связано с тем, что погрузочные работы на станции отправления должны осуществляться на железнодорожных путях необщего пользования, а после того, как состав тронулся и пересек границы данной станции, дальнейшее его продвижение осуществляется по железнодорожным путям общего пользования.

Из анализа железнодорожного законодательства, следует указать, что владелец инфраструктуры вправе отказать перевозчику в согласовании заявки, если между ними отсутствует договор на оказание услуг по использованию инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования. Встает вопрос, разве предшествует его заключение заявке? Появляется и другая проблема, если ставят в зависимость от договора подачу заявки пользователем услуг железнодорожного транспорта, то какова же юридическая природа, значение запроса, со стороны перевозчика, и какого взаимоотношение этих документов? Запрос на предоставление инфраструктуры для перевозки подается перевозчиком владельцу инфраструктуры после согласования полностью или частично им заявки. Следует отметить, что его содержание включает наименование станции отправления, дату и время отправления поезда, предъявления состава поезда к отправлению, вид поезда и др., но ничего не говорит об инфраструктуре железнодорожного транспорта общего пользования, кроме предоставления возможности отдельно указать, какой вид услуги оказывается. Это дает основание думать, что подвижной состав – главная вещь, а технологический комплекс, представляющий инфраструктуру – его принадлежность. Видимо, следовало бы дополнить запрос тем, что по договору предоставляются для эксплуатации железнодорожные пути общего пользования.

Законодатель не дает определение запроса, можно представить следующее его понятие. Запрос – это документ в виде обращения перевозчика, заинтересованного в предоставлении услуги, к владельцу инфраструктуры с просьбой ее оказать для удовлетворения потребностей и интересов пользователя услуг железнодорожного транспорта. Он может быть послан нескольким владельцам инфраструктуры, с целью выбора наиболее выгодных предложений. Учитывая, что запрос должен содержать твердые обязательства предоставить услугу, можно предположить, что он равен заказу. Но, исходя из того, что услуга, объекты инфраструктуры предоставляются, а не продаются, что свойственно для заказа, где товар (услуга) передаются в собственность, кроме того, с указанием их количества и качества, а также оказываются они по лицензии с разрешения федерального органа исполнительной власти в сфере железнодорожного транспорта, ОАО «РЖД», ее филиалов, следовательно,

ставить знак равенства между запросом и заказом нельзя. Запрос больше олицетворяет арендные отношения, а заказ – собственнические.

Стоит отметить, что согласно типовой форме запроса, договор должен быть заключен до его подачи, чем подчеркиваются длящиеся отношения между одним владельцем инфраструктуры и перевозчиком, но если отношения носят разовый характер, то тогда правильнее было бы его оформлять после подачи запроса, который выполняет роль оферты и является его первоначальной стадией, ведь невозможно учесть всех условий и особенностей каждой разовой перевозки. А эту задачу должен решить только договор.

Резюмируя все изложенное, можно прийти к следующему заключению:

1). В основании возникновения обязательственного правоотношения по предоставлению инфраструктуры лежит единый сложный фактический состав, слагающийся из запроса, являющегося конститутивным элементом при возникновении прав и обязанностей сторон в данном обязательстве и договора. Причем договор нельзя считать простым его повторением, в нем конкретизируются права, обязанности и ответственность сторон;

2). Но можно ли относить в это обязательство со сложной структурой также совокупность отдельных относительно самостоятельных обязательств, возникающих в определенной последовательности из самостоятельных юридических фактов? Например, такие правопорождающие факты, как принятие перевозчиком инфраструктуры от его владельца; предоставление и принятие ее пользователем услуг железнодорожного транспорта, принятие грузополучателем объекта договора перевозки от пользователя услуг железнодорожного транспорта. Видимо нельзя, так как, с одной стороны, такая конструкция приводит к логическому выводу о том, что отношения по предоставлению инфраструктуры опосредствуется несколькими, а не, «единым сложным» обязательством. А с другой, с этой позиции нельзя со всей определенностью установить, что является основанием возникновения не только «единого», но и того или иного обязательства в правоотношении по оказанию такой услуги, поскольку перечень правообразующих фактов можно продолжить до бесконечности. Но и признание запроса и договора в качестве основных элементов состава не раскрывает их соотношения, ибо не показывает, какую роль каждый из них играет в формировании этого отношения. Видно, скорее всего, надо говорить не о примате того или иного элемента в составе фактов, а именно о характере связи этих элементов и их роли в формировании порождаемого ими правоотношения. Для этого необходимо выяснить, какие обязательства возникают из запроса и какова роль договора в формировании рассматриваемого правоотношения;

4). Запрос обладает рядом свойств, важнейшими из которых являются следующие: он выступает как форма рассматриваемого договора; подтверждает наличие договорных отношений; служит доказательством взаимных прав и обязанностей сторон; является именным документом, представляющим права требования к владельцу инфраструктуры о предоставлении техно-

логического комплекса. То есть можно предположить, что он носит характер ценной бумаги, но считать это следует условно, а в частности, до того момента пока не заключен сам договор. После же его перефекции он сохраняет характер лишь простого доказательства известного юридического факта, служит удостоверением существования обязательственных отношений сторон, закрепленных в договоре.

5). Роль договора в формировании данного правоотношения проявляется в том, что он конкретизирует запрос и является средством его выполнения. Кроме того, его правовая цель всегда предопределяется целью того обязательства, во исполнение которого он заключается – договора перевозки. Особенность обязательства, вытекающего из запроса, состоит не в том, что для его возникновения не требуется соглашение, а в том, что это соглашение движется в сравнительно узких границах, и состав его больше определен извне – в договоре.

Литература

1. Федеральный закон «Устав железнодорожного транспорта РФ»//Собрание законодательства РФ.-2003.-№2.-ст.170.
2. Правила оказания услуг по использованию инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования от 20.11.03//Российская газета.-2003.-26 ноября. - С.15.

ТОВАРНЫЙ ЗНАК В МЕХАНИЗМЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЯ

К. А. Кириченко

Новосибирский государственный университет

Существование и развитие конкуренции предопределяет необходимость предпринимателей идентифицировать себя и результаты своей деятельности в гражданском обороте. Функции индивидуализации заложены в таких объектах гражданских прав, как товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования, коммерческие обозначения и др. Однако действующее российское законодательство не содержит определения понятия «средство индивидуализации». Между тем, формулирование указанного определения, выделение общих черт правового режима названных объектов позволит более комплексно решать многие существующие проблемы в области правовой охраны таких объектов. В частности, такое определение необходимо для решения вопроса о том, можно ли рассматривать в качестве средств индивидуализации новые объекты, например, доменные имена. Кроме того, иденти-

фицирующая функция предопределяет недопустимость смешения средств индивидуализации и служит охране прав как самих производителей, так и потребителей.

Прежде всего, поскольку средства индивидуализации призваны отличать одни объекты от других, они должны быть способными к восприятию субъектами – потребителями, контрагентами, государственными органами, и, следовательно, должны быть выразимы вовне.

Кроме того, следует различать понятия «средство индивидуализации» в качестве явления общественной жизни и в качестве правовой категории. В первом случае обозначение может идентифицировать производителей (результаты их деятельности) и не имея правовой охраны. Однако в юридическом смысле средством индивидуализации может быть признано лишь такое обозначение, которое удовлетворяет предъявляемым к нему законом условиям охраноспособности.

Таким образом, средство индивидуализации можно определить как *обозначение, выраженное в какой-либо объективной форме, идентифицирующее или предназначенное для идентификации участников гражданского оборота и/или результатов их деятельности, удовлетворяющее установленным законодательством условиям охраноспособности.*

Рассмотрим некоторые аспекты сформулированного нами определения применительно к конструкции товарного знака.

Во-первых, товарный знак – это обозначение, выраженное в какой-либо объективной форме. Действующее законодательство о товарных знаках не содержит исчерпывающего перечня видов товарных знаков, которые могут быть словесными, изобразительными, объемными, световыми, звуковыми, комбинированными и т.д. В какой бы форме ни был выражен товарный знак, он лишь должен обладать новизной, различительной способностью и, по общему правилу, быть зарегистрированным в Роспатенте. Так, например, не исключено, что в скором времени сочетание желтого и черного цветов, используемое компанией «Билайн» на товарах и в рекламе, приобретет различительную способность, будет ассоциироваться в сознании потребителей именно с данной организацией, и сможет быть зарегистрировано в качестве товарного знака. Однако конкретных механизмов регистрации и использования «нетипичных» товарных знаков пока не выработано.

Во-вторых, товарный знак должен быть способным к идентификации производителя и/или результатов его деятельности. Таким образом, фигура правообладателя приобретает первостепенное значение. В законодательстве о товарных знаках закреплено правило, в соответствии с которым обладателем прав на товарный знак может быть только юридическое лицо либо индивидуальный предприниматель. В связи с этим определенного внимания заслуживает вопрос о том, что происходит с таким правом в случае смерти его обладателя – индивидуального предпринимателя, не имеющего наследников, обладающих таким же статусом.

Обратимся к нормам третьей части гражданского кодекса, регламентирующим наследственные правоотношения. В соответствии со ст. 1112 ГК установлено, что личные неимущественные права и другие нематериальные объекты не входят в состав наследства. Однако результаты творческой деятельности и объекты промышленных прав, в том числе товарные знаки, относятся к категории нематериальных благ. Представляется, что в данном случае нужно разделять понятия самого товарного знака и права на него, имеющего имущественный характер, и включаемого в состав наследства. Такая позиция подтверждается и условием ст. 1173 ГК о доверительном управлении имуществом, требующим управления. Среди возможных видов такого имущества названы, помимо прочих, и исключительные права.

Что же касается судьбы права на товарный знак в случае, если наследники не имеют статуса предпринимателей, то здесь представляется возможным сделать следующие выводы.

Исключительное право на товарный знак может быть передано по наследству в составе предприятия, и тогда применению будет подлежать ст. 1178 ГК, регламентирующая наследование предприятия. В соответствии с этой статьей, при отсутствии наследников-предпринимателей (либо при их отказе от преимущественного права на наследование), указанное имущество переходит, по общему правилу, в общую долевую собственность наследников. Вопрос же о том, каким образом исключительное право, субъектами которого могут быть только юридические лица и индивидуальные предприниматели, может находиться в общей долевой собственности физических лиц, не зарегистрированных в качестве таковых, остается открытым.

С другой стороны, ст. 1180 ГК устанавливает правила о наследовании ограниченно оборотоспособных вещей и отсылает к ст. 129 ГК. Однако при более внимательном изучении указанных норм можно обнаружить, что если ст. 1180 ГК говорит о наследовании ограниченно оборотоспособных *вещей*, то в ст. 129 ГК раскрывается понятие ограниченно оборотоспособных *объектов*, в качестве которых могут выступать не только вещи, но и иное имущество, в том числе и исключительные права, которые могут принадлежать только определенным участникам гражданского оборота. Таким образом, регулирование перехода по наследству прав на товарный знак путем применения ст. 1180 ГК также может быть осложнено.

Итак, несмотря на то, что определенные основы правового регулирования товарных знаков заложены законодательно и существует немало теоретических разработок, связанных с регистрацией, использованием и защитой указанных объектов, определенные проблемы остаются актуальными и требуют новых подходов и решений.

ФИРMENНОЕ НАИМЕНОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ И ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ОТ НЕПРАВОМЕРНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

О. В. Беляева

Новосибирский государственный университет

В последнее время, с развитием в России рыночных отношений, с каждым годом усиливается конкуренция. Важнейшим фактором конкурентной борьбы становится деловая репутация фирмы, проявляющаяся в средствах индивидуализации предприятия на рынке, и, прежде всего, в фирменном наименовании.

Вопрос о фирменном наименовании, несмотря на всю его важность, один из самых сложных и запутанных, как в правовой литературе, так и в законодательстве. Отношения, складывающиеся по поводу фирменного наименования, в настоящее время регулируются несколькими статьями Гражданского кодекса Российской Федерации и Положением о фирме 1927 года, которое на сегодняшний день морально устарело, кроме того, вопросы состава фирменного наименования регулируются ФЗ «Об АО»[1], ФЗ «Об ООО»[2] и другими подобными законами.

Как и любое субъективное право, интеллектуальная собственность на фирменное наименование обеспечивает своему субъекту стандартный набор юридических возможностей, а именно:

-право на собственные действия – возможность пользоваться и распоряжаться объектом;

-право требования – возможность требовать от обязанных лиц определенного, в данном случае «пассивного» поведения;

-право на защиту – возможность использовать меры правоохранительного характера с целью восстановления нарушенного права и пресечения действий, нарушающих право.

Любое право можно считать реальным лишь при предоставлении правообладателю достаточных средств для пресечения нарушения и восстановления нарушенных прав и интересов. Выполнение этой задачи можно осуществлять с помощью различных средств и способов.

Как и защита любого другого права, защита фирменного наименования возможна в двух формах – юрисдикционной и неюрисдикционной. В последнем случае обычно говорят о *самозащите права* (ст. 14 ГК РФ). Чаще всего в качестве способа самозащиты применяются публичные заявления, в которых фирмовладелец разъясняет, предупреждает, заявляет свою официальную позицию, указывает на факты правонарушения.

В рамках юрисдикционной формы защита может осуществляться двумя способами – в административном и судебном порядке.

В нашем законодательстве можно выделить два вида мер, применяемых в административном порядке – это меры, предусмотренные Законом о конкуренции[3] и Законом о товарных знаках[4].

Защита права на фирменное наименование в административном порядке преимущественно применяется в тех случаях, когда предъявление иска не имеет перспективы. Такое положение может создаться в случаях, когда нарушитель использует чужое фирменное наименование не полностью или в качестве коммерческого обозначения. Арбитражные суды не рассматривают подобные действия как нарушение исключительных прав на фирменное наименование, а административные нормы предусматривают запрет всяких действий, способных вызвать смещение в отношении предприятия, продуктов или торговой деятельности конкурента (ст. 10 bis (3) Парижской конвенции по охране промышленной собственности). Но при обращении в административные органы необходимо помнить, что его решение может быть обжаловано в суд (п. 2 ст. 11 ГК РФ).

Судебный порядок защиты права на фирменное наименование вызывает, пожалуй, больше вопросов, чем дает ответов.

Наиболее распространенный способ судебной защиты права на фирму – требование о прекращении ее незаконного использования. Формальным основанием для заявления такого иска служит ст. 12 ГК РФ, предусматривающая в качестве одного из способов защиты гражданских прав восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право.

В случае предъявления иска о воспреещении фирмовладелец должен доказать следующие обстоятельства: фактическое использование ответчиком тождественного или сходного обозначения; факт своего приоритета; возможность смешения коммерческих организаций при использовании этого обозначения.

Обычно право на фирменное наименование защищается в два этапа: сначала заявляется иск о воспреещении, а затем, в случае доказанного нарушения прав, требуется возмещение убытков. Однако в законодательстве России пока не разработаны правовые нормы, регулирующие условия и предельные размеры денежного возмещения убытков от нарушения исключительного права на фирменное наименование, стандарты оценки этих убытков.

Теоретически существует несколько способов определения и взыскания убытков при нарушении права на фирменное наименование, но в нашей судебной практике не один из предлагаемых мною способов не нашел своего подтверждения вынесенным решением.

Первый способ – это определение упущенной выгоды. Экономическая оценка убытков от нарушения права на фирму в соответствии со ст. 15 ГК РФ основывается на оценке расходов, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, а также на оценке недополученных доходов, которое это лицо получило бы

при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода), а в отдельных случаях – на оценке утраты и повреждения его имущества (реальный ущерб) в результате нарушения права на фирменное наименование. Но непонятно как оценивать упущенную выгоду при неблагоприятных условиях на рынке, доходы лица падают уже по двум причинам, какую долю убытков отнести на правонарушителя? Ситуация может быть еще запутанней, если конъюнктура рынка была благоприятной, и доходы фирмовладельца росли, в этом случае практически невозможно доказать наличие вреда.

Также можно использовать способ определения «разумных роялти». Суть этого способа заключается в том, что размер денежной компенсации определяется как сумма, которая предположительно была бы уплачена правонарушителем владельцу фирменного наименования при заключении соответствующего лицензионного договора.

Определение компенсации «по справедливому усмотрению» - этот способ используется при невозможности доказать размер убытков, причиненных неправомерным использованием фирменного наименования. В настоящее время в нашем законодательстве по интеллектуальной собственности прослеживается тенденция закрепления такого «запасного» способа защиты. Закон о товарных знаках предусматривает, что «правообладатель и обладатель свидетельства на право пользования наименованием места происхождения товара вместо требования о взыскании причиненных убытков вправе требовать от лица, незаконно использующего товарный знак или наименование места происхождения товара, выплаты определяемой судом денежной компенсации в размере от 1000 до 50000 МРОТ». Арбитражный суд может применять эту норму в порядке аналогии закона и к фирменным наименованиям.

Безусловно, все рассмотренные мною проблемы представляют лишь верхушку айсберга. Вопрос о защите фирменного наименования и возмещении вреда остается одним из самых жгучих и животрепещущих, нуждается в более отчетливом законодательном регулировании и дальнейшем изучении.

Литература

1. См. ст. 4 ФЗ от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 29.12.2004) «Об акционерных обществах».
2. См. ст. 4 ФЗ от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 29.12.2004) «Об обществах с ограниченной ответственностью».
3. Закон РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 (ред. от 09.10.2002) «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках».
4. Закон РФ от 23.09.1992 № 3520-1 (ред. от 11.12.2002, с изм. от 24.12.2002) «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров».

ПРИНЦИП СВОБОДЫ ДОГОВОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И ЕГО ОГРАНИЧЕНИЕ

Н. Ф. Мухамедова

Институт философии и права СО РАН

Принцип свободы договора закреплен в п.1ст.2 и ст.380 Гражданского Кодекса Республики Казахстан и состоит из двух пунктов, но также данный принцип получил свое развитие и в других статьях гражданского кодекса. И так что представляет собой принцип свободы договора в гражданском кодексе и существуют ли его ограничения?

В Республике Казахстан вплоть до перехода на рыночные отношения основная масса договоров – те, которые связывали между собой главных участников экономического оборота – государственные, а также кооперативные и иные общественные организации, заключалась во исполнение или для исполнения плановых актов. Воля контрагентов в таких договорах складывалась под прямым или косвенным влиянием исходящих от государственных органов заданий. Тем самым договор утрачивал свой основной, конституирующий признак: он лишь с большой долей условности мог считаться результатом согласия. Иного и быть не могло, если учесть, что плановый акт предопределял в виде общего правила, какие, о чем, когда и в каком объеме должны были заключать договоры на передачу товаров, выполнение работ или оказания услуг. Договоры в постсоветском обществе слабы и ненадежны не столько потому, что механизм обеспечения их исполнения плох – как раз внешне здесь все выглядит более или менее благополучно – в законодательстве зафиксированы основные возможности защиты потерпевших, свойственные развитым рыночным цивилизациям, а потому, что плохо обеспечена автономия воли частных собственников с распоряжением своих товаров.

Необходимо добавить, что в последние годы в Казахстане стала проявляться тенденция к повышению роли договора, она характерна для всего современного гражданского права. Эта тенденция в первую очередь связана с признанием частной собственности и постепенным занятием ею командных высот в экономике, сужением до необходимых пределов государственного регулирования хозяйственной сферы, установлением свободы выбора контрагентов. Новый ГК не только провозгласил «свободу договоров», но и создал необходимые гарантии для ее осуществления. В РК частная собственность сформирована государством, чиновниками, наложенной на все это социалистической психологией, и, следовательно, ни о какой конкуренции между государственной собственностью и частной речи идти не может. Нет полноценного собственника в сельском хозяйстве, а без этого договоры в данном секторе экономики не могут быть эффективным инструментом. Таким образом, лишь всеобъемлющее обеспечение частной собственности, интересов

частного собственника может привести к выполнению договором своего предназначения и раскрытию его потенциала, используя метафору, дает возможность участникам товарного оборота играть на всех его струнах.

Можно попытаться выделить несколько причин, побудивших законодателя все же определить отдельные ограничения договорной свободы. Прежде всего, установление пределов свободы договора вызвано экономическим развитием. Формальное равенство сторон и одинаковая возможность отстаивать свои интересы, закрепленные в праве, не сопровождаются равенством фактическим. Одни заведомо имеют более сильные позиции по сравнению с другими. Необходимость защитить слабую сторону является причиной введения норм, ограничивающих свободу усмотрения сторон. Как отметил И.А. Покровский: « Известные ограничения принципа договорной свободы неизбежны, и весь вопрос заключается только в том, как далеко они могут идти и в каких терминах они могут быть выражены. А это раскрывает перед нами новую и чрезвычайную трудную проблему – быть может, одну из самых труднейших проблем всего гражданского права»[1]. Понятие «ограничение» в области правовой науки представляет собой малоизученную категорию. Да и это не случайно, поскольку ограничения непосредственно взаимосвязаны с такой категорией, как «свобода», которая долгое время носила формальный характер, как в области теории права, так и в отраслевых науках, включая гражданское право.

Свобода договора может ограничиваться государством путем детальной регламентации банковских, страховых, транспортных, валютных, внешнеторговых операций; установления систем личного лицензирования; определения тем цен на товары и услуги и т.п. Существуют и некоторые нормативные ограничения свободы договора, с которыми субъекты могут согласиться или действовать по своему усмотрению. В случае согласия с такими предписаниями стороны обязаны исполнять их неукоснительно, но если согласия нет, то они ведут договорную деятельность по собственному усмотрению с принятием всей ответственности на свой риск. Гражданское законодательство связывает их со специальной правосубъектностью юридических лиц; с обязательным участием одной из сторон в публичных торгах, без выигрыша которых невозможно заключение договора; с запретом на невключение в условия договора пунктов, хотя и не являющихся обязательным для данного договора, но существенно нарушающих, ограничивающих или ущемляющих права и законные интересы субъектов права (такие запреты применяются законодательством чаще всего для договорных отношений с потребителями); с наличием определенных условий, предъявляемых к сторонам или стороне, необходимых для его заключения; с договорами, когда покупатель или потребитель фактически не имеет возможности даже обсуждать условия договора, (что имеет место в договорах присоединения с гражданами, совершаемых при самом их исполнении ст.389 ГК РК). Наиболее характерным примером обязательного заключения поименованного в законе договора является

правило, закрепленное ст. 688 ГК РК, согласно которому перевозка грузов, пассажиров и багажа осуществляется на основании договора перевозки.

На стадии заключения договора в полной мере реализуется такая составляющая часть принципа свободы договора, как право вступать в договор, выбирать контрагента, определять условия будущего соглашения. Также вызывает интерес и конструкция предварительного договора. Суть ее сводится к тому, что стороны обязуются в дальнейшем заключить другой, основной договор. На первый взгляд кажется, что мы находим в этой ситуации яркий пример ограничения свободы воли сторон. Однако это не так. Сторона свободна, вступать или не вступать в предварительный договор. Ее обязанность в отношении будущего соглашения возникает только по ее воле и основана на добровольном акте, то есть на свободном соглашении.

С одной стороны, ограничение свободы заключения договора на законодательном уровне проявляется в наличие обязательных для будущих контрагентов предписаний, характеризующих правопорядок государства в целом, а с другой установление строго определенных видов договора, ограничивающих свободу вступления в договорные отношения одного или обоих контрагентов.

Для заключения некоторых видов договоров применяются их стандартные или типизированные формы (перевозки, страхование, продажа товаров в кредит и т.п.). Примером может служить обычная практика заключения публичных договоров, особенно договоров присоединения ст. 387, 389 ГК РК. В таких случаях документ, выражающий договор, составляется в форме, установленной стандартом, типовым или примерным образцом, примерными условиями и т.п. Подобные документы разрабатываются, как правило, продавцом, исполнителем работ или представителем услуг. По взаимному соглашению сторон в документ могут быть внесены изменения. Опубликованные в печати примерные условия договора при соблюдении нужных требований могут рассматриваться в качестве обычаев делового оборота (ст.3,382 ГК РК).

Подводя итог, можно сказать, что принцип свободы договора в ГК РК существует и работает, но все же ограничение данного принципа в гражданском кодексе имеются и преследуют они одну из трех целей: защита слабой стороны; защита интересов кредиторов, нарушение которых может отразиться на гражданском обороте; защита интересов государства в концентрированном виде, выражающем интересы граждан, но и позволяет в конфликтных ситуациях защитить интересы добросовестной стороны.

Литература

1. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. - М. 1998г. С. 251.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ В XXI ВЕКЕ**

Материалы региональной научной конференции молодых ученых Сибири
в области гуманитарных и социальных наук

Тексты докладов печатаются
в авторской редакции

Подписано в печать 20.05.2005 г.
Формат 60х84 1/16. Офсетная печать.
Уч.-изд. л. 11.5. Тираж 100 экз.
Заказ № 278

Лицензия ЛР № 021285 от 6 мая 1998г.
Редакционно-издательский центр НГУ
630090, Новосибирск-90, ул. Пирогова, 2.